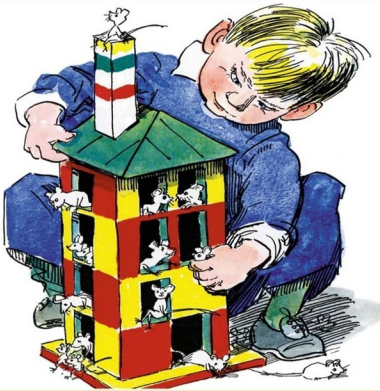
КЛАССНАЯ ЛИТЕРАТУРА

— Николай **Носов** —

Витя Малеев в школе и дома

Витя Малеев в школе и дома
Николай Носов

Аннотация
Николай Носов. Витя Малеев в школе и дома
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвёртая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая

Аннотация

Герои повести Николая Носова после летних каникул возвращаются в школу. Перед Витей Малеевым и Костей Шишкиным стоит важная задача – нужно исправить оценки! Только хитрости не помогут: ни обман, ни даже мечта стать дрессировщиками в цирке не улучшат знания арифметики и русского языка. Остаётся одно – усерднее учиться!

Николай Носов
Витя Малеев в школе и дома

© Носов. Текст, художественные образы, иллюстрации, 2025
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
«Махаон»®

* * *

Николай Носов

Витя Малеев в школе и дома

Повесть

Художник
А. Каневский

Издание
И. П. Носова

Москва
«Махаон»

Глава первая

*П*одумать только, как быстро время летит! Не успел я оглянуться, как каникулы кончились и пришла пора идти в школу.

Целое лето я только и делал, что бегал по улицам да играл в футбол, а о книжках даже позабыл думать. То есть я читал иногда книжки, только не учебные, а какие-нибудь сказки или рассказы, а так чтоб позаниматься по русскому языку или по арифметике — этого не было. По русскому я и так хорошо учился, а арифметики не любил. Хуже всего для меня было — это задачи решать. Ольга Николаевна даже хотела дать мне работу на лето по арифметике, но потом пожалела меня и перевела в четвёртый класс так, без работы.

— Не хочется тебе лето портить, — сказала она. — Я переведу тебя так, но ты дай обещание, что

сам позанимаешься по арифметике летом.

Я, конечно, обещание дал, но как только занятия кончились, вся арифметика выскочила у меня из головы, и я, наверно, так и не вспомнил бы о ней, если б не пришла пора идти в школу. Стыдно было мне, что я не исполнил своего обещания, но теперь уж всё равно ничего не поделаешь.

Ну и вот, значит, пролетели каникулы! В одно прекрасное утро — это было первого сентября — я встал пораньше, сложил свои книжечки в сумку и отправился в школу. В этот день на улице, как говорится, царило большое оживление. Все мальчики и девочки, и большие и маленькие, как по команде, высыпали на улицу и шагали в школу. Они шли и по одному, и по двое, и даже целыми группами по нескольку человек. Кто шёл не спеша, вроде меня, кто мчался стремглав, как на пожар. Малыши тащили цветы, чтобы украсить класс. Девчонки визжали. И ребята тоже некоторые визжали и смеялись. Всем было весело. И мне было весело. Я был рад, что снова увижу свой пионерский отряд, всех ребят-пионеров из нашего класса и нашего вожатого Володю, который работал с нами в прошлом году. Мне казалось, будто я путешественник, который когда-то давно уехал в далёкое путешествие, а теперь возвращается об-

ратно домой и вот-вот скоро уже увидит родные берега и знакомые лица родных и друзей.

Но всё-таки мне было не совсем весело, так как я знал, что не встречу среди старых школьных друзей Федю Рыбкина — моего лучшего друга, с которым мы в прошлом году сидели за одной партой. Он недавно уехал со своими родителями из нашего города, и теперь уж никто не знает, увидимся мы с ним когда-нибудь или нет. И ещё мне было грустно, так как я не знал, что скажу Ольге Николаевне, если она меня спросит, занимался ли я летом по арифметике. Ох уж эта мне арифметика! Из-за неё у меня настроение совсем испортилось.

Яркое солнышко сияло на небе по-летнему, но прохладный осенний ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья. Они кружились в воздухе и падали вниз. Ветер гнал их по тротуару, и казалось, что листочки тоже куда-то спешат.

Ещё издали я увидел над входом в школу большой красный плакат. Он был увит со всех сторон гирляндами из цветов, а на нём было написано большими белыми буквами: «Добро пожаловать!» Я вспомнил, что такой же плакат висел в этот день здесь и в прошлом году, и в позапрошлом, и в тот день, когда я совсем ещё

маленьким пришёл первый раз в школу. И мне вспомнились все прошлые годы. Как мы учились в первом классе и мечтали поскорей подрасти и стать пионерами.

Всё это вспомнилось мне, и какая-то радость встрепенулась у меня в груди, будто случилось что-то хорошее-хорошее! Ноги сами собой зашагали быстрей, и я еле удержался, чтоб не пуститься бегом. Но это было мне не к лицу: ведь я не какой-нибудь первоклассник — как-никак всё-таки четвёртый класс!

Во дворе школы уже было полно ребят. Ребята собирались группами. Каждый класс отдельно. Я быстро разыскал свой класс. Ребята увидели меня и с радостным криком побежали навстречу, стали хлопать по плечам, по спине. Я и не думал, что все так обрадуются моему приходу.

— А где же Федя Рыбкин? — спросил Гриша Васильев.

— Правда, где Федя? — закричали ребята. — Вы всегда вместе ходили. Где ты его потерял?

— Нету Феди, — ответил я. — Он не будет больше у нас учиться.

— Почему?

— Он уехал из нашего города со своими родителями.

— Как так?

— Очень просто.

— А ты не врёшь? — спросил Алик Сорокин.

— Вот ещё! Стану я врать!

Ребята смотрели на меня и недоверчиво улыбались.

— Ребята, и Вани Пахомова нет, — сказал Лёня Астафьев.

— И Серёжи Букатина! — закричали ребята.

— Может быть, они тоже уехали, а мы и не знаем, — сказал Толя Дёжкин.

Тут, как будто в ответ на это, отворилась калитка, и мы увидели, что к нам приближается Ваня Пахомов.

— Ура! — закричали мы.

Все побежали навстречу Ване и набросились на него.

— Пустите! — отбивался от нас Ваня. — Человека никогда в жизни не видели, что ли?

Но каждому хотелось похлопать его по плечу или по спине. Я тоже хотел хлопнуть его по спине, но по ошибке попал по затылку.

— А, так вы ещё драться! — рассердился Ваня и изо всех сил принялся вырываться от нас.

Но мы ещё плотней окружили его.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут

пришёл Серёжа Букатин. Все бросили Ваню на произвол судьбы и накинулись на Букатина.

— Вот теперь, кажется, уже все в сборе, — сказал Женя Комаров.

— Все, если не считать Феди Рыбкина, — ответил Игорь Грачёв.

— Как же его считать, если он уехал?

— А может, это ещё и неправда. Вот мы у Ольги Николаевны спросим.

— Хотите верьте, хотите нет. Очень мне нужно обманывать! — сказал я.

Ребята принялись разглядывать друг друга и рассказывать, кто как провёл лето. Кто ездил в пионерлагерь, кто жил с родителями на даче. Все мы за лето выросли, загорели. Но больше всех загорел Глеб Скамейкин. Лицо у него было такое, будто его над костром коптили. Только светлые брови сверкали на нём.

— Где это ты загорел так? — спросил его Толя Дёжкин. — Небось целое лето в пионерлагере жил?

— Нет. Сначала я был в пионерлагере, а потом в Крым поехал.

— Как же ты в Крым попал?

— Очень просто. Папе на заводе дали путёвку в дом отдыха, а он придумал, чтоб мы с мамой тоже поехали.

— Значит, ты в Крыму побывал?

— Побывал.

— А море видел?

— Видел и море. Всё видел.

Ребята обступили Глеба со всех сторон и стали

разглядывать, как какую-нибудь диковинку.

— Ну так рассказывай, какое море. Чего ж ты молчишь? — сказал Серёжа Букатин.

— Море — оно большое, — начал рассказывать Глеб Скамейкин. — Оно такое большое, что если на одном берегу стоишь, то другого берега даже не видно. С одной стороны есть берег, а с другой стороны никакого берега нет. Вот как много воды, ребята! Одним словом, одна вода! А солнце там печёт так, что с меня сошла вся кожа.

— Врёшь!

— Честное слово! Я сам даже испугался сначала, а потом оказалось, что у меня под этой кожей есть ещё одна кожа. Вот я теперь и хожу в этой второй коже.

— Да ты не про кожу, а про море рассказывай!

— Сейчас расскажу… Море — оно громадное! А воды в море пропасть! Одним словом — целое

море воды.

Неизвестно, что ещё рассказал бы Глеб Скамейкин про море, но в это время к нам подошёл Володя. Ну и крик тут поднялся! Все обступили его. Каждый спешил рассказать ему что-нибудь о себе. Все спрашивали, будет он у нас в этом году вожатым или нам дадут кого-нибудь другого.

— Что вы, ребята! Да разве я отдам вас кому-нибудь другому? Будем работать с вами, как и в прошлом году. Ну, если я сам надоем вам, тогда дело другое! — засмеялся Володя.

— Вы? Надоедите?.. — закричали мы все сразу. — Вы нам никогда в жизни не надоедите! Нам с вами всегда весело!

Володя рассказал нам, как он летом со своими товарищами комсомольцами ездил в путешествие по реке на резиновой лодке. Потом он сказал, что ещё увидится с нами, и пошёл к своим товарищам старшеклассникам. Ему ведь тоже хотелось поговорить со своими друзьями. Нам было жалко, что он ушёл, но тут к нам подошла Ольга Николаевна. Все очень обрадовались, увидев её.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна! — закричали мы хором.

— Здравствуйте, ребята, здравствуйте! — улыбнулась Ольга Николаевна. — Ну как, нагулялись

за лето?

— Нагулялись, Ольга Николаевна!

— Хорошо отдохнули?

— Хорошо.

— Не надоело отдыхать?

— Надоело, Ольга Николаевна! Учиться хочется!

— Вот и прекрасно!

— А я, Ольга Николаевна, так отдыхал, что даже устал! Если б ещё немного — совсем бы из сил выбился, — сказал Алик Сорокин.

— А ты, Алик, я вижу, совсем не переменился. Такой же шутник, как и в прошлом году был.

— Такой же, Ольга Николаевна, только подрос немного.

— Ну, подрос-то ты порядочно, — усмехнулась Ольга Николаевна.

— Только ума не набрался, — добавил Юра Касаткин.

Весь класс громко фыркнул.

— Ольга Николаевна, Федя Рыбкин не будет больше у нас учиться, — сказал Дима Балакирев.

— Я знаю. Он уехал со своими родителями в Москву.

— Ольга Николаевна, а Глеб в Крыму был и море видел.

— Вот и хорошо. Когда будем сочинение писать, Глеб напишет про море.

— Ольга Николаевна, а с него сошла кожа.

— С кого?

— С Глебки.

— А, ну хорошо, хорошо. Об этом поговорим после, а сейчас постройтесь в линейку, скоро в класс идти надо.

Мы построились в линейку. Все остальные классы тоже построились. На крыльце школы появился директор Игорь Александрович. Он поздравил нас с началом нового учебного года и пожелал всем ученикам в этом новом учебном году хороших успехов. Потом классные руководители стали разводить учеников по классам. Сначала пошли самые маленькие ученики — первоклассники, за ними второй класс, потом третий, а потом уж мы, а за нами пошли старшие классы.

Ольга Николаевна привела нас в класс. Все ребята решили сесть, как в прошлом году, поэтому я оказался за партой один, у меня не было пары. Всем казалось, что в этом году нам достался маленький класс, гораздо меньше, чем в прошлом году.

— Класс такой же, как и в прошлом году, точно

таких же размеров, — объяснила Ольга Николаевна. — Все вы за лето выросли, вот вам и кажется, что класс меньше.

Это была правда. Я потом нарочно на переменке пошёл посмотреть на третий класс. Он был точно такой же, как и четвёртый.

На первом уроке Ольга Николаевна сказала, что в четвёртом классе нам придётся работать гораздо больше, чем раньше, так как у нас будет много предметов. Кроме русского языка, арифметики и других предметов, которые были у нас в прошлом году, теперь прибавляются ещё география, история и естествознание. Поэтому надо браться за учёбу как следует с самого начала года. Мы записали расписание уроков. Потом Ольга Николаевна сказала, что надо выбрать старосту класса и его помощника.

— Глеба Скамейкина старостой! Глеба Скамейкина! — закричали ребята.

— Тише! Шуму-то сколько! Разве вы не знаете, как выбирать? Кто хочет сказать, должен поднять руку.

Мы стали выбирать организованно и выбрали старостой Глеба Скамейкина, а помощником — Шуру Маликова.

На втором уроке Ольга Николаевна сказала, что

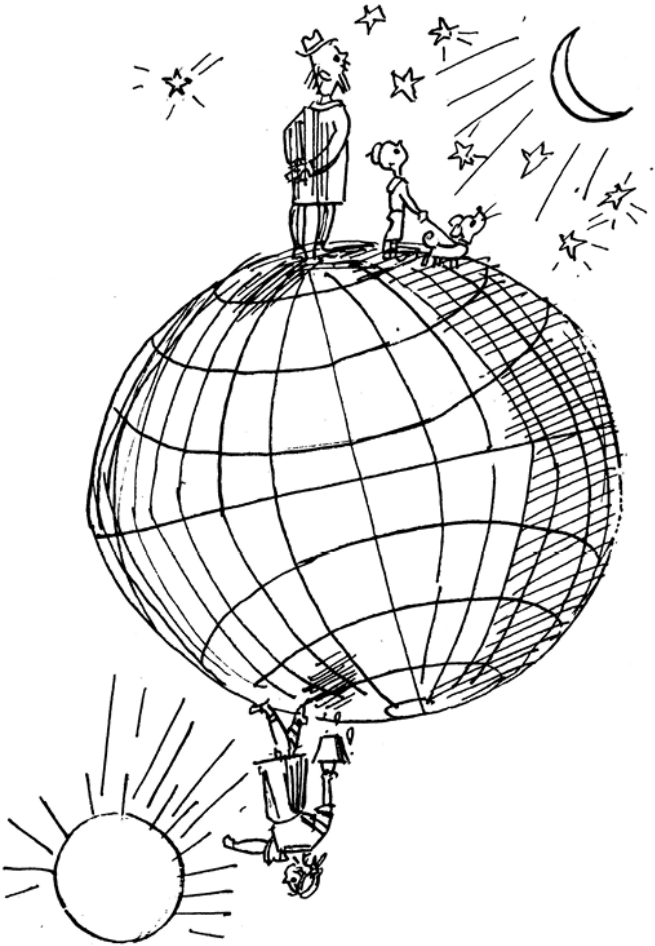
вначале мы будем повторять то, что проходили в прошлом году, и она будет проверять, кто что забыл за лето. Она тут же начала проверку, и вот оказалось, что я даже таблицу умножения забыл. То есть не всю, конечно, а только с конца. До семью семь — сорок девять я хорошо помнил, а дальше путался.

— Эх, Малеев, Малеев! — сказала Ольга Николаевна. — Вот и видно, что ты за лето даже в руки книжку не брал!

Это моя фамилия Малеев. Ольга Николаевна, когда сердится, всегда меня по фамилии называет, а когда не сердится, то зовёт просто Витя.

Я заметил, что в начале года учиться почему-то всегда трудней. Уроки кажутся длинными, будто их кто-то нарочно растягивает. Если б я был главным начальником над школами, я бы сделал как-нибудь так, чтоб занятия начинались не сразу, а постепенно, чтоб ребята понемногу отвыкали гулять и понемногу привыкали к урокам. Например, можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю было только по одному уроку, во вторую неделю — по два урока, в третью — по три, и так далее. Или ещё можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю были одни только лёгкие уроки, например физкультура, во вторую

неделю к физкультуре можно добавить пение, в третью неделю можно добавить русский язык, и так, пока не дойдёт до арифметики. Может быть, кто-нибудь подумает, что я ленивый и вообще не люблю учиться, но это неправда. Я очень люблю учиться, но мне трудно начать работать сразу: то гулял, гулял, а тут вдруг стоп, машина, — давай учись.

На третьем уроке у нас была география. Я думал, что география — это какой-нибудь очень трудный предмет, вроде арифметики, но оказалось, что она совсем лёгкая. География — это наука о Земле, на которой мы все живём; про то, какие на Земле горы и реки, какие моря и океаны. Раньше я думал, что Земля наша плоская, как будто блин, но Ольга Николаевна сказала, что Земля вовсе не плоская, а круглая, как шар. Я уже и раньше слыхал об этом, но думал, что это, может быть, сказки или какие-нибудь выдумки. Но теперь уже точно известно, что это не сказки. Наука установила, что Земля наша — это огромнейший-преогромнейший шар, а на этом шаре вокруг живут люди. Оказывается, что Земля притягивает к себе всех людей и зверей и всё, что на ней находится, поэтому люди, которые живут внизу, никуда не падают. И вот ещё что интересно: те люди, которые живут внизу, ходят вверх ногами, то есть вниз головой, только они сами этого не замечают и воображают, что ходят правильно. Если они опустят голову вниз и посмотрят себе под ноги, то увидят землю, на которой стоят, а если задерут голову кверху, то увидят над собой небо. Вот поэтому им и кажется, что они ходят правильно.

На географии мы немножечко развеселились, а на последнем уроке случилось интересное происшествие. Уже прозвонил звонок и в класс пришла Ольга Николаевна, как вдруг отворилась дверь и на пороге появился совсем незнакомый ученик. Он постоял нерешительно возле двери, потом поклонился Ольге Николаевне и сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, — ответила Ольга Николаевна. — Что ты хочешь сказать?

— Ничего.

— Зачем же ты пришёл, если ничего не хочешь сказать?

— Так просто.

— Что-то я не пойму тебя.

— Я учиться пришёл. Здесь ведь четвёртый класс?

— Здесь.

— Вот мне и надо в четвёртый.

— Так ты новичок, должно быть?

— Новичок.

Ольга Николаевна заглянула в журнал:

— Твоя фамилия Шишкин?

— Шишкин, а зовут Костя.

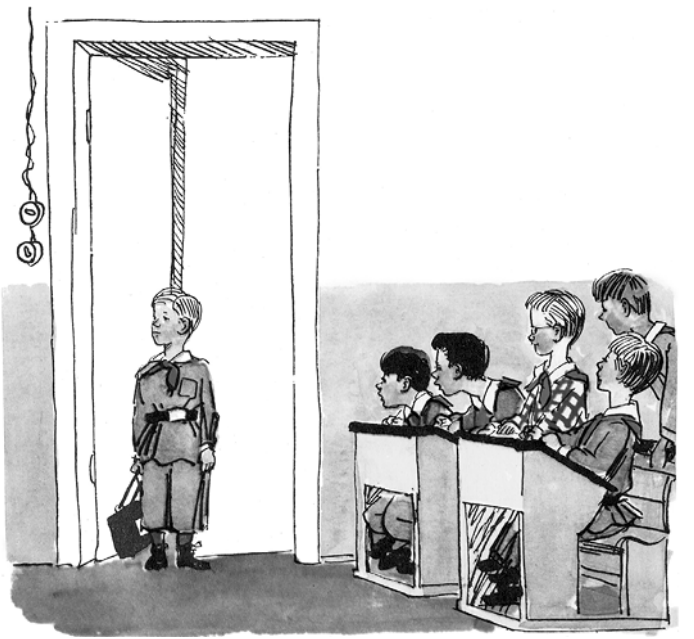
— Почему же ты, Костя Шишкин, так поздно пришёл? Разве ты не знаешь, что в школу надо с

утра являться?

— Я и явился с утра. Я только на первый урок опоздал.

— На первый урок? А теперь уже четвёртый. Где же ты пропадал два урока?

— Я был там… в пятом классе.

— Чего же ты в пятый класс попал?

— Я пришёл в школу, слышу — звонок, ребята бегут гурьбой в класс... Ну, и я за ними, вот и попал в пятый класс. На перемене ребята спрашивают: «Ты новичок?» Я говорю: «Новичок». Они ничего не сказали мне, и я только на следующем уроке разобрался, что не в свой класс попал. Вот.

— Вот садись на место и не попадай больше в чужой класс, — сказала Ольга Николаевна.

Шишкин подошёл к моей парте и сел рядом со мной, потому что я сидел один и место было свободно.

Весь урок ребята оглядывались на него и потихоньку посмеивались. Но Шишкин не обращал на это внимания и делал вид, будто с ним ничего смешного не произошло. Нижняя губа у него немного выпячивалась вперёд, а нос как-то сам собой задирался кверху. От этого у него получался какой-то презрительный вид, будто он чем-то гордился.

После уроков ребята обступили его со всех сторон.

— Как же ты попал в пятый класс? Неужели учительница не проверяла ребят? — спросил Слава Ведёрников.

— Может быть, и проверяла на первом уроке, а

я ведь пришёл на второй урок.

— Почему же она не заметила, что на втором уроке появился новый ученик?

— А на втором уроке уже другой учитель был, — ответил Шишкин. — Вот и получилась путаница. В школе в первый день всегда получается путаница.

— Это только с тобой получилась путаница, а вообще никакой путаницы не бывает, — сказал Глеб Скамейкин. — Каждый должен знать, в какой ему класс надо.

— А если я новичок? — говорит Шишкин.

— Новичок, так не надо опаздывать. И потом, разве у тебя языка нету? Мог спросить.

— Когда же спрашивать? Вижу — ребята бегут, ну и я за ними.

— Ты так и в десятый класс мог попасть!

— Нет, в десятый я не попал бы. Это я сразу бы догадался: там ребята большие, — улыбнулся Шишкин.

Я взял свои книжки и пошёл домой. В коридоре меня встретила Ольга Николаевна.

— Ну, Витя, как ты думаешь учиться в этом году? — спросила она. — Пора тебе, дружочек, браться за дело как следует. Тебе нужно приналечь на арифметику, она у тебя с прошлого года

хромает. А таблицы умножения стыдно не знать. Ведь её во втором классе проходят.

— Да я ведь знаю, Ольга Николаевна. Я только с конца немножко забыл!

— Таблицу всю от начала до конца надо хорошо знать. Без этого нельзя в четвёртом классе учиться. К завтрашнему дню выучи, я проверю.

Глава вторая

Все девчонки воображают, что они очень умные. Не знаю, отчего у них такое большое воображение! Моя младшая сестра Лика перешла в третий класс и теперь думает, что меня можно совсем не слушаться, будто я ей вовсе не старший брат и у меня нет никакого авторитета. Сколько раз я говорил ей, чтоб она не садилась за уроки сразу, как только придёт из школы. Это ведь очень вредно! Пока учишься в школе, мозг в голове устаёт, и ему надо сначала дать отдохнуть часа два, полтора, а потом уже можно садиться за уроки. Но Лике хоть говори, хоть нет, она ничего слушать не хочет.

Вот и теперь: пришёл я домой, а она тоже уже вернулась из школы, разложила на столе книжки и занимается.

Я говорю:

— Что же ты, голубушка, делаешь? Разве ты не знаешь, что после школы надо мозгу давать отдых?

— Это, — говорит, — я знаю, только мне так удобней. Я сделаю уроки сразу, а потом свободна:

хочу — гуляю, хочу — что хочу делаю.

— Экая, — говорю, — ты бестолковая! Мало я тебе в прошлом году твердил! Что я могу сделать, если ты своего старшего брата не хочешь слушать? Вот вырастет из тебя тупица, тогда узнаешь!

— А что я могу сделать? — сказала она. — Я ни минуточки не могу посидеть спокойно, пока дела не сделаю.

— Будто потом нельзя сделать! — ответил я. — Выдержку надо иметь.

— Нет, уж лучше я сначала сделаю и буду спокойна. Ведь уроки у нас лёгкие. Не то что у вас, в четвёртом классе.

— Да, — говорю, — у нас не то что у вас. Вот перейдёшь в четвёртый класс, тогда узнаешь, где раки зимуют.

— А что тебе сегодня задано? — спросила она.

— Это не твоего ума дело, — ответил я. — Ты всё равно ничего не поймёшь, так что и рассказывать не стоит.

Не мог же я сказать ей, что мне задано повторять таблицу умножения! Её ведь во втором классе проходят.

Я решил с самого начала взяться за учёбу как следует и сразу засел повторять таблицу умноже-

ния. Конечно, я повторял её про себя, чтоб Лика не слышала, но она скоро окончила свои уроки и убежала играть с подругами. Тогда я принялся учить таблицу как следует, вслух, и выучил её так, что меня хоть разбуди ночью и спроси, сколько будет семью семь или восемью девять, я без запинки отвечу.

Зато на другой день Ольга Николаевна вызвала меня и проверила, как я выучил таблицу умножения.

— Вот видишь, — сказала она, — когда ты хочешь, то можешь учиться как следует! Я ведь знаю, что у тебя способности есть.

Всё было бы хорошо, если б Ольга Николаевна спросила меня только таблицу, но ей ещё захотелось, чтоб я задачу на доске решил. Этим она, конечно, всё дело испортила.

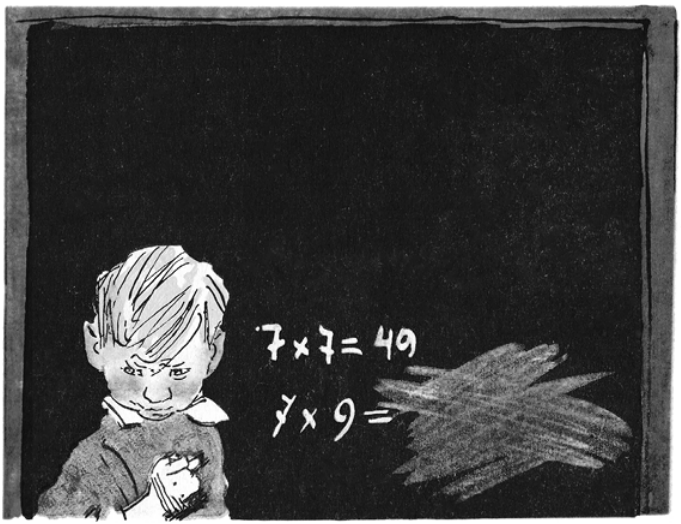
Я вышел к доске, и Ольга Николаевна продиктовала задачу про каких-то плотников, которые строили дом. Я записал условие задачи на доске мелом и стал думать. Но это, конечно, только так говорится, что я стал думать. Задача попалась такая трудная, что я всё равно не решил бы её. Я только нарочно наморщил лоб, чтоб Ольга Николаевна видела, будто я думаю, а сам стал украдкой поглядывать на ребят, чтоб они подсказали мне.

Но подсказывать тому, кто стоит у доски, очень трудно, и все ребята молчали.

— Ну, как ты станешь решать задачу? — спросила Ольга Николаевна. — Какой будет первый вопрос?

Я только сильнее наморщил лоб и, повернувшись вполоборота к ребятам, изо всех сил заморгал одним глазом. Ребята сообразили, что моё дело плохо, и стали подсказывать.

— Тише, ребята, не подсказывайте! Я сама помогу ему, если надо, — сказала Ольга Николаевна.

Она стала объяснять мне задачу и сказала, как сделать первый вопрос. Я хотя ничего не понял, но всё-таки решил на доске первый вопрос.

— Правильно, — сказала Ольга Николаевна. — Теперь какой будет второй вопрос?

Я снова задумался и замигал глазом ребятам.

Ребята опять стали подсказывать.

— Тише, тише! Мне ведь всё слышно, а вы только ему мешаете! — сказала Ольга Николаевна и принялась объяснять мне второй вопрос.

Таким образом, постепенно, с помощью Ольги Николаевны и с подсказкой ребят, я решил наконец задачу.

— Теперь ты понял, как нужно решать такие задачи? — спросила Ольга Николаевна.

— Понял, — ответил я.

На самом деле я, конечно, совсем ничего не понял, но мне стыдно было признаться, что я такой бестолковый, к тому же я боялся, что Ольга Николаевна поставит мне плохую отметку, если я скажу, что не понял. Я сел на место, списал задачу в тетрадь и решил ещё дома подумать над ней как следует.

После урока говорю ребятам:

— Что же вы подсказываете так, что Ольга Николаевна всё слышит? Орут на весь класс! Разве так подсказывают?

— Как же тут подскажешь, когда ты возле доски стоишь! — говорит Вася Ерохин. — Вот если б тебя с места вызвали…

— «С места, с места»! Потихоньку надо.

— Я и подсказывал тебе сначала потихоньку, а

ты стоишь и ничего не слышишь.

— Так ты, наверно, себе под нос шептал, — говорю я.

— Ну вот! Тебе и громко нехорошо, и тихо нехорошо! Не разберёшь, как тебе надо!

— Совсем никак не надо, — сказал Ваня Пахомов. — Самому надо соображать, а не слушать подсказку.

— Зачем же мне свою голову утруждать, если я всё равно ничего в этих задачах не понимаю? — говорю я.

— Оттого и не понимаешь, что не хочешь соображать, — сказал Глеб Скамейкин. — Надеешься на подсказку, а сам не учишься. Я лично никому больше подсказывать не буду. Надо, чтоб был порядок в классе, а от этого один вред.

— Найдутся и без тебя, подскажут, — говорю я.

— А я всё равно буду бороться с подсказкой, — говорит Глеб.

— Ну, не больно-то задавайся! — ответил я.

— Почему «задавайся»? Я староста класса! Я добьюсь, чтоб подсказки не было.

— И нечего, — говорю, — воображать, если тебя старостой выбрали! Сегодня ты староста, а завтра я староста.

— Ну вот когда тебя выберут, а пока ещё не

выбрали.

Тут и другие ребята вмешались и стали спорить, нужно подсказывать или нет. Но мы так ни до чего и не доспорились. Прибежал Дима Балакирев. Он узнал, что летом на пустыре позади школы старшие ребята устроили футбольное поле. Мы решили прийти после обеда и сыграть в футбол. После обеда мы собрались на футбольном поле, разбились на две команды, чтоб играть по всем правилам, но тут в нашей команде произошёл спор, кому быть вратарём. Никто не хотел стоять в воротах. Каждому хотелось бегать по всему полю и забивать голы. Все говорили, чтоб вратарём был я, но мне хотелось быть центром нападения или хотя бы полузащитником. На моё счастье, Шишкин согласился сделаться вратарём. Он сбросил с себя куртку, стал в воротах, и игра началась.

Сначала перевес оказался на стороне противников. Они всё время атаковали наши ворота. Вся наша команда смешалась в кучу. Мы без толку носились по полю и только мешали друг другу. На наше счастье, Шишкин оказался замечательным вратарём. Он прыгал, как кошка или какая-нибудь пантера, и не пропустил в наши ворота ни одного мяча. Наконец нам удалось завладеть

мячом, и мы погнали его к воротам противника. Кто-то из наших пробил по воротам, и счёт оказался 1:0 в нашу пользу. Мы обрадовались и с новыми силами начали нажимать на вражеские ворота. Скоро нам удалось забить ещё гол, и счёт оказался 2:0 в нашу пользу. Тут игра почему-то снова перешла на нашу половину поля. Нас опять стали теснить, и мы никак не могли отогнать мяч от наших ворот. Тогда Шишкин схватил мяч руками и помчался с ним прямо к воротам противника. Там он положил мяч на землю и уже хотел забить гол, но тут Игорь Грачёв ловко отыграл у него мяч, передал его Славе Ведёрникову, Слава Ведёрников — Ване Пахомову, и не успели мы оглянуться, как мяч уже был в наших воротах. Счёт стал 2:1. Шишкин со всех ног побежал на своё место, но, пока он бежал, нам снова забили гол, и счёт стал 2:2. Мы принялись ругать на все лады Шишкина за то, что он оставил свои ворота, а он оправдывался и говорил, что теперь будет играть по всем правилам. Но из этих обещаний ничего не вышло. Он то и дело выскакивал из ворот, и как раз в это время нам забивали голы. Игра продолжалась до позднего вечера. Мы забили шестнадцать голов, а нам забили двадцать один. Нам хотелось ещё поиграть, но темнота

наступила такая, что мяча не стало видно, и пришлось разойтись по домам. По дороге все только и говорили, что мы проиграли из-за Шишкина, потому что он всё время выскакивал из ворот.

— Ты, Шишкин, замечательный вратарь, — сказал Юра Касаткин. — Если бы ты исправно стоял в воротах, наша команда была бы непобедимой.

— Не могу я стоять спокойно, — ответил Шишкин. — Я люблю играть в баскетбол, потому что там можно каждому бегать по всему полю и никакого вратаря не полагается и к тому же все могут хватать мяч руками. Вот давайте организуем баскетбольную команду.

Шишкин начал рассказывать о том, как нужно играть в баскетбол, и, по его словам, эта игра была не хуже футбола.

— Надо поговорить с нашим преподавателем физкультуры, — сказал Юра. — Может быть, он поможет нам оборудовать площадку для баскетбола.

Когда мы подошли к скверу, где нужно было поворачивать на нашу улицу, Шишкин вдруг остановился и закричал:

— Батюшки! Я ведь свою куртку на футбольном поле забыл!

Он повернулся и бросился бегом назад. Удиви-

тельный это был человек! Вечно с ним случались какие-нибудь недоразумения. Бывают же такие люди на свете!

Домой я вернулся в девятом часу. Мама стала бранить меня за то, что я задержался так поздно, но я сказал, что ещё не поздно, потому что теперь уже осень, а осенью всегда темнеет раньше, чем летом, и если бы это было летом, то никому не показалось бы, что уже поздно, потому что летом дни гораздо длиннее, и в это время было бы ещё светло и всем казалось бы, что ещё рано.

Мама сказала, что у меня вечно какие-нибудь отговорки, и велела делать уроки. Я, конечно, засел за уроки. То есть я засел за уроки не сразу, так как я очень устал на футболе и мне хотелось немножечко отдохнуть.

— Чего же ты не делаешь уроки? — спросила Лика. — Ведь твой мозг, наверно, давно отдохнул.

— Я сам знаю, сколько нужно моему мозгу отдыхать! — ответил я.

Теперь я уже не мог тут же сесть за уроки, чтоб Лика не вообразила, будто это она меня заставила заниматься. Поэтому я решил ещё немножечко отдохнуть и стал рассказывать про Шишкина, какой он растяпа и как он забыл на футбольном поле свою куртку. Скоро пришёл с работы папа и

стал рассказывать, что их завод получил заказ на изготовление новых машин для Куйбышевского гидроузла, и я снова не мог делать уроки, потому что мне интересно было послушать.

Мой папа работает на сталелитейном заводе модельщиком. Он делает модели. Что такое модель, наверное, никто не знает, а я знаю. Чтоб отлить какую-нибудь деталь для машины из стали, всегда нужно сделать сначала такую же деталь из дерева, и вот такая деревянная деталь называется моделью. Для чего нужна модель? А вот для чего: модель возьмут, поставят в опоку, то есть в такой вроде железный ящик, только без дна, потом насыплют в опоку земли, и, когда модель вынут, в земле получается углубление по форме модели. В это углубление заливают расплавленный металл, и когда металл застынет, то получится деталь, точно такая же по форме, как была модель. Когда на завод приходит заказ на новые детали, инженеры чертят чертежи, а модельщики делают по этим чертежам модели. Конечно, модельщик должен быть очень умным, потому что он по простому чертежу обязан понять, какую нужно делать модель, а если он сделает модель плохо, то по ней нельзя будет отливать детали. Мой папа очень хороший модельщик. Он даже придумал

электрический лобзик, чтобы выпиливать из дерева разные мелкие части. А теперь он изобретает новый усовершенствованный прибор для шлифовки деревянных моделей. Раньше на шлифовку тратили много времени, а когда папа сделает свой прибор, шлифовать будут гораздо быстрее. Когда папа приходит с работы, он всегда сначала отдохнёт немного, а потом садится за чертежи для своего прибора или читает книжки, чтоб узнать, как что нужно сделать, потому что это не такая простая вещь — самому придумывать шлифовальный прибор.

Папа поужинал и засел за свои чертежи, а я засел делать уроки.

Сначала я выучил географию, потому что она самая лёгкая. После географии я взялся за русский язык. По русскому языку нужно было списать упражнение и подчеркнуть в словах корень, приставку и окончание. Корень — одной чертой, приставку — двумя, а окончание — тремя. Потом я выучил английский язык и взялся за арифметику. На дом была задана такая скверная задача, что я никак не мог догадаться, как её решить. Я сидел целый час, пялил глаза в задачник и изо всех сил напрягал мозг, но ничего у меня не выходило. Вдобавок мне страшно захотелось спать. В глазах

у меня щипало, будто мне кто-нибудь в них песку насыпал.

— Довольно тебе сидеть, — сказала мама, — пора спать ложиться. У тебя глаза уже сами собой закрываются, а ты всё сидишь!

— Что же я, с несделанной задачей завтра в школу приду? — сказал я.

— Днём надо заниматься, — ответила мама. — Нечего приучаться по ночам сидеть! От таких занятий никакого толку не будет. Ты всё равно уже ничего не соображаешь.

— Вот и пусть сидит, — сказал папа. — Будет знать в другой раз, как уроки на ночь откладывать.

И вот я сидел и перечитывал задачу до тех пор, пока буквы в задачнике не стали кивать, и кланяться, и прятаться друг за дружку, словно играли в жмурки. Я протёр глаза, снова стал перечитывать задачу, но буквы не успокоились, а даже почему-то стали подпрыгивать, будто затеяли игру в чехарду.

— Ну что там у тебя не получается? — спросила мама.

— Да вот, — говорю, — задача попалась какая-то скверная.

— Скверных задач не бывает. Это ученики бы-

вают скверные.

Мама прочитала задачу и принялась объяснять, но я почему-то ничего не мог понять.

— Неужели вам в школе не объясняли, как делать такие задачи? — спросил папа.

— Нет, — говорю, — не объясняли.

— Удивительно! Когда я учился, нам учительница всегда объясняла сначала в классе, а потом задавала на дом.

— Так то, — говорю, — когда ты учился, а нам Ольга Николаевна ничего не объясняет. Всё только спрашивает и спрашивает.

— Не понимаю, как это вас учат!

— Вот так, — говорю, — и учат.

— А что вам рассказывала Ольга Николаевна в классе?

— Ничего не рассказывала. Мы решали на доске задачу.

— Ну-ка покажи, какую задачу.

Я показал задачу, которую списал в тетрадь.

— Ну вот, а ты тут ещё на учительницу наговариваешь! — воскликнул папа. — Это ведь такая же задача, как на дом задана! Значит, учительница объясняла, как решать такие задачи.

— Где же, — говорю, — такая? Там про плотников, которые строили дом, а здесь про каких-то

жестянщиков, которые делали вёдра.

— Эх ты! — говорит папа. — В той задаче нужно было узнать, во сколько дней двадцать пять плотников построят восемь домов, а в этой нужно узнать, во сколько шесть жестянщиков сделают тридцать шесть вёдер. Обе задачи решаются одинаково.

Папа принялся объяснять, как нужно сделать задачу, но у меня уже всё в голове спуталось, и я совсем ничего не понимал.

— Экий ты бестолковый! — рассердился наконец папа. — Ну разве можно таким бестолковым быть!

Мой папа совсем не умеет объяснять задачи. Мама говорит, что у него нет никаких педагогических способностей, то есть он не годится в учителя. Первые полчаса он объясняет спокойно, а потом начинает нервничать, а как только он начинает нервничать, я совсем перестаю соображать и сижу на стуле, как деревянный чурбан.

— Ну что же тут непонятного? — говорит папа. — Кажется, всё понятно.

Когда папа видит, что на словах никак не может объяснить, он берёт лист бумаги и начинает писать.

— Вот, — сказал он. — Ведь это всё просто. Смот-

ри, какой будет первый вопрос.

Он записал вопрос на бумажке и сделал решение.

— Это понятно тебе?

По правде сказать, мне совсем ничего не было понятно, но я до смерти уже хотел спать и поэтому сказал:

— Понятно.

— Ну вот, наконец-то! — обрадовался папа. — Думать надо как следует, тогда всё будет понятно.

Он решил на бумажке второй вопрос:

— Понятно?

— Понятно, — говорю я.

— Ты скажи, если непонятно, я ещё объясню.

— Нет, понятно, понятно.

Наконец он сделал последний вопрос. Я списал задачу начисто в тетрадку и спрятал в сумку.

— Кончил дело — гуляй смело, — сказала Лика.

— Ладно, я с тобой завтра поговорю! — проворчал я и пошёл спать.

Глава третья

За лето нашу школу отремонтировали. Стены в классах заново побелили, и были они такие чистенькие, свежие, без единого пятнышка, просто любо посмотреть. Всё было как новенькое. Приятно всё-таки заниматься в таком классе! И светлей кажется, и привольней, и даже, как бы это сказать, на душе веселей.

И вот на следующий день, когда я пришёл в класс, то увидел, что на стене рядом с доской нарисован углём морячок. Он был в полосатой тельняшке, брюки клёш развевались по ветру, на голове — бескозырка, во рту — трубка, и дым из неё кольцами поднимался кверху, как из пароходной трубы. У морячка был такой залихватский вид, что на него нельзя было без смеха смотреть.

— Это Игорь Грачёв нарисовал, — сообщил мне Вася Ерохин. — Только, чур, не выдавать!

— Зачем же мне выдавать? — говорю я.

Ребята сидели за партами, любовались морячком, посмеивались и отпускали разные шуточки:

— Морячок с нами будет учиться! Вот здорово!

Перед самым звонком прибежал в класс Шишкин.

— Видел морячка? — говорю я и показываю на стену.

Он взглянул на него.

— Это Игорь Грачёв нарисовал, — сказал я. — Только не выдавать.

— Ну ладно, сам знаю! Ты по русскому упражнение сделал?

— Конечно, сделал, — ответил я. — Что же я, с несделанными уроками буду в класс приходить?

— А я, понимаешь, не сделал. Не сумел, понимаешь. Дай списать.

— Когда же ты будешь списывать? — говорю я. — Скоро урок начнётся.

— Ничего. Я во время урока спишу.

Я дал ему тетрадку по русскому языку, и он начал списывать.

— Послушай, — говорит он. — А зачем ты в слове «светлячок» приставку одной чертой подчеркнул? Корень одной чертой надо подчёркивать.

— Много ты понимаешь! — говорю я. — Это и есть корень!

— Что ты! «Свет» — корень? Разве корень бывает впереди слова? Где тогда, по-твоему, приставка?

— А приставки нет в этом слове.

— Разве так бывает, чтобы приставки не было?

— Конечно, бывает.

— То-то я ломал вчера голову: приставка есть, корень есть, а окончания не получается.

— Эх ты! — говорю я. — Мы ведь это ещё в третьем классе проходили.

— Да я уж не помню. Значит, у тебя тут всё правильно? Я так и спишу.

Я хотел рассказать ему, что такое корень, приставка и окончание, но тут прозвенел звонок и в класс вошла Ольга Николаевна. Она сразу увидела на стене морячка, и лицо у неё сделалось строгое.

— Это что ещё за художества? — спросила она и обвела весь класс взглядом. — Кто это нарисовал на стене?

Все ребята молчали.

— Тот, кто испортил стену, должен встать и признаться, — сказала Ольга Николаевна.

Все сидели молча. Никто не вставал и не признавался. Брови у Ольги Николаевны нахмурились.

— Разве вы не знаете, что класс надо в чистоте держать? Что будет, если каждый станет рисовать на стенах? Самим ведь неприятно в грязи сидеть. Или вам, может, приятно?

— Нет, нет! — раздалось несколько нереши-

тельных голосов.

— Кто же это сделал?

Все молчали.

— Глеб Скамейкин, ты староста класса и должен знать, кто это сделал.

— Я не знаю, Ольга Николаевна. Когда я пришёл, морячок уже был на стене.

— Удивительно! — сказала Ольга Николаевна. — Кто-нибудь да нарисовал же его. Вчера стена была чистая, я последней уходила из класса. Кто сегодня пришёл в класс первым?

Никто из ребят не признавался. Каждый говорил, что он пришёл, когда в классе было уже много ребят.

Пока шёл разговор об этом, Шишкин старательно списывал упражнение в свою тетрадь. Кончил он тем, что посадил в моей тетради кляксу и отдал тетрадь мне.

— Что же это такое? — говорю я. — Брал тетрадь без кляксы, а отдаёшь с кляксой!

— Я ведь не нарочно посадил кляксу, — говорит Костя.

— Какое мне дело, нарочно или не нарочно! Зачем мне в тетради клякса?

— Как же я отдам тебе тетрадь без кляксы, когда уже есть клякса? В другой раз будет без кляксы.

— В какой, — говорю, — другой раз?

— Ну, в другой раз, когда буду списывать.

— Так ты что, — говорю, — каждый раз у меня собираешься списывать?

— Зачем каждый раз? Иногда только.

На этом разговор кончился, потому что как раз в это время Ольга Николаевна вызвала Шишкина к доске и велела решать задачу про маляров, которые красили в школе стены, и нужно было узнать, сколько школа израсходовала денег на окраску всех классов и коридоров.

«Ну, — думаю, — пропал бедный Шишкин! На доске задачу решать — это тебе не с чужой тетрадки списывать!»

К моему удивлению, Шишкин с задачей справился. Правда, решал он её долго, до конца урока, потому что задача была длинная и довольно трудная.

Мы все, конечно, догадались, что Ольга Николаевна нарочно задала нам такую задачу, и чувствовали, что на этом дело не кончится. На последнем уроке к нам в класс пришёл директор школы Игорь Александрович. С виду Игорь Александрович совсем не сердитый. Лицо у него всегда спокойное, голос тихий и даже какой-то добрый, но я лично всегда побаиваюсь Игоря Александровича, потому что он очень большой. Ростом он с моего папу, только ещё повыше, пиджак у него широкий, просторный, застёгивается на три пуговицы, а на носу очки.

Я думал, что Игорь Александрович раскричится на нас, но он спокойно рассказал нам, сколько государство тратит денег на обучение каждого ученика и как важно хорошо учиться и беречь школьное имущество и саму школу. Он сказал, что тот, кто портит школьное имущество и стены, наносит ущерб народу, потому что все средства

на школы даёт народ. Под конец Игорь Александрович сказал:

— Тот, кто нарисовал на стенке, наверно, не хотел нанести ущерб школе. Если он чистосердечно признается, то докажет, что он человек честный и сделал это не подумавши.

На меня очень подействовало всё, что сказал Игорь Александрович, и я думал, что Игорь Грачёв тут же встанет и признается, что это сделал он, но Игорю, видно, вовсе не хотелось доказывать, что он честный человек, и он молча сидел за своей партой. Тогда Игорь Александрович сказал, что тому, кто разрисовал стену, наверно, стыдно признаться сейчас, но пусть он подумает над своим поступком, а потом наберётся смелости и придёт к нему в кабинет.

После уроков председатель совета нашего пионеротряда Толя Дёжкин подошёл к Грачёву и сказал:

— Эх ты! Кто тебя просил стену портить? Видишь, что вышло!

Игорь развёл руками:

— Да я что? Я разве хотел?

— Зачем же нарисовал?

— Сам не знаю. Взял и нарисовал не подумавши.

— «Не подумавши»! Из-за тебя пятно на всём классе.

— Почему на всём классе?

— Потому что на каждого могут подумать.

— А может, это кто-нибудь из другого класса к нам забежал и нарисовал.

— Смотри, чтоб этого больше не было, — сказал Толя.

— Ладно, ребята, я больше не буду, я ведь так только — хотел попробовать, — оправдывался Игорь.

Он взял тряпку и принялся стирать морячка, но от этого получилось только хуже. Морячок всё-таки был виден, а вокруг него образовалось большущее грязное пятно. Тогда ребята отняли у Игоря тряпку и не позволили больше размазывать грязь по стене.

После школы мы снова пошли играть в футбол и играли опять до темноты, а когда пошли домой, Шишкин затащил меня к себе. Оказалось, что он живёт на той же улице, что и я, в небольшом деревянном двухэтажном домике, совсем недалеко от нас. На нашей улице все дома большие, четырёхэтажные и пятиэтажные, как наш. Я давно уже думал: что это за люди, которые живут в таком маленьком деревянном доме? А вот теперь

оказывается, здесь жил как раз Шишкин. Мне не хотелось идти к нему, потому что уже было поздно, но он сказал:

— Понимаешь, меня дома станут ругать за то, что я так долго играл, а если ты придёшь, меня не так будут ругать.

— Меня ведь тоже будут ругать, — говорю я.

— Ничего. Если хочешь, зайдём сначала ко мне, а потом вместе зайдём к тебе, вот и тебя не будут ругать, и меня тоже.

— Ну хорошо, — согласился я.

Мы вошли в парадное, поднялись по скрипучей деревянной лестнице с щербатыми перилами, и Шишкин постучал в дверь, обитую чёрной клеёнкой, из-под которой в некоторых местах виднелись клочья рыжего войлока.

— Что же это такое, Костя! Где ты пропадаешь так поздно? — спросила его мать, открывая нам дверь.

— Вот познакомься, мама, это мой школьный товарищ, Малеев. Мы с ним за одной партой сидим.

— Ну заходите, заходите, — сказала мать уже не таким строгим голосом.

Мы вошли в коридор.

— Батюшки! Где же вы извозились так? Вы

только на себя посмотрите!

Я посмотрел на Шишкина. Лицо у него было всё красное. По щекам и по лбу шли какие-то грязные разводы. Кончик носа был чёрный. Наверно, и я был не лучше, потому что мне попало мячом в лицо. Шишкин толкнул меня локтем:

— Пойдём умоемся, а то тебе достанется, если ты в таком виде домой явишься.

Мы вошли в комнату, и он познакомил меня со своей тётей:

— Тётя Зина, вот это мой школьный товарищ, Малеев. Мы в одном классе учимся.

Тётя Зина была совсем молодая, и я сначала даже принял её за старшую сестру Шишкина, но она оказалась не сестра вовсе, а тётя. Она смотрела на меня с усмешкой. Наверно, я очень смешной был, потому что грязный. Шишкин толкнул меня в бок. Мы пошли к умывальнику и принялись умываться.

— Ты зверей любишь? — спрашивал меня Шишкин, пока я намыливал лицо мылом.

— Смотря каких, — говорю я. — Если таких, как тигры или крокодилы, то не люблю. Они кусаются.

— Да я не про таких зверей спрашиваю. Мышей любишь?

— Мышей, — говорю, — тоже не люблю. Они портят вещи: грызут всё, что ни попадётся.

— И ничего они не грызут. Что ты выдумываешь?

— Как — не грызут? Один раз они у меня даже книжку на полке изгрызли.

— Так ты, наверно, не кормил их?

— Вот ещё! Стану я мышей кормить!

— А как же! Я каждый день их кормлю. Даже дом им выстроил.

— С ума, — говорю, — сошёл! Кто же мышам дома строит?

— Надо же им где-нибудь жить. Вот пойдём посмотрим мышиный дом.

Мы кончили умываться и пошли на кухню. Там под столом стоял домик, склеенный из пустых спичечных коробков, со множеством окон и дверей. Какие-то маленькие белые зверушки то и дело вылезали из окон и дверей, ловко карабкались по стенам и снова залезали обратно в домик. На крыше домика была труба, а из трубы выглядывала точно такая же белая зверушка.

Я удивился.

— Что это за зверушки? — спрашиваю.

— Ну, мыши.

— Так мыши ведь серые, а эти какие-то белые.

— Ну, это и есть белые мыши. Что ты, никогда белых мышей не видел?

Шишкин поймал одного мышонка и дал мне подержать.

Мышонок был белый-пребелый, как молоко, только хвост у него был длинный и розовый, как будто облезлый. Он спокойно сидел у меня на ладони и шевелил своим розовым носиком, как будто нюхал, чем пахнет воздух, а глаза у него были красные, точно коралловые бусинки.

— У нас в доме белые мыши не водятся, у нас только серые, — сказал я.

— Да они ведь в домах не водятся, — засмеялся Шишкин. — Их покупать надо. Я купил в зоомагазине четыре штуки, а теперь видишь, сколько их расплодилось. Хочешь, подарю тебе парочку?

— А чем их кормить?

— Да они всё едят. Крупой можно, хлебом, молоком.

— Ну ладно, — согласился я.

Шишкин разыскал где-то картонную коробочку, посадил в неё двух мышей и сунул коробку в карман.

— Я их сам понесу, а то ты, по неопытности, раздавишь, — сказал он.

Мы стали натягивать куртки, чтоб идти ко

мне.

— Куда это ты снова собираешься? — спросила Костю мама.

— Я сейчас вернусь, только на минутку зайду к Вите, я обещал ему.

Мы вышли на улицу и через минуту уже были у меня. Мама увидела, что я не один пришёл, и не стала бранить меня за то, что я поздно вернулся.

— Это мой школьный товарищ, Костя, — сказал я ей.

— Ты новичок, Костя? — спросила мама.

— Да, я только в этом году поступил.

— А до этого где учился?

— В Нальчике. Мы жили там, а потом тётя Зина окончила десятилетку и захотела поступить в театральное училище, тогда мы переехали сюда, потому что в Нальчике театрального училища нет.

— А где тебе больше нравится, здесь или в Нальчике?

— В Нальчике лучше, а здесь тоже хорошо. И ещё мы жили в Краснозаводске, там тоже было хорошо.

— Значит, у тебя хороший характер, раз тебе везде хорошо.

— Нет, у меня плохой характер. Мама говорит,

что я слабохарактерный и ничего не добьюсь в жизни.

— Почему же мама так говорит?

— Потому что я никогда вовремя уроков не делаю.

— Значит, ты такой, как наш Витя. Он тоже не любит делать вовремя уроки. Вам надо взяться вместе и переделать свой характер.

В это время пришла Лика, и я сказал:

— А это вот, познакомься, моя сестра Лика.

— Здравствуйте! — сказал Шишкин.

— Здравствуйте! — ответила Лика и стала разглядывать его, будто он был не простой мальчишка, а какая-нибудь картина на выставке.

— А у меня сестры нет, — сказал Шишкин. — И брата у меня нет. Никого у меня нет, я совсем одинокий.

— А вы хотели бы, чтоб у вас была сестра или брат? — спросила Лика.

— Хотел бы. Я делал бы для них игрушки, дарил бы им зверей, заботился бы о них. Мама говорит, что я беззаботный. А почему я беззаботный? Потому что мне не о ком заботиться.

— А вы о маме заботьтесь.

— Как же о ней заботиться? Она как уедет на работу, так её ждёшь, ждёшь — вечером придёт,

а потом вдруг и вечером уедет.

— А кем ваша мама работает?

— Моя мама шофёр, на автомобиле ездит.

— Ну, вы о себе заботьтесь, вашей маме было бы легче.

— Это я знаю, — ответил Шишкин.

— А вы свою куртку нашли? — спросила Лика.

— Какую куртку? Ах да! Нашёл, конечно, нашёл. Она так и лежала на футбольном поле, где я оставил.

— Вы так когда-нибудь простудитесь, — сказала Лика.

— Нет, что вы!

— Конечно, простудитесь. Забудете зимой где-нибудь шапку или пальто.

— Нет, пальто я не забуду... Вы мышей любите?

— Мышей... ммм, — замялась Лика.

— Хотите, подарю вам парочку?

— Нет, что вы!

— Они очень хорошие, — сказал Шишкин и вынул из кармана коробку с белыми мышами.

— Ой, какие хорошенькие! — завизжала Лика.

— Что ж ты ей моих мышей даришь? — испугался я. — Сначала подарил мне, а теперь ей!

— Да я ей только показываю этих, а подарю других, у меня ведь ещё есть, — сказал Шишкин.

— Или, если хочешь, подарю ей этих, а тебе других подарю.

— Нет-нет, — сказала Лика, — пусть эти Витины будут.

— Ну хорошо, я вам завтра других принесу, а этих вы только посмотрите.

Лика протянула руки к мышам:

— А они не кусаются?

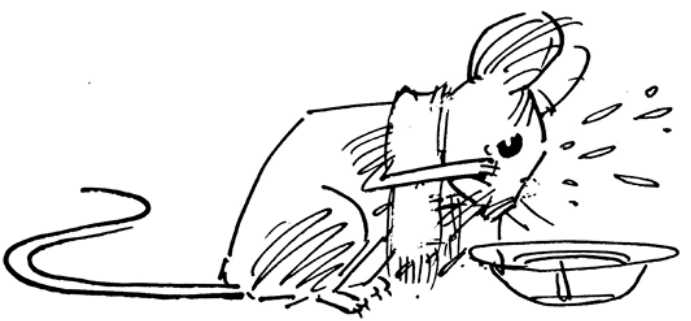
— Что вы! Совсем ручные.

Когда Шишкин ушёл, мы с Ликой взяли коробку из-под печенья, прорезали в ней окна и дверцы и посадили в неё мышей. Мышки выглядывали из окон, и на них было очень интересно смотреть.

За уроки я опять принялся поздно. По своему обыкновению, я сделал сначала то, что было полегче, а после всего принялся делать задачу по арифметике. Задача опять оказалась трудная. Поэтому я закрыл задачник, сложил все книжки в сумку и решил на другой день списать задачу у кого-нибудь из товарищей. Если бы я стал решать задачу сам, то мама увидела бы, что я до сих пор не сделал уроки, и стала бы упрекать меня, что я откладываю уроки на ночь, папа взялся бы объяснять мне задачу, а зачем мне отрывать его от работы! Пусть лучше чертит чертежи для своего шлифовального прибора или обдумывает, как

лучше сделать какую-нибудь модель. Для него ведь всё это очень важно.

Пока я делал уроки, Лика положила в мышиный домик ваты, чтобы мышки могли устроить себе гнёздышко, насыпала им крупы, накрошила хлеба и поставила маленькое блюдечко с молоком. Если заглянуть в окошечко, можно видеть, как мышки сидят в домике и жуют крупу. Иногда какая-нибудь мышка садилась на задние лапки, а передними начинала умываться. Вот умора! Она так быстро тёрла лапками свою рожицу, что нельзя было без смеха смотреть. Лика всё время сидела перед домиком, заглядывала в окно и смеялась.

— Какой у тебя хороший товарищ, Витя! — сказала она, когда я подошёл посмотреть.

— Это Костя-то? — говорю я.

— Ну да.

— Чем же он такой хороший?

— Вежливый. Так хорошо разговаривает. Даже со мной поговорил.

— Отчего же ему не поговорить с тобой?

— Ну, я ведь девчонка.

— Что ж, если девчонка, так и разговаривать с ней нельзя?

— А другие ребята не разговаривают. Гордятся, наверно. Ты с ним дружи.

Я хотел ей сказать, что Шишкин не такой уж хороший, что он уроки списывает и мне в тетради даже посадил кляксу, но я почему-то сказал:

— Будто я сам не знаю, что он хороший! У нас в классе все ребята хорошие.

Глава четвёртая

Прошло дня три, или четыре, или, может быть, пять, сейчас уже не помню точно, и вот один раз на уроке наш редактор Серёжа Букатин сказал:

— Ольга Николаевна, у нас в редколлегии никто не умеет хорошо рисовать. В прошлом году всегда рисовал Федя Рыбкин, а теперь совсем некому, и стенгазета получается неинтересная. Надо нам выбрать художника.

— Художником надо выбирать того, кто умеет хорошо рисовать, — сказала Ольга Николаевна. — Давайте сделаем так: пусть каждый принесёт завтра свои рисунки. Вот мы и выберем, кто лучше рисует.

— А у кого нет рисунков? — спросили ребята.

— Ну, нарисуйте сегодня, приготовьте хоть по рисунку. Это ведь нетрудно.

— Конечно, — согласились мы все.

На другой день все принесли рисунки. Кто принёс старые, кто нарисовал новые; у некоторых были целые пачки рисунков, а Грачёв принёс целый альбом. Я тоже принёс несколько картинок. И вот мы разложили все свои рисунки на

партах, а Ольга Николаевна подходила ко всем и рассматривала рисунки. Наконец она подошла к Игорю Грачёву и стала смотреть его альбом. У него там были нарисованы всё моря, корабли, пароходы, подводные лодки, дредноуты.

— Игорь Грачёв лучше всех рисует, — сказала она. — Вот ты и будешь художником.

Игорь улыбался от радости. Ольга Николаевна перевернула страничку и увидела, что там у него нарисован моряк в тельняшке, с трубкой во рту, точь-в-точь такой же, как на стене был. Ольга Николаевна нахмурилась и пристально поглядела на Игоря. Игорь заволновался, покраснел и тут же сказал:

— Это я нарисовал морячка на стенке.

— Ну вот, а когда спрашивали, так ты не признавался! Нехорошо, Игорь, нечестно! Зачем ты это сделал?

— Сам не знаю, Ольга Николаевна! Как-то так, нечаянно. Я не подумал.

— Ну хорошо, что хоть теперь признался. После уроков пойди к директору и попроси прощения.

После уроков Игорь пошёл к директору и стал просить у него прощения. Игорь Александрович сказал:

— Государство уже израсходовало на ремонт

школы много денег. Второй раз ремонтировать некому. Иди домой, пообедаешь и придёшь.

После обеда Игорь пришёл в школу, ему дали ведро с краской и кисточку, и он побелил стену так, что морячка не стало видно.

Мы думали, что Ольга Николаевна теперь уже не разрешит ему быть художником, но Ольга Николаевна сказала:

— Лучше быть художником в стенгазете, чем портить стены.

Тогда мы выбрали его в редколлегию художником, и все были рады, и я был рад, только мне-то, если сказать по правде, радоваться не следовало, и я расскажу почему.

По шишкинскому примеру я совсем перестал дома делать задачи и всё норовил списывать их у ребят. Как в пословице говорится: «С кем поведёшься, от того и наберёшься».

«Зачем мне ломать голову над этими задачами? — думал я. — Всё равно я их не понимаю. Лучше я спишу, и дело с концом. И быстрей, и дома никто не сердится, что я не справляюсь с задачами».

Мне всегда удавалось списать задачу у кого-нибудь из ребят, но наш председатель совета отряда, Толя Дёжкин, упрекал меня.

— Ты ведь никогда не научишься делать зада-

чи, если всё время будешь списывать у других! — говорил он.

— А мне и не нужно, — отвечал я. — Я к арифметике неспособный. Авось как-нибудь и без арифметики проживу.

Конечно, списать домашнее задание было легко, а вот когда вызовут в классе, то тут только одна надежда на подсказку. Ещё спасибо, что хоть ребята подсказывали. Только Глеб Скамейкин с тех пор, как сказал, что будет бороться с подсказкой, всё думал и думал и наконец придумал такую вещь: подговорил ребят, которые выпускали стенгазету, нарисовать на меня карикатуру. И вот в один прекрасный день в стенгазете на меня появилась карикатура с длинными ушами, то есть был нарисован я возле доски, вроде я решаю задачу, а уши у меня длинные-предлинные. Это, значит, для того, чтобы лучше слышать, что мне подсказывают. И ещё какие-то стишки противные под этой карикатурой были подписаны:

«Витя наш подсказку любит,
Витя в дружбе с ней живёт,
Но подсказка Витю губит
И до двойки доведёт».

Или что-то вроде этого, не помню точно. В

общем, чепуха на постном масле. Я, конечно, страшно рассердился и сразу догадался, что это Игорь Грачёв нарисовал, потому что пока его в стенгазете не было, то и никаких карикатур не было.

Я подошёл к нему и говорю:

— Сними сейчас же эту карикатуру, а то худо будет!

Он говорит:

— Я не имею права снимать. Я ведь только художник. Мне сказали, я и нарисовал, а снимать не моё дело.

— Чьё же это дело?

— Это дело редактора. Он у нас всем распоряжается.

Тогда я говорю Серёже Букатину:

— А, значит, это твоя работа? На себя небось не поместил карикатуры, а на меня поместил!

— Что же ты думаешь, я сам помещаю, на кого хочу? У нас редколлегия. Мы всё вместе решаем. Глеб Скамейкин написал на тебя стихи и сказал, чтоб карикатуру нарисовали, потому что надо с подсказкой бороться. Мы на совете отряда решили, чтобы подсказки не было.

Тогда я бросился к Глебу Скамейкину.

— Снимай, — говорю, — сейчас же, а то из тебя

получится бараний рог!

— Как это — бараний рог? — не понял он.

— В бараний рог тебя согну и в порошок изотру!

— Подумаешь! Не очень-то тебя испугались.

— Ну, тогда я сам из газеты карикатуру вырву, если не испугались.

— Вырывать не имеешь права, — говорит Толя Дёжкин. — Ведь это правда. Если б на тебя на-

писали неправду, то и тогда не имеешь права вырывать, а должен написать опровержение.

— А, — говорю, — опровержение? Сейчас будет опровержение.

Все ребята подходили к стенгазете, любовались на карикатуру и смеялись. Но я решил не оставлять этого дела так и сел писать опровержение. Только у меня ничего не вышло, потому что я не знал, как его написать. Тогда я пошёл к нашему пионервожатому Володе, рассказал ему обо всём и стал спрашивать, как написать опровержение.

— Хорошо, я тебя научу, — сказал Володя. — Напиши, что ты исправишься и станешь учиться лучше, так что не нужна будет подсказка. Твою заметку поместят в стенгазете, а я скажу, чтобы карикатуру сняли.

Я так и сделал. Написал в газету заметку, в которой давал обещание начать учиться лучше и больше не надеяться на подсказку.

На другой день карикатуру сняли, а мою заметку напечатали на самом видном месте. Я был очень рад и даже на самом деле собирался начать учиться лучше, но всё почему-то откладывал, а через несколько дней у нас была письменная работа по арифметике, и я получил двойку. Конечно, не я один получил двойку. У Саши Мед-

ведкина тоже была двойка, так что мы вдвоём отличились. Ольга Николаевна записала нам эти двойки в дневники и сказала, чтоб в дневниках была подпись родителей.

Печальный возвращался я в этот день домой и всё думал, как избавиться от двойки или как сказать маме, чтоб она не очень сердилась.

— Ты сделай так, как делал наш Митя Круглов, — сказал мне по дороге Шишкин.

— Кто это Митя Круглов?

— А это был у нас такой ученик, когда я учился в Нальчике.

— Как же он делал?

— А он так: придёт домой, получив двойку, и ничего не говорит. Сидит с унылым видом и молчит. Час молчит, два молчит и никуда гулять не идёт. Мать спрашивает:

«Что это с тобой сегодня?»

«Ничего».

«Чего же ты такой скучный сидишь?»

«Так просто».

«Небось натворил в школе чего-нибудь?»

«Ничего я не натворил».

«Подрался с кем-нибудь?»

«Нет».

«Стекло в школе расшиб?»

«Нет».

«Странно!» — говорит мать.

За обедом сидит и ничего не ест.

«Почему ты ничего не ешь?»

«Не хочется».

«Аппетита нет?»

«Нет».

«Ну пойди погуляй, аппетит и появится».

«Не хочется».

«Чего же тебе хочется?»

«Ничего».

«Может быть, ты больной?»

«Нет».

Мать потрогает ему лоб, поставит градусник. Потом говорит:

«Температура нормальная. Что же с тобой, наконец? С ума ты меня сведёшь!»

«Я двойку по арифметике получил».

«Тьфу! — говорит мать. — Так ты из-за двойки всю эту комедию выдумал?»

«Ну да».

«Ты бы лучше сел да учился, вместо того чтоб комедию играть. Вот двойки и не было бы», — ответит мать.

И больше ничего ему не скажет. А Круглову только это и надо.

— Ну хорошо, — говорю я. — Один раз он так сделает, а в следующий раз мать ведь сразу догадается, что он получил двойку.

— А в следующий раз он что-нибудь другое придумает. Например, приходит и говорит матери:

«Знаешь, у нас Петров сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт этого Петрова пробирать:

«И такой он и сякой. Родители его стараются, чтоб из него человек вышел, а он не учится, двойки получает…»

И так далее. Как только мать умолкнет, он говорит:

«И Иванов у нас сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт отделывать Иванова:

«Такой-сякой, не хочет учиться, государство на него даром деньги тратит!..»

А Круглов подождёт, пока мать всё выскажет, и снова говорит:

«Гаврилову сегодня тоже двойку поставили».

Вот мать и начнёт отчитывать Гаврилова, только бранит его уже меньше. Круглов, как только увидит, что мать уже устала браниться, возьмёт и скажет:

«У нас сегодня просто день такой несчастливый. Мне тоже двойку поставили».

Ну, мать ему только и скажет:

«Болван!»

И на этом конец.

— Видать, этот Круглов у вас был очень умный, — сказал я.

— Да, — говорит Шишкин, — очень умный. Он часто получал двойки и каждый раз выдумывал разные истории, чтоб мать не бранила слишком строго.

Я вернулся домой и решил сделать так, как этот Митя Круглов: сел сразу на стул, свесил голову и скорчил унылую-преунылую физиономию. Мама это сразу заметила и спрашивает:

— Что с тобой? Двойку небось получил?

— Получил, — говорю.

Вот тут-то она и начала меня пробирать.

Но об этом рассказывать неинтересно.

На следующий день Шишкин тоже получил двойку по русскому языку, и была ему за это дома головомойка, а ещё через день на нас обоих опять появилась в газете карикатура. Вроде как будто мы с Шишкиным идём по улице, а за нами следом бегут двойки на ножках.

Я сразу разозлился и говорю Серёже Букатину:

— Что это за безобразие! Когда это наконец прекратится?

— Чего ты кипятишься? — спрашивает Серёжа. — Это ведь правда, что вы получили двойки.

— Будто мы одни получили! Саша Медведкин тоже получил двойку. А где он у вас?

— Этого я не знаю. Мы сказали Игорю, чтоб он всех троих нарисовал, а он нарисовал почему-то двоих.

— Я и хотел нарисовать троих, — сказал Игорь, — да все трое у меня не поместились. Вот я и нарисовал только двоих. В следующий раз третьего нарисую.

— Всё равно, — говорю я. — Я этого дела так не оставлю. Я напишу опровержение!

Говорю Шишкину:

— Давай опровержение писать.

— А как это?

— Очень просто: нужно написать в стенгазету обещание, что мы будем учиться лучше. Меня так в прошлый раз научил Володя.

— Ну ладно, — согласился Шишкин. — Ты пиши, а я потом у тебя спишу.

Я сел и написал обещание учиться лучше и никогда больше не получать двоек. Шишкин целиком списал у меня это обещание и ещё от себя прибавил, что будет учиться не ниже чем на четвёрку.

— Это, — говорит, — чтоб внушительней было.

Мы отдали обе заметки Серёже Букатину, и я сказал:

— Вот, можешь снимать карикатуру, а заметки наши наклей на самом видном месте.

Он сказал:

— Хорошо.

На другой день, когда мы пришли в школу, то увидели, что карикатура висит на месте, а наших обещаний нет. Я тут же бросился к Серёже. Он говорит:

— Мы твоё обещание обсудили на редколлегии и решили пока не помещать в газете, потому что ты уже раз писал и давал обещание учиться лучше, а сам не учишься, даже получил двойку.

— Всё равно, — говорю я. — Не хотите помещать заметку — не надо, а карикатуру вы обязаны снять.

— Ничего, — говорит, — мы не обязаны. Если ты воображаешь, что можно каждый раз давать обещания и не выполнять их, то ты ошибаешься.

Тут Шишкин не вытерпел:

— Я ведь ещё ни разу не давал обещания. Почему вы мою заметку не поместили?

— Твою заметку мы поместим в следующем номере.

— А пока выйдет следующий номер, я так и буду висеть?

— Будешь висеть.

— Ладно, — говорит Шишкин.

Но я решил не успокаиваться на достигнутом. На следующей переменке я пошёл к Володе и рассказал ему обо всём.

Он сказал:

— Я поговорю с ребятами, чтоб они поскорее выпустили новую стенгазету и поместили обе ваши статьи. Скоро у нас будет собрание об успеваемости, и ваши статьи как раз ко времени выйдут.

— Будто нельзя сейчас карикатуру вырвать, а на её место наклеить заметки? — спрашиваю я.

— Это не полагается, — ответил Володя.

— Почему же в прошлый раз так сделали?

— Ну, в прошлый раз думали, что ты исправишься, и сделали в виде исключения. Но нельзя же каждый раз портить стенную газету. Ведь все газеты у нас сохраняются. По ним потом можно будет узнать, как работал класс, как учились ученики. Может быть, кто-нибудь из учеников, когда вырастет, станет известным мастером, знаменитым художником, лётчиком или учёным. Можно будет просмотреть стенгазеты и узнать, как он учился.

«Вот так штука! — подумал я. — А вдруг, когда я вырасту и сделаюсь знаменитым путешественником или лётчиком (я уже давно решил стать знаменитым лётчиком или путешественником), вдруг тогда кто-нибудь увидит эту старую газету и скажет: “Братцы, да ведь он в школе получал двойки!”»

От этой мысли настроение у меня испортилось на целый час, и я не стал больше спорить с Володей. Только потом я понемногу успокоился и решил, что, может быть, пока я вырасту, газета куда-нибудь затеряется, на моё счастье, и это спасёт меня от позора.

Глава пятая

Карикатура наша провисела в газете целую неделю, и только за день до общего собрания вышла новая стенгазета, в которой уже карикатуры не было и появились обе наши заметки: моя и шишкинская. Были там, конечно, и другие заметки, только я сейчас уже не помню про что.

Володя сказал, чтоб мы все подготовились к общему собранию и обсудили вопрос об успеваемости каждого ученика. На большой перемене наш звеньевой Юра Касаткин собрал нас, и мы стали говорить о нашей успеваемости. Говорить тут долго было не о чем. Все сказали, чтоб мы с Шишкиным свои двойки исправили в самое короткое время.

Ну, мы, конечно, согласились. Что ж, разве нам самим интересно с двойками ходить?

На другой день у нас было общее собрание класса.

Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости. Она рассказала, кто как учится в классе, кому на что надо обратить внимание. Тут не только двоечникам досталось, но даже и тро-

ечникам, потому что тот, кто учится на тройку, легко может скатиться к двойке.

Потом Ольга Николаевна сказала, что дисциплина у нас ещё плохая — в классе бывает шумно, ребята подсказывают друг другу.

Мы стали высказываться. То есть это только я так говорю — «мы», на самом деле я не высказывался, так как мне с двойкой нечего было лезть вперёд, а надо было сидеть в тени.

Первым выступил Глеб Скамейкин. Он сказал, что во всём виновата подсказка. Это у него вроде болезнь такая — «подсказка». Он сказал, что если б никто не подсказывал, то и дисциплина была бы лучше и никто не надеялся бы на подсказку, а сам бы взялся за ум и учился бы лучше.

— Теперь я нарочно буду подсказывать неправильно, чтоб никто не надеялся на подсказку, — сказал Глеб Скамейкин.

— Это не по-товарищески, — сказал Вася Ерохин.

— А вообще подсказывать по-товарищески?

— Тоже не по-товарищески. Товарищу надо помочь, если он не понимает, а от подсказки вред.

— Так уж сколько говорилось об этом! Всё равно подсказывают!

— Ну, надо выводить на чистую воду тех, кто

подсказывает.

— Как же их выводить?

— Надо про них в стенгазету писать.

— Правильно! — сказал Глеб. — Мы начнём кампанию в стенгазете против подсказки.

Наш звеньевой Юра Касаткин сказал, что всё наше звено решило учиться совсем без двоек, а ребята из первого и второго звена сказали, что обещают учиться только на пятёрки и четвёрки.

Ольга Николаевна стала объяснять нам, что, для того чтобы успешно учиться, надо правильно распределять свой день. Надо пораньше ложиться спать и пораньше вставать. Утром делать зарядку, почаще бывать на свежем воздухе. Уроки нужно делать не сейчас же после школы, а сначала часа полтора-два отдохнуть. (Вот как раз то, что я говорил Лике.) Уроки обязательно делать днём. Поздно вечером заниматься вредно, так как мозг к этому времени уже устаёт и занятия не будут успешными. Сначала надо делать уроки, которые потрудней, а потом те, что полегче.

Слава Ведёрников сказал:

— Ольга Николаевна, я понимаю, что после школы нужно отдохнуть часа два, а вот как отдыхать? Я не умею так просто сидеть и отдыхать. От такого отдыха на меня нападает тоска.

— Отдыхать — это вовсе не значит, что надо сидеть сложа руки. Можно пойти погулять, чем-нибудь заняться.

— А в футбол можно играть? — спросил я.

— Очень хороший отдых — игра в футбол, — сказала Ольга Николаевна, — только не надо, конечно, играть весь день. Если поиграешь часок, то очень хорошо отдохнёшь и учиться будешь лучше.

— А вот скоро начнётся дождливая погода, — сказал Шишкин, — футбольное поле от дождя раскиснет. Где мы тогда будем играть?

— Ничего, ребята, — ответил Володя. — Скоро мы оборудуем спортивный зал в школе, можно будет даже зимой играть в баскетбол.

— Баскетбол! — воскликнул Шишкин. — Вот здорово! Чур, я буду капитаном команды! Я уже был раз капитаном баскетбольной команды, честное слово!

— Ты вот сначала подтянись по русскому языку, — сказал Володя.

— А я что? Я ничего... Я подтянусь, — сказал Шишкин.

На этом общее собрание закончилось.

— Эх, и оплошали же вы, ребята! — сказал Володя, когда все разошлись и осталось только

наше звено.

— А что? — спрашиваем мы.

— Как «что»! Взялись учиться без двоек, а все остальные звенья обещают учиться только на четвёрки и пятёрки.

— А чем мы хуже других? — говорит Лёня Астафьев. — Мы тоже можем на пятёрки и четвёрки.

— Подумаешь! — говорит Ваня Пахомов. — Ничем они не лучше нас.

— Ребята, давайте и мы возьмёмся, — говорит Вася Ерохин. — Вот даю честное слово, что буду учиться не ниже чем на четвёрку. Мы не хуже других.

Тут и меня подхватило.

— Верно! — говорю. — Я тоже берусь! До сих пор я не брался как следует, а теперь возьмусь, вот увидите. Мне, знаете, стоит только начать.

— Стоит только начать, а потом будешь плакать да кончать, — сказал Шишкин.

— А ты что, не хочешь? — спросил Володя.

— Я не берусь на четвёрки, — сказал Шишкин. — То есть я берусь по всем предметам, а по русскому могу взяться только на тройку.

— Ты что ещё выдумал! — говорит Юра. — Весь класс берётся, а он не берётся! Подумаешь, какой умник нашёлся!

— Как же я могу браться? У меня по русскому никогда лучшей отметки, чем тройка, не было. Тройка — и то хорошо.

— Послушай, Шишкин, почему ты отказываешься? — сказал Володя. — Ты ведь уже дал обещание учиться по всем предметам не ниже чем на четвёрку.

— Когда я дал обещание?

— А вот, это твоя заметка в стенгазете? — спросил Володя и показал газету, где были напечатаны наши обещания.

— Верно! — говорит Шишкин. — А я и забыл уже.

— Ну, так как же теперь, берёшься?

— Что ж делать, ладно, берусь, — согласился Шишкин.

— Ура! — закричали ребята. — Молодец, Шишкин! Не подвёл нас! Теперь все вместе будем бороться за честь своего класса.

Шишкин всё-таки был недоволен и по дороге домой даже не хотел разговаривать со мной: дулся на меня за то, что я подговорил его написать в газету заметку.

Глава шестая

Не знаю, как Шишкин, а я решил сразу взяться за дело. Самое главное, подумал я, это режим. Спать буду ложиться пораньше, часов в десять, как Ольга Николаевна говорила. Вставать тоже буду пораньше и повторять перед школой уроки. После школы буду играть часа полтора в футбол, а потом на свежую голову буду делать уроки. После уроков буду заниматься чем захочется: или с ребятами играть, или книжки читать, до тех пор пока не придёт время ложиться спать.

Так, значит, я подумал и пошёл играть в футбол, перед тем как делать уроки. Я твёрдо решил играть не больше чем полтора часа, от силы — два, но, как только я попал на футбольное поле, у меня всё из головы вылетело, и я очнулся, когда уже совсем наступил вечер. Уроки я опять стал делать поздно, когда голова уже плохо соображала, и дал сам себе обещание, что на следующий день не буду так долго играть. Но на следующий день повторилась та же история. Пока мы играли, я всё время думал: «Вот забьём ещё один гол, и я пойду домой», но почему-то так получалось, что,

когда мы забивали гол, я решал, что пойду домой, когда мы ещё один гол забьём. Так и тянулось до самого вечера. Тогда я сказал сам себе: «Стоп! У меня что-то не то получается!» И стал думать, почему же у меня так получается. Вот я думал, думал, и наконец мне стало ясно, что у меня совсем нет воли. То есть у меня воля есть, только она не сильная, а совсем-совсем слабенькая воля. Если мне надо что-нибудь делать, то я никак не могу заставить себя это делать, а если мне не надо чего-нибудь делать, то я никак не могу заставить себя этого не делать. Вот, например, если я начну читать какую-нибудь интересную книжку, то читаю и читаю и никак не могу оторваться. Мне, например, надо делать уроки или пора уже ложиться спать, а я всё читаю. Мама говорит, чтоб я шёл спать, папа говорит, что пора уже спать, а я не слушаюсь, пока нарочно не потушат свет, чтоб мне нельзя уже было больше читать. И вот то же самое с этим футболом. Не хватает у меня силы воли кончить вовремя игру, да и только!

Когда я всё это обдумал, то даже сам удивился. Я воображал, будто я человек с очень сильной волей и твёрдым характером, а оказалось, что я человек безвольный, слабохарактерный, вроде Шишкина. Я решил, что мне надо развивать

сильную волю. Что нужно делать для этого? Для этого я буду делать не то, что хочется, а то, чего вовсе не хочется. Не хочется утром делать зарядку — а я буду делать. Хочется идти играть в футбол — а я не пойду. Хочется почитать интересную книжку — а я не стану. Начать решил сразу, с этого же дня. В этот день мама испекла к чаю моё самое любимое пирожное. Мне достался самый вкусный кусок — из серединки. Но я решил, что раз мне хочется съесть это пирожное, то я не буду его есть. Чай я попил просто с хлебом, а пирожное так и осталось.

— Почему же ты не стал есть пирожное? — спросила мама.

— Пирожное будет лежать здесь до послезавтрашнего вечера — ровно два дня, — сказал я. — Послезавтра вечером я его съем.

— Что это ты, зарок дал? — говорит мама.

— Да, — говорю, — зарок. Если не съем раньше назначенного срока это пирожное, значит, у меня сильная воля.

— А если съешь? — спрашивает Лика.

— Ну, если съем, тогда, значит, слабая. Будто сама не понимаешь!

— Мне кажется, ты не выдержишь, — сказала Лика.

— А вот посмотрим.

Наутро я встал — мне очень не хотелось делать зарядку, но я всё-таки сделал, потом пошёл под кран обливаться холодной водой, потому что обливаться мне тоже не хотелось. Потом позавтракал и пошёл в школу, а пирожное так и осталось лежать на тарелочке. Когда я пришёл, оно лежало по-прежнему, только мама накрыла его стеклянной крышкой от сахарницы, чтоб оно не засохло до завтрашнего дня. Я открыл его и посмотрел, но оно ничуть даже ещё не начало сохнуть. Мне очень захотелось тут же его прикончить, но я поборол в себе это желание.

В этот день я решил в футбол не играть, а просто отдохнуть часика полтора и тогда уже взяться за уроки. И вот после обеда я стал отдыхать. Но как отдыхать? Просто так отдыхать ведь не станешь. Отдых — это игра или какое-нибудь интересное занятие. «Чем же заняться? — думаю. — Во что поиграть?» Потом думаю: «Пойду-ка поиграю с ребятами в футбол».

Не успел я это подумать, как ноги сами вынесли меня на улицу, а пирожное так и осталось лежать на тарелке.

Иду я по улице и вдруг думаю: «Стоп! Что же это я делаю? Раз мне хочется играть в футбол, то не

нужно. Разве так воспитывают сильную волю?» Я тут же хотел повернуть назад, но подумал: «Пойду и посмотрю, как ребята играют, а сам играть не буду». Пришёл, смотрю, а там уже игра в самом разгаре. Шишкин увидел меня, кричит:

— Где же ты ходишь? Нам уже десять голов насажали! Скорей выручай!

И тут уж я сам не заметил, как ввязался в игру.

Домой снова вернулся поздно и думаю:

«Эх, безвольный я человек! С утра так хорошо начал, а потом из-за этого футбола всё испортил!»

Смотрю — пирожное лежит на тарелке. Я взял его и съел.

«Всё равно, — думаю, — у меня никакой силы воли нет».

Лика пришла, смотрит — тарелка пустая.

— Не выдержал? — спрашивает.

— Чего «не выдержал»?

— Съел пирожное?

— А тебе что? Съел, ну и съел. Не твоё ведь я пирожное съел!

— Чего же ты сердишься? Я ничего не говорю. Ты и то слишком долго терпел. У тебя большая сила воли. А вот у меня никакой силы воли нет.

— Почему же это у тебя нет?

— Сама не знаю. Если б ты не съел до завтра это пирожное, то я сама бы, наверно, его съела.

— Значит, ты считаешь, что у меня есть сила воли?

— Конечно, есть.

Я немножко утешился и решил с завтрашнего дня снова приняться за воспитание воли, несмотря на сегодняшнюю неудачу. Не знаю, какой бы получился из этого результат, если бы погода была хорошая, но как раз в этот день с утра зарядил дождь, футбольное поле, как и ожидал Шишкин, раскисло, и играть было нельзя. Раз играть было нельзя, то меня и не тянуло. Удивительно, как человек устроен! Вот бывает: сидишь дома, а ребята в это время в футбол играют; ты, значит, сидишь и думаешь: «Бедный я, бедный, несчастный-разнесчастный! Все ребята играют, а я дома сижу!» А вот если сидишь дома и знаешь, что все остальные ребята тоже сидят по домам и никто не играет, то ничего такого не думаешь.

Так и на этот раз. За окном моросил мелкий осенний дождь, а я сидел себе дома и спокойно занимался. И очень успешно у меня занятия шли, пока я не дошёл до арифметики. Но тут я решил, что не стоит мне самому особенно ломать голову, а лучше просто пойти к кому-нибудь из ребят,

чтоб мне помогли арифметику сделать.

Я быстро собрался и пошёл к Алику Сорокину. Он в нашем звене лучше всех по арифметике учится. У него всегда по арифметике пять.

Прихожу я к нему, а он сидит за столом и сам с собой играет в шахматы.

— Вот хорошо, что ты пришёл! — говорит. —

Сейчас мы с тобой сыграем в шахматы.

— Да я не за тем пришёл, — говорю я. — Вот помоги мне лучше арифметику сделать.

— Ага, хорошо, сейчас. Только знаешь что? Арифметику мы успеем сделать. Я тебе всё объясню в два счёта. Давай сначала сыграем в шахматы. Тебе всё равно надо научиться играть в шахматы, потому что шахматы развивают способности к математике.

— А ты не врёшь? — говорю.

— Нет, честное слово! Ты думаешь, почему я хорошо по арифметике учусь? Потому что играю в шахматы.

— Ну, если так, тогда ладно, — согласился я.

Расставили мы фигуры и стали играть. Только я тут же увидел, что играть с ним совсем невозможно. Он не мог спокойно относиться к игре, и, если я делал неверный ход, он почему-то сердился и всё время кричал на меня:

— Ну кто так играет? Куда ты полез? Разве так ходят? Тьфу! Что это за ход?

— Почему же это не ход? — спрашиваю я.

— Да потому, что я съем твою пешку.

— Ну и ешь, — говорю, — на здоровье, только не кричи, пожалуйста!

— Как же на тебя не кричать, когда ты так глупо

ходишь!

— Тебе же, — говорю, — лучше: скорее выиграешь.

— Мне, — говорит, — интересно у умного человека выиграть, а не у такого игрока, как ты.

— Значит, по-твоему, я не умный?

— Да, не очень.

Так он оскорблял меня на каждом шагу, пока не выиграл партию, и говорит:

— Давай ещё.

А я и сам уже раззадорился и очень хотел обыграть его, чтоб он не задавался.

— Давай, — говорю, — только так, чтоб без крика, а если будешь кричать на меня, брошу всё и уйду.

Стали мы снова играть. На этот раз он не кричал, но и молча играть не умел, видно, и поэтому всё время болтал, как попугай, и строил насмешки:

— Ага! Так вот как вы пошли! Ага! Угу! Вот какие вы теперь умные стали! Скажите пожалуйста!

Просто противно было слушать.

Я проиграл и эту партию и ещё не помню сколько.

Потом мы стали заниматься по арифметике, но и тут проявился его скверный характер. Ничего-

то он спокойно не мог объяснить:

— Да ведь это просто, ну как ты не понимаешь! Да это ведь малые ребята понимают! Что ж тут непонятного? Эх ты! Вычитаемого от уменьшаемого не может отличить! Мы это ещё в третьем классе проходили. Ты что, с луны, что ли, свалился?

— Если тебе трудно объяснить просто, то я к кому-нибудь другому могу пойти, — говорю я.

— Да я ведь объясняю просто, а ты не понимаешь!

— Где же, — говорю, — просто? Объясняй что надо. Какое тебе дело, с луны я свалился или не с луны!

— Ну ладно, ты не сердись, я буду просто.

Но просто у него никак не выходило. Пробился я с ним до вечера и всё-таки мало что понял. Но обиднее всего было то, что я ни разу не обыграл его в шахматы. Если б он не так задавался, то мне и обидно бы не было. Теперь мне обязательно хотелось обыграть его, и с тех пор я каждый день ходил к нему заниматься по арифметике, и мы по целым часам сражались в шахматы.

Постепенно я подучился играть, и мне иногда удавалось выиграть у него партию. Это, правда, случалось редко, но доставляло мне большое

удовольствие. Во-первых, когда он начинал проигрывать, то переставал болтать, как попугай; во-вторых, страшно нервничал: то вскочит, то сядет, то за голову схватится. Просто смешно было смотреть. Я, например, не стану так нервничать, если буду проигрывать, но и не стану радоваться, если проигрывает товарищ. А вот Алик наоборот: он не может сдержать свою радость, когда выигрывает, а когда проигрывает, то готов на себе волосы рвать от досады.

Для того чтобы научиться играть как следует, я играл в шахматы дома с Ликой, а когда дома был папа, то даже и с папой. Однажды папа сказал, что у него когда-то была книжка, учебник шахматной игры, и если я хочу научиться играть хорошо, то мне следует почитать эту книжку. Я сейчас же принялся искать этот учебник и нашёл его в корзинке, где лежали разные старые книжки. Сначала я думал, что ничего не пойму в этой книге, но когда начал читать, то увидел, что она написана очень просто и понятно. В книжке говорилось, что в шахматной игре, как на войне, нужно стараться поскорей захватить инициативу в свои руки, поскорей выдвинуть свои фигуры вперёд, ворваться в расположение противника и атаковать его короля. В книжке рассказыва-

лось, как нужно начинать шахматные партии, как подготовлять нападение, как защищаться и другие разные полезные вещи.

Я читал эту книжку два дня, а когда пришёл на третий день к Алику, то стал выигрывать у него партию за партией. Алик просто недоумевал и не понимал, в чём дело. Теперь положение переменилось. Через несколько дней я играл уже так, что ему даже случайно не удавалось меня обыграть.

Из-за этих шахмат на арифметику у нас оставалось мало времени, и Алик объяснял мне всё наспех, как говорится — на скорую ручку, комком да в кучку. В шахматы играть я научился, а вот не заметил, чтоб это улучшило мои способности к арифметике. С арифметикой у меня по-прежнему обстояло плохо, и я решил бросить шахматную игру. К тому же шахматы мне уже надоели. С Аликом неинтересно было играть, потому что он всё время проигрывал. Я сказал, что больше не буду играть в шахматы.

— Как! — сказал Алик. — Ты решил бросить шахматы? Да у тебя ведь замечательные шахматные способности! Ты станешь знаменитым шахматистом, если будешь продолжать играть!

— Никаких у меня способностей нет! — говорю

я. — Ведь я вовсе не своим умом обыгрывал тебя. Всему этому я научился из книжки.

— Из какой книжки?

— Есть такая книжка — учебник шахматной игры. Если хочешь, я тебе дам почитать эту книжку, и ты станешь играть не хуже меня.

Алику захотелось поскорей прочитать эту книжку. Мы пошли с ним ко мне. Я дал ему учебник шахматной игры, и он сейчас же убежал домой, чтоб начать читать.

А я решил не играть больше в шахматы до тех пор, пока не подтянусь по арифметике.

Глава седьмая

Наш вожатый Володя затеял устроить в школе вечер самодеятельности. Некоторые ребята решили выучить наизусть стихи и прочитать их на сцене. Другие решили показать на сцене физкультурные упражнения и сделать пирамиду. Гриша Васильев сказал, что будет играть на балалайке, а Павлик Козловский будет танцевать гопак. Но самую интересную вещь придумали Ваня Пахомов и Игорь Грачёв. Они решили поставить отрывок «Бой Руслана с головой» из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Этот отрывок был напечатан в нашей книге для чтения «Родная речь» для четвёртого класса. Мы как раз недавно его читали. Игорь Грачёв сказал, что голову великана он вырежет из фанеры и разрисует её пострашней, а сам, спрятавшись позади неё, будет говорить что надо. А Ваня сыграет Руслана. Он сделает себе деревянное копьё и будет драться с головой.

Нам с Шишкиным тоже захотелось участвовать в самодеятельности, но Ольга Николаевна не разрешила.

— Вам сначала надо исправить свои отметки, — сказала она, — а потом можно будет и на сцене играть.

И вот все ребята принялись разучивать свои роли и репетировать на сцене, а мы с Шишкиным толклись в зале и с завистью смотрели на всех. Игорь вырезал из целого фанерного листа голову великана. Нижнюю челюсть он сделал из фанеры отдельно и прикрепил гвоздём так, что голова могла открывать рот. Потом он разрисовал голову красками и сделал ей вытаращенные глаза. Когда он прятался за нею и шевелил фанерной челюстью, а сам в это время рычал и разговаривал, то казалось, что голова сама рычит и разговаривает. А как интересно было смотреть, когда Руслан, то есть Ваня, наскакивал с копьём в руках на голову, а голова дула на него и его как будто бы ветром относило в сторону!

Однажды Шишкину в голову пришла очень хорошая мысль.

— Я, — говорит, — вчера читал «Руслана и Людмилу», там написано, что Руслан ездил на коне, а у нас он ходит по сцене пешком.

— Где же ты возьмёшь коня? — говорю я. — Даже если бы и был конь, всё равно его на сцену не втащишь.

— У меня есть замечательная идея, — говорит он. — Мы с тобой будем представлять коня.

— Как же мы будем представлять коня?

— У меня есть журнал «Затейник», там написано, как двое ребят могут изобразить на сцене коня. Для этого делается из материи такая вроде лошадиная шкура. Впереди делается лошадиная голова, сзади — хвост, а внизу — четыре ноги. Я, понимаешь, залезаю в эту шкуру спереди и просовываю свою голову в лошадиную голову, а ты залезаешь в шкуру сзади, нагибаешься и держишься руками за мой пояс, так что твоя спина получается вроде лошадиная спина. У лошади четыре ноги, и у нас с тобой тоже четыре ноги. Куда я иду, туда и ты, вот и получается лошадь.

— Как же мы сошьём такую шкуру? — говорю я. — Если бы мы были девчонки, то, может быть, сумели бы сшить. Девчонки всегда рукодельничать умеют.

— А ты попроси свою сестру Лику, она нам поможет.

Мы рассказали обо всём Лике и попросили помочь.

— Ладно, — говорит Лика, — я вам помогу, но для этого ведь надо достать материи.

Мы долго думали, где бы достать материи,

а потом Шишкин нашёл у себя на чердаке какой-то старый, никому не нужный матрац. Мы вытряхнули из матраца всю начинку и показали его Лике. Лика сказала, что из него, пожалуй, что-нибудь выйдет. Она распорола матрац, так что получилось два больших куска материи. На одном куске она велела нам нарисовать большую лошадь. Мы взяли кусок мела и нарисовали на материи лошадь с головой и с ногами — всё как полагается. После этого Лика сложила оба куска и вырезала ножницами, так что сразу получились две лошадиные выкройки из материи. Эти две выкройки она стала сшивать по спине и по голове. Мы с Костей тоже вооружились иголками и принялись помогать ей шить. Особенно много было возни с ногами, потому что каждую ногу нужно было сшить отдельно трубочкой. Мы все пальцы искололи себе иголками. Наконец сшили всё. На другой день мы достали мочалы и сена и стали продолжать работу. В лошадиную голову мы напихали сена, чтобы она лучше держалась, а из мочалы сделали хвост и гриву.

Когда всё это было сделано, мы с Костей залезли в лошадиную шкуру через дырку, которая была оставлена на животе, и попробовали ходить. Лика засмеялась и сказала, что лошадь получилась

хорошая, только надо кое-где подложить ваты, а то у неё получились очень тощие бока, и, кроме того, её надо покрасить, так как видно, что она сделана из материи. Тогда мы вылезли из этой лошадиной шкуры. Лика принялась подшивать куда надо вату, а Шишкин принёс из дому мастику, которой натирают полы, и мы покрасили шкуру этой мастикой. Получился настоящий гнедой лошадиный цвет. Потом мы взяли краски и нарисовали на голове глаза, ноздри, рот. На ногах нарисовали копыта. Ещё Лика придумала пришить к лошадиной голове уши, так как без ушей голова получалась не очень красивая. После этого мы снова залезли в лошадиную шкуру.

— И-го-го! — заржал по-лошадиному Костя.

Лика захлопала в ладоши и чуть не захлебнулась от смеха.

— Прямо настоящая лошадь получилась! — кричала она.

Мы попробовали ходить по комнате и брыкаться ногами. Наверно, это очень смешно получалось, потому что Лика всё время смеялась. Потом пришла мама и тоже очень смеялась, глядя на нашу лошадь. Тут вернулся с работы папа, и он тоже смеялся.

— Для чего это вы сделали? — спросил он нас.

Мы рассказали, что в школе у нас будет спектакль и мы с Костей будем представлять на сцене коня.

— Это очень хорошо, что у вас в школе придумывают для ребят такие развлечения. Ребята приучаются заниматься полезным делом. Вы скажите, когда будет представление, я тоже приду, — сказал папа.

Потом мы пошли к Шишкину, чтоб показать лошадь его маме и тёте.

— Ну вот, — сказал я, — папа придёт, а вдруг нам не позволят играть.

— Ты молчи, — говорит Шишкин. — Никому ничего говорить не надо. Мы придём заранее и спрячемся за сценой, а Ваню Пахомова предупредим, чтоб он, перед тем как выходить на сцену, сел на лошадь.

— Правильно! — говорю я. — Так и сделаем.

С тех пор мы с нетерпением ждали представления и даже заниматься не могли из-за этого как следует. Каждый день мы пробовали надевать лошадиную шкуру и ходить в ней для тренировки. Лика то и дело подшивала под шкуру куски ваты, так что лошадь в конце концов сделалась гладенькая, упитанная. Для того чтобы лошадиные уши не висели, как лопухи, Костя придумал

вставить внутрь пружинки, и уши стали торчать кверху как полагается. Ещё Костя придумал привязать к ушам ниточки. Он незаметно дёргал за эти ниточки, и лошадь шевелила ушами, как настоящая.

Наконец наступил долгожданный день представления.

Мы незаметно принесли лошадиную шкуру и спрятали позади сцены. Потом мы увидели Ваню Пахомова. Костя отозвал его в сторону и говорит:

— Слушай, Ваня, перед тем как выходить на сцену и драться с головой, ты зайди за кулисы. Там будет стоять приготовленная для тебя лошадь. Ты на эту лошадь садись и выезжай на сцену.

— А что это за лошадь? — спрашивает Ваня.

— Это не твоя забота. Лошадь хорошая. Садись на неё, и она повезёт тебя куда надо.

— Не знаю, — говорит Ваня. — Мы ведь без лошади репетировали.

— Чудак! — говорит Шишкин. — С лошадью ведь гораздо лучше. Даже у Пушкина написано, что Руслан ездил на лошади. Как там написано: «Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!» На чём же он едет, если не на лошади? И в «Родной речи» у нас есть картинка, там Руслан нарисован на лошади.

— Ну ладно, — говорит Ваня. — Мне и самому неловко ходить по сцене пешком. Витязь — и вдруг без лошади.

— Только ты никому не говори, а то весь эффект пропадёт, — говорит Костя.

— Хорошо.

И вот, когда публика начала собираться, мы незаметно пробрались за кулисы, приготовили лошадиную шкуру и стали ждать. Ребята суетились, бегали по сцене, проверяли декорации. Наконец раздался последний звонок и начались выступления ребят. Нам всё хорошо было видно и слышно: и как читали стихи, и как делали физкультурные упражнения. Мне очень понравились физкультурные упражнения. Ребята делали их под музыку, чётко, ритмично, все, как один. Недаром тренировались две недели подряд. Потом занавес закрылся, на сцене быстро установили фанерную голову с открывающимся ртом, и Игорь Грачёв спрятался за нею. Тут появился Ваня. На голове у него был блестящий шлем, сделанный из картона, в руках деревянное копьё, выкрашенное серебряной краской.

Ваня подошёл к нам и говорит:

— Ну, где же ваша лошадь?

— Сейчас, — говорим мы.

Быстро влезли в лошадиную шкуру — и перед ним появился конь.

— Садись, — говорю я.

Ваня залез мне на спину и уселся. Тут я почувствовал, что коням несладко живётся на свете. Под тяжестью Вани я согнулся в три погибели и покрепче вцепился в пояс Шишкина, чтоб была опора. Тут как раз и занавес открылся.

— Но! Поехали! — скомандовал Ваня, то есть Руслан.

Мы с Шишкиным затопали прямо на сцену. Ребята встретили нас дружным смехом. Видно, наш конь понравился. Мы поехали прямо к голове.

— Тпру! Тпру! — зашипел Руслан. — Куда вас понесло? Чуть на голову не наехали! Осади назад!

Мы попятились назад. В зале раздался громкий смех.

— Да не пятьтесь назад! Вот чудаки! — ругал нас Ваня. — Повернитесь и выезжайте на середину сцены. Мне монолог надо читать.

Мы повернулись и выехали на середину сцены. Тут Ваня заговорил замогильным голосом:

– О поле, поле, кто тебя
Усеял мёртвыми костями?

Он долго читал эти стихи, завывая на все ла-

ды, а Шишкин в это время дёргал за ниточки, и конь наш шевелил ушами, что очень веселило зрителей. Наконец Ваня кончил свой монолог и прошептал:

— Ну, теперь к голове подъезжайте.

Мы повернулись и поехали к голове. Не доезжая до неё шагов пяти, Шишкин начал хрипеть, упираться ногами и становиться на дыбы. Я тоже стал брыкаться, чтобы показать, будто конь испугался головы великана. Тут Руслан стал пришпоривать коня, то есть, попросту говоря, бить меня каблуками по бокам. Тогда мы подъехали к голове, и Руслан принялся щекотать ей ноздри копьём. Тут голова как раскроет рот да как чихнёт! Мы с Шишкиным отскочили, завертелись по всей сцене, будто нас отнесло ветром. Руслан даже чуть не свалился с коня. Шишкин наступил мне на ногу. От боли я запрыгал на одной ножке и стал хромать. Ваня снова стал пришпоривать меня. Мы опять поскакали к голове, а она принялась на нас дуть, и нас снова понесло в сторону. Так мы налетали на неё несколько раз, наконец я взмолился.

— Кончайте, — говорю, — скорей, а то я не выдержу. У меня и так уже нога болит!

Тогда мы подскочили к голове в последний раз,

и Ваня треснул её копьём с такой силой, что с неё посыпалась краска. Голова упала, представление окончилось, и конь, хромая, ушёл со сцены. Ребята дружно захлопали в ладоши. Ваня соскочил с лошади и побежал кланяться публике, как настоящий актёр.

Шишкин говорит:

— Мы ведь тоже представляли на сцене. Надо и нам поклониться публике.

И тут все увидели, что на сцену выбежал конь и стал кланяться, то есть просто кивать головой. Всем это очень понравилось, в зале поднялся шум. Ребята принялись ещё громче хлопать в ладоши. Мы поклонились и убежали, а потом снова выбежали и опять стали кланяться. Тут Володя сказал, чтоб скорей закрывали занавес. Занавес сейчас же закрыли. Мы хотели убежать, но Володя схватил коня за уши и сказал:

— Ну-ка вылезайте! Кто это тут дурачится?

Мы вылезли из лошадиной шкуры.

— А, так это вы! — сказал Володя. — Кто вам разрешил здесь баловаться?

— Разве плохой конь получился? — удивился Шишкин.

— Коня-то вы хорошо смастерили, — сказал Володя. — А сыграть как следует не смогли: на сцене

серьёзный разговор происходит, а конь стоит, ногами шаркает, то отставит ногу, то приставит. Где вы видели, чтоб лошади так делали?

— Ну, устанешь ведь спокойно на одном месте стоять, — говорю я. — И ещё Ваня на мне верхом сидит. Знаете, какой он тяжёлый. Где уж тут спокойно стоять!

— Надо было стоять, раз на сцену вышли. И ещё. Руслан читает стихи: «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?» — и вдруг в публике смех. Я думаю, почему смеются? Что тут смешного! А оказывается, конь в это время ушами захлопал!

— Ну, кони всегда шевелят ушами, когда прислушиваются, — говорит Шишкин.

— К чему же тут понадобилось прислушиваться?

— Ну, к стихам… Он услышал, что Руслан читает стихи, и пошевелил ушами.

— Если б пошевелил, то ещё полбеды, а он ими так задвигал, будто мух отгонял.

— Это я переиграл малость, — говорит Шишкин. — Слишком сильно за верёвочку дёргал.

— «Переиграл»! — передразнил его Володя. — Вот не лезьте в другой раз без спросу на сцену.

Мы очень опечалились и думали, что нам ещё от Ольги Николаевны за это достанется, но Ольга

Николаевна нам совсем ничего не сказала, и для меня это было почему-то хуже, чем если бы она как следует пробрала нас за то, что мы не послушались её. Наверно, она решила, что мы с Шишкиным какие-нибудь такие совсем неисправимые, что с нами даже разговаривать серьёзно не стоит.

Из-за этого представления да ещё из-за шахмат я так и не взялся как следует за учёбу, и, когда через несколько дней нам выдали за первую четверть табели, я увидел, что у меня стоит двойка по арифметике.

Я и раньше знал, что у меня будет в четверти двойка, но всё думал, что четверть ещё не скоро кончится и я успею подтянуться, но четверть так неожиданно кончилась, что я и оглянуться не успел. У Шишкина тоже была в четверти двойка по русскому.

— И зачем это выдают табели перед самым праздником? Теперь у меня будет весь праздник испорчен! — сказал я Шишкину, когда мы возвращались домой.

— Почему? — спросил Шишкин.

— Ну потому, что придётся показывать дома двойку.

— А я не буду перед праздником показывать

двойку, — сказал Шишкин. — Зачем я буду маме праздник портить?

— Но после праздника ведь всё равно придётся показывать, — говорю я.

— Ну что ж, после праздника конечно, а на праздник все весёлые, а если я покажу двойку, все будут скучные. Нет, пусть лучше весёлые будут. Зачем я буду огорчать маму напрасно? Я люблю маму.

— Если бы ты любил, то учился бы получше, — сказал я.

— А ты-то учишься, что ли? — ответил Шишкин.

— Я — нет, но я буду учиться.

— Ну и я буду учиться.

На этом наш разговор окончился, и я решил, по шишкинскому примеру, показать табель потом, когда праздники кончатся. Ведь бывают же такие случаи, когда табели ученикам выдают после праздника. Ничего тут такого нету.

Глава восьмая

Наконец наступил день, которого я давно уже с нетерпением ждал, — день Седьмого ноября, праздник Великой Октябрьской революции.

Я проснулся рано-рано и сразу побежал к окошку, чтобы взглянуть на улицу. Солнышко ещё не взошло, но уже было совсем светло. Небо было чистое, голубое. На всех домах развевались красные флаги. На душе у меня стало радостно, будто снова наступила весна. Почему-то так светло, так замечательно на душе в этот праздник! Почему-то вспоминается всё самое хорошее и приятное. Мечтаешь о чём-то чудесном, и хочется поскорей вырасти, стать сильным и смелым, совершать разные подвиги и геройства: пробираться сквозь глухую тайгу, карабкаться по неприступным скалам, мчаться на самолёте по голубым небесам, опускаться под землю, добывать железо и уголь, строить каналы и орошать пустыни, сажать леса или работать на заводе и делать какие-нибудь новые замечательные машины.

Вот какие мечты у меня. И ничего в этом удивительного нету, я думаю. Папа говорит, что в

нашей стране каждый человек всего добьётся, если только захочет и станет как следует учиться, потому что уже много лет назад, как раз в этот день, Седьмого ноября, мы прогнали капиталистов, которые угнетали народ, и теперь у нас всё принадлежит народу. Значит, мне тоже принадлежит всё, потому что я тоже народ.

В этот день папа подарил мне волшебный фонарь с картинками, а мама подарила мне коньки, а Лика подарила мне компас, а я подарил Лике разноцветные краски для рисования.

А потом мы с папой и Ликой пошли на завод, где папа работает, а оттуда пошли на демонстрацию вместе со всеми рабочими с папиного завода. Вокруг гремела музыка, и все пели песни, и мы с Ликой пели, и нам было очень весело, и папа купил нам воздушные шарики: мне красный, а Лике зелёный. А когда мы подошли к самой большой площади нашего города, папа купил нам два красных флажка, и мы с этими флажками прошли мимо трибуны через всю площадь.

Потом мы вернулись домой, и скоро к нам стали собираться гости. Первый пришёл дядя Шура. В руках у него было два свёртка, и мы сразу догадались, что это он принёс нам подарки. Но дядя Шура сначала спросил, хорошо ли мы ведём себя.

Мы сказали, что хорошо.

— Маму слушаетесь?

— Слушаемся, — говорим.

— А учитесь как?

— Хорошо, — говорит Лика.

И я тоже сказал:

— Хорошо.

Тогда он подарил мне металлический конструктор, а Лике — строительные кубики.

Потом пришли тётя Лида и дядя Серёжа, потом тётя Надя и дядя Юра, и ещё тётя Нина. Все спрашивали меня, как я учусь. Я всем говорил — хорошо, и все дарили мне подарки, так что под конец у меня собралась целая куча подарков. У Лики тоже была целая куча подарков. И вот я сидел и смотрел на свои подарки, и постепенно у меня на душе сделалось грустно. Меня начала мучить совесть, потому что у меня по арифметике была двойка, а я всем говорил, что учусь хорошо. Я долго думал над этим и в конце концов дал сам себе обещание, что теперь возьмусь учиться как следует и тогда такие случаи уже никогда в жизни больше не будут повторяться. После того как я это решил, грусть моя стала понемногу проходить, и я постепенно развеселился.

Восьмого ноября тоже был праздник. Я побывал у многих ребят из нашего класса. Мы только и делали, что играли в разные игры, а вечером смотрели на стене картины от волшебного фонаря. Когда я ложился спать, то сложил все свои подарки на стуле. Лика тоже сложила свои подарки на стуле, а под потолком над нами красовались два воздушных шарика, с которыми мы ходили на демонстрацию. Так приятно было смотреть на них!

На следующий день, когда я проснулся, то увидел, что воздушные шарики лежат на полу. Они сморщились и стали меньше. Лёгкий газ из них вышел, и они уже не могли больше взлетать кверху. А когда в этот день я вернулся из школы, то не знал, как сказать маме про двойку, но мама сама вспомнила про табель и велела показать ей. Я молча вытащил табель из сумки и отдал маме. Мама стала проверять, какие у меня отметки, и, конечно, сразу увидела двойку.

— Ну вот так я и знала! — сказала она, нахмурившись. — Всё гулял да гулял, а теперь в четверти двойка. А всё почему? Потому что ничего слушать не хочешь! Сколько раз тебе говорилось, чтобы ты вовремя делал уроки, но тебе хоть говори, хоть нет — всё как об стену горохом. Может быть, ты хочешь на второй год остаться?

Я сказал, что теперь буду учиться лучше и что теперь у меня двойки ни за что на свете не будет, но мама только усмехнулась в ответ. Видно было, что ничуточки не поверила моим обещаниям. Я просил маму подписать табель, но она сказала:

— Нет уж, пусть папа подпишет.

Это было хуже всего! Я надеялся, что мама подпишет табель и тогда можно будет не показывать его папе, а теперь мне предстояло ещё выслушивать упрёки папы. Настроение у меня стало такое плохое, что не хотелось даже делать уроки.

«Пускай, — думаю, — папа уж отругает меня, тогда я буду заниматься».

Наконец папа пришёл с работы. Я подождал, когда он пообедает, потому что после обеда он всегда бывает добрей, и положил табель на стол так, чтоб папа его увидел. Папа скоро заметил, что на столе возле него лежит табель, и стал смотреть отметки.

— Ну вот, достукался! — сказал он, увидев двойку. — Неужели тебе перед товарищами не стыдно, а?

— Будто я один получаю двойки! — ответил я.

— У кого же ещё есть двойки?

— У Шишкина.

— Почему же ты берёшь пример с Шишкина?

Ты бы брал пример с лучших учеников. Или Шишкин у вас такой авторитет?

— И совсем не авторитет, — сказал я.

— Вот ты и стал бы учиться лучше да ещё Шишкину помог. Неужели вам обоим нравится быть хуже других?

— Мне, — говорю, — вовсе не нравится. Я уже сам решил начать учиться лучше.

— Ты и раньше так говорил.

— Нет, раньше я так просто говорил, а теперь я решил твёрдо взяться.

— Что ж, посмотрим, какая у тебя твёрдость.

Папа подписал табель и больше ничего не сказал. Мне даже обидно стало, что он так мало укорял меня. Наверно, он решил, что со мной долго и разговаривать нечего, раз я всегда только обещаю, а ничего не выполняю. Поэтому я решил на этот раз доказать, что у меня есть твёрдость, и начать учиться как следует. Жаль только, что в этот день по арифметике ничего не было задано, а то бы я, наверно, задачу сам решил.

На другой день я спросил Шишкина:

— Ну как, досталось тебе от мамы за двойку?

— Досталось! И от тёти Зины досталось. Уж лучше б она молчала! У неё только одни слова: «Вот я за тебя возьмусь как следует!» А как она

за меня возьмётся? Когда-то она сказала: «Вот я за тебя возьмусь: буду каждый вечер проверять, как ты сделал уроки». А сама раза два проверила, а потом записалась в драмкружок при клубе автозавода, и как только вечер — её и нету. «Я тебя, говорит, завтра проверю». И так каждый раз: завтра да завтра, а потом и совсем ничего. Потом вдруг: «Ну-ка показывай тетрадки, отвечай, что на завтра задано». А у меня как раз ничего не сделано, потому что я уже отвык, чтоб меня проверяли. Словом, что ни вечер, то её дома нет. Если на занятия драмкружка не надо идти, то в театр пойдёт.

— Ей ведь надо в театр ходить, раз она в театральном училище учится, — сказал я.

— Это я понимаю, — говорит Шишкин. — Мама тоже на курсах повышения квалификации учится да ещё работает, а не говорит же она: «Я за тебя возьмусь». Мама просто объяснит, что надо учиться, а если и накричит на меня, то я не обижаюсь. А на тётю Зину всегда буду обижаться, потому что если берёшься, то берись, а если не берёшься, то не берись. Я, может быть, жду, когда тётя Зина за меня возьмётся, и сам ничего не делаю. Такой у меня характер!

— Это ты просто вину с себя на другого перекла-

дываешь, — сказал я. — Переменил бы характер.

— Сам бы переменил. Будто сам лучше учишься!

— Я буду лучше учиться, — говорю я.

— Ну и я буду лучше, — ответил Шишкин.

Через несколько дней наш преподаватель физкультуры Григорий Иванович сказал, что спортивный зал у нас уже оборудован для игры в баскетбол и кто желает, может записаться в баскетбольную команду. Все ребята обрадовались и стали записываться. Мы с Шишкиным, конечно, тоже хотели записаться, но Григорий Иванович не записал нас.

— В баскетбольной команде может играть только тот, кто хорошо учится, — сказал он нам.

Шишкин очень расстроился. Он давно уже ждал, когда можно будет играть в баскетбол, и вот теперь, когда другие ребята будут играть, нам, как говорится, приходилось остаться за бортом. Я лично не очень огорчался, потому что решил начать учиться лучше и во что бы то ни стало добиться, чтоб меня приняли в баскетбольную команду.

В этот же день Ольга Николаевна сказала, что многие наши ребята уже подтянулись и стали учиться успешнее. Лучше всего дело обстояло

в первом звене. У них не было ни одной двойки, а троек было всего две. Ольга Николаевна сказала, что когда они исправят эти тройки, то звено выполнит своё обещание учиться только на пятёрки и четвёрки. Хуже всего дело обстояло в нашем звене, так как у нас были две двойки — моя и шишкинская.

Юра сказал:

— Вот! Мы с вами в хвосте оказались! Надо что-нибудь придумать, как из этого положения выпутаться.

— Это всё они, вот эти двое! — сказал Лёня Астафьев и показал на нас с Шишкиным. — Что ж это вы, а? Всё звено позорите! Все ребята стараются, а им хоть кол на голове теши, ничего не помогает! Ты, Малеев, почему плохо учишься?

Тут все на меня набросились:

— Ты что, не понимаешь, что надо учиться лучше?

— Не понимаю, о чём разговор! — сказал я. — Я уже сам решил учиться лучше, а тут снова-наново разговор завели!

— Решил, так надо учиться! А у тебя какие отметки? — спросил Алик Сорокин.

— Так отметки у меня за прошлое, а решил я только позавчера, — говорю я.

— Эх ты! Будто не мог раньше решить!

— Постойте, ребята, не надо ссориться, — сказала Ольга Николаевна. — Отстающим надо помочь. В вашем звене есть хорошие ученики. Надо выделить кого-нибудь в помощь Косте Шишкину и Вите Малееву.

— Можно мне помогать Малееву? — спросил Ваня Пахомов.

— А я буду помогать Шишкину, — сказал Алик Сорокин. — Можно?

— Конечно, можно, — сказала Ольга Николаевна. — Это очень хорошо, что вы хотите помочь товарищам. Но Витя и Костя сами должны побольше работать. Ты, Витя, наверно, если не можешь решить задачку, так сейчас же спрашиваешь папу или маму?

— Нет, — говорю я. — Я теперь папу никогда не спрашиваю. Зачем я буду отрывать его от работы? Я просто иду к товарищу и спрашиваю.

— Ну, это всё равно. Я хочу сказать, что нужно самому добиваться. Если посидишь над задачей как следует да разберёшься сам, то кое-чему научишься, а если каждый раз за тебя задачи будет кто-нибудь другой делать, то сам их решать ты никогда не научишься. Для того и задают задачи, чтоб ученик приучался самостоятельно думать.

— Хорошо, — говорю я. — Теперь я буду сам.

— Вот-вот, постарайся. Только в крайнем случае, если увидишь, что задачи тебе не осилить, обращайся за помощью к товарищу или ко мне.

— Нет, — говорю я. — Мне кажется, теперь я осилю сам, а уж если никак не осилю, тогда пойду к Ване.

— Если желание будет, то осилишь, — сказала Ольга Николаевна.

Глава девятая

Пришёл я домой и сразу взялся за дело. Такая решимость меня одолела, что я даже сам удивился. Сначала я задумал сделать самые трудные уроки, как Ольга Николаевна нас учила, а потом взяться за то, что полегче. Как раз в этот день была задана задача по арифметике. Недолго думая я раскрыл задачник и принялся читать задачу:

«В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше. Одной бригаде плотников продали половину топоров и три пилы за 84 рубля. Оставшиеся топоры и пилы продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Сначала я совсем ничего не понял и начал читать задачу во второй раз, потом в третий… Постепенно я понял, что тот, кто составляет задачи, нарочно запутывает их, чтоб ученики не могли сразу решить. Написано: «В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше». Ну и написали бы просто, что топоров было 24 штуки. Ведь если пил было 8, а топоров было в три раза больше, то каждому ясно, что топоров было 24. Нечего

тут и огород городить! И ещё: «Одной бригаде плотников продали половину топоров и 3 пилы за 84 рубля». Сказали бы просто: «Продали 12 топоров». Будто не ясно, раз топоров было 24, то половина будет 12. И вот всё это продали, значит, за 84 рубля. Дальше опять говорится, что оставшиеся пилы и топоры продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Какие это оставшиеся? Будто нельзя сказать по-человечески! Если всего было 24 топора, а продали 12, то и осталось, значит, 12. А пил было всего-навсего 8; 3 продали одной бригаде, значит, другой бригаде продали 5. Так бы и написали, а то запутают, запутают, а потом небось говорят, что ребята бестолковые — не умеют задачи решать!

Я переписал задачу по-своему, чтоб она выглядела попроще, и вот что у меня получилось:

«В магазине было 8 пил и 24 топора. Одной бригаде плотников продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой бригаде плотников продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит одна пила и один топор?»

Переписавши задачу, я снова прочитал её и увидел, что она стала немножко короче, но всё-таки я не мог додуматься, как её сделать, потому что цифры путались у меня в голове и мешали

мне думать. Я решил как-нибудь подсократить задачу, чтоб в ней было поменьше цифр. Ведь совершенно не важно, сколько было в магазине этих самых пил и топоров, если в конце концов их все продали. Я сократил задачу, и она получилась вот какая:

«Одной бригаде продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой бригаде продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Задача стала короче, и я стал думать, как бы её ещё сократить. Ведь не важно, кому продали эти пилы и топоры. Важно только, за сколько продали. Я подумал, подумал — и задача получилась такая:

«12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля.

12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей.

Сколько стоит один топор и одна пила?»

Сокращать больше было нельзя, и я стал думать, как решить задачу. Сначала я подумал, что если 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, то надо сложить все топоры и пилы вместе и 84 поделить на то, что получилось. Я сложил 12 топоров и 3 пилы, получилось 15. Тогда я стал делить 84 на 15, но у меня не поделилось, потому что получился остаток. Я понял, что произошла какая-то

ошибка, и стал искать другой выход. Другой выход нашёлся такой: я сложил 12 топоров и 5 пил, получилось 17, и тогда я стал делить 100 на 17, но у меня опять получился остаток. Тогда я сложил все 24 топора между собой и прибавил к ним 8 пил, а рубли тоже сложил между собой и стал делить рубли на топоры с пилами, но деление всё равно не вышло. Тогда я стал отнимать пилы от топоров, а деньги делить на то, что получилось, но всё равно у меня ничего не получилось. Потом я ещё пробовал складывать между собой пилы и топоры по отдельности, а потом отнимать топоры от денег и то, что осталось, делить на пилы, и чего я только не делал, никакого толку не выходило. Тогда я взял задачу и пошёл к Ване Пахомову.

— Слушай, — говорю, — Ваня, 12 топоров и 3 пилы вместе стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил

стоят 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила? Как, по-твоему, нужно сделать эту задачу?

— А как ты думаешь? — спрашивает он.

— Я думаю, нужно сложить 12 топоров и 3 пилы и 84 поделить на 15.

— Постой! Зачем тебе складывать пилы и топоры?

— Ну, я узнаю, сколько было всего, потом 84 разделю на сколько всего и узнаю, сколько стоила одна.

— Что — одна? Одна пила или один топор?

— Пила, — говорю, — или топор.

— Тогда у тебя получится, что они стоили одинаково.

— А они разве не одинаково?

— Конечно, не одинаково. Ведь в задаче не говорится, что они стоили поровну. Наоборот, спрашивается, сколько стоит топор и сколько пила отдельно. Значит, мы не имеем права их складывать.

— Да их, — говорю, — хоть складывай, хоть не складывай, всё равно ничего не выходит.

— Вот поэтому и не выходит.

— Что же делать? — спрашиваю я.

— А ты подумай.

— Да я уже два часа думал!

— Ну, присмотрись к задаче, — говорит Ваня. — Что ты видишь?

— Вижу, — говорю, — что 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей.

— Ну, ты замечаешь, что в первый раз и во второй топоров куплено одинаковое количество, а пил на две больше?

— Замечаю, — говорю я.

— А замечаешь, что во второй раз уплатили на 16 рублей дороже?

— Тоже замечаю. В первый раз уплатили 84 рубля, а во второй раз — 100 рублей, 100 минус 84 будет 16.

— А как ты думаешь, почему во второй раз уплатили на 16 рублей больше?

— Это каждому ясно, — ответил я, — купили 2 лишние пилы, вот и пришлось уплатить лишних 16 рублей.

— Значит, 16 рублей заплатили за две пилы?

— Да, — говорю, — за две.

— Сколько же стоит одна пила?

— Раз две 16, то одна, — говорю, — 8.

— Вот ты и узнал, сколько стоит одна пила.

— Тьфу! — говорю. — Совсем простая задача!

Как это я сам не догадался?!

— Постой, тебе ещё надо узнать, сколько стоит топор.

— Ну, это уж пустяк, — говорю я. — 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля. 3 пилы стоят 24 рубля. 84 минус 24 будет 60. Значит, 12 топоров стоят 60 рублей, а один топор — 60 поделить на 12, будет 5 рублей.

Я пошёл домой, и очень мне было досадно, что я не сделал эту задачу сам.

Но я решил в следующий раз обязательно сам сделать задачу. Хоть пять часов буду сидеть, а сделаю.

На следующий день нам по арифметике ничего не было задано, и я был рад, потому что это не такое уж большое удовольствие задачи решать.

«Ничего, — думаю, — хоть один день отдохну от арифметики».

Но всё вышло совсем не так, как я думал. Только я сел за уроки, вдруг Лика говорит:

— Витя, нам тут задачу задали, я никак не могу решить. Помоги мне.

Я только поглядел на задачу и думаю: «Вот будет история, если я не смогу решить! Сразу весь авторитет пропадёт».

И говорю ей:

— Мне сейчас очень некогда. У меня тут своих уроков полно. Ты поди погуляй часика два, а потом придёшь, я помогу тебе.

Думаю: «Пока она будет гулять, я тут над задачей подумаю, а потом объясню ей».

— Ну, я пойду к подруге, — говорит Лика.

— Иди, иди, — говорю, — только не приходи слишком скоро. Часа два можешь гулять или три. В общем, гуляй сколько хочешь.

Она ушла, а я взял задачник и стал читать задачу: «Мальчик и девочка рвали в лесу орехи. Они сорвали всего 120 штук. Девочка сорвала в два раза меньше мальчика. Сколько орехов было у мальчика и девочки?»

Прочитал я задачу, и даже смех меня разобрал. «Вот так задача! — думаю. — Чего тут не понимать? Ясно, 120 надо поделить на 2, получится 60. Значит, девочка сорвала 60 орехов. Теперь нужно узнать, сколько мальчик: 120 отнять 60, тоже будет 60… Только как же это так? Получается, что они сорвали поровну, а в задаче сказано, что девочка сорвала в два раза меньше орехов. Ага! — думаю. — Значит, 60 надо поделить на 2, получится 30. Значит, мальчик сорвал 60, а девочка 30 орехов». Посмотрел в ответ, а там: мальчик 80, а девочка 40.

— Позвольте! — говорю. — Как же это? У меня получается 30 и 60, а тут 40 и 80.

Стал проверять — всего сорвали 120 орехов. Если мальчик сорвал 60, а девочка 30, то всего получается 90. Значит, неправильно! Снова стал делать задачу. Опять у меня получается 30 и 60! Откуда же в ответе берутся 40 и 80? Прямо заколдованный круг получается!

Вот тут-то я и задумался. Читал задачу раз десять подряд и никак не мог найти, в чём здесь загвоздка.

«Ну, — думаю, — это третьеклассникам задают такие задачи, что и четвероклассник не может решить! Как же они учатся, бедные?»

Стал я думать над этой задачей. Стыдно мне было не решить её. Вот, скажет Лика, в четвёртом классе, а для третьего класса задачу не смог решить! Стал я думать ещё усиленнее. Ничего не выходит. Прямо затмение на меня нашло! Сижу и не знаю, что делать. В задаче говорится, что всего орехов было 120, и вот надо разделить их так, чтоб у одного было в два раза больше, чем у другого. Если б тут были какие-нибудь другие цифры, то ещё можно было бы что-нибудь придумать, а тут сколько ни дели 120 на 2, сколько ни отнимай 2 от 120, сколько ни умножай 120 на 2, всё равно 40

и 80 не получится.

С отчаяния я нарисовал в тетрадке ореховое дерево, а под деревом мальчика и девочку, а на дереве 120 орехов. И вот я рисовал эти орехи, рисовал, а сам всё думал и думал. Только мысли мои куда-то не туда шли, куда надо. Сначала я думал, почему мальчик нарвал вдвое больше, а потом догадался, что мальчик, наверно, на дерево залез, а девочка снизу рвала, вот у неё и получилось меньше. Потом я стал рвать орехи, то есть просто стирал их резинкой с дерева и отдавал мальчику и девочке, то есть пририсовывал орехи у них над головой. Потом я стал думать, что они складывали орехи в карманы. Мальчик был в курточке, я нарисовал ему по бокам два кармана, а девочка была в передничке. Я на этом передничке нарисовал один карман. Тогда я стал думать, что, может быть, девочка нарвала орехов меньше потому, что у неё был только один карман. И вот я сидел и смотрел на них: у мальчика два кармана, у девочки один карман, и у меня в голове стали появляться какие-то проблески. Я стёр орехи у них над головами и нарисовал им карманы, оттопыренные, будто в них лежали орехи. Все 120 орехов теперь лежали у них в трёх карманах: в двух карманах у мальчика и в одном кармане у девочки,

а всего, значит, в трёх. И вдруг у меня в голове, будто молния, блеснула мысль: «Все 120 орехов надо делить на три части! Девочка возьмёт себе одну часть, а две части останутся мальчику, вот и будет у него вдвое больше!» Я быстро поделил 120 на 3, получилось 40. Значит, одна часть 40. Это у девочки было 40 орехов, а у мальчика две части. Значит, 40 помножить на 2, будет 80! Точно как в ответе. Я чуть не подпрыгнул от радости и скорей побежал к Ване Пахомову, чтоб рассказать ему, как я сам додумался решить задачу.

Выбегаю на улицу, смотрю — идёт Шишкин.

— Слушай, — говорю, — Костя, мальчик и девочка рвали в лесу орехи, нарвали 120 штук, мальчик взял себе вдвое больше, чем девочка. Что делать, по-твоему?

— Надавать, — говорит, — ему по шее, чтоб не обижал девочек!

— Да я не про то спрашиваю! Как им разделить, чтоб у него было вдвое?

— Пусть делят, как сами хотят. Чего ты ко мне пристал! Пусть поровну делят.

— Да нельзя поровну. Это задача такая.

— Какая ещё задача?

— Ну, задача по арифметике.

— Тьфу! — говорит Шишкин. — У меня морская

свинка подохла, я её только позавчера купил, а он тут с задачами лезет!

— Ну прости, — говорю, — я не знал, что у тебя такое горе.

И побежал дальше.

Прибегаю к Ване.

— Слушай, — говорю, — вот какая задача мудрёная: мальчик и девочка сорвали 120 орехов. Мальчик взял себе вдвое больше. Надо делить на три части. Правильно я догадался?

— Правильно, — говорит Ваня. — Одну часть возьмёт девочка, две части — мальчик, вот у него и будет вдвое больше.

— Это я сам догадался, — говорю я. — Понимаешь, замудрили задачу, думали, никто не догадается, а я всё-таки догадался.

— Ну молодец!

— Теперь я всегда буду сам задачи решать, — сказал я.

— Постарайся. Самому всегда лучше: больше толку, — говорит Ваня.

Побежал я обратно домой. Вдруг навстречу Юра Касаткин.

— Слушай, Юра, — говорю я. — Один мальчик и одна девочка рвали в лесу орехи…

— Да ну тебя с твоими орехами! Ты лучше ска-

жи, почему ты не занимаешься, а всё по улицам бегаешь?

— Я занимаюсь, честное слово!

— Ты это оставь! Весь класс назад тянешь! Ты и ещё этот твой Шишкин.

— Честное слово, я занимаюсь, а у Шишкина морская свинка сдохла. А ты куда идёшь?

— Я шёл к тебе, хотел посмотреть, как ты занимаешься, а тебя дома нет, вот я и вижу, как ты уроки делаешь.

— Ну честное-пречестное слово, я делал задачу, а она у меня вышла, и я только на минуточку пошёл к Ване, чтоб рассказать. Вот идём ко мне, посмотришь.

Мы пошли ко мне, и я стал показывать ему задачу про мальчика и девочку.

— Да ведь это для третьего класса задача! — говорит Юра.

— А это я нарочно повторяю прошлогодние задачи, — говорю я. — В прошлом году я неважно по арифметике учился, вот и хочу теперь наверстать.

— Это ты хорошо придумал. Будешь знать предыдущее, дальше легче будет учиться.

Юра ушёл. Скоро вернулась Лика, я сейчас же принялся объяснять ей задачу. Нарисовал дерево

с орехами и мальчика с двумя карманами и девочку с одним карманом.

— Вот, — говорит Лика, — как ты хорошо объясняешь! Я сама ни за что не догадалась бы!

— Ну, это пустяковая задача. Когда тебе надо, ты мне говори, я тебе всё объясню в два счёта.

И вот я как-то совсем неожиданно из одного человека превратился в совсем другого. Раньше мне самому помогали, а теперь я сам мог других учить. И главное, у меня ведь по арифметике была двойка!

Глава десятая

На другой день, когда я проснулся, то увидел в окно, что уже наступила зима. На дворе выпал снег. Всё побелело вокруг: и земля и крыши, а деревья стояли как кружевные — все веточки облепило снегом. Я хотел сейчас же пойти покататься на конёчках, которые подарила мне мама, но нужно было идти в школу, а после школы я сначала засел за уроки, а потом стал делать задачи по Ликиному задачнику. Я задумал перерешать все задачи для третьего класса. Там было много простых задач, и я щёлкал их, как будто семечки, но попадались и такие, над которыми приходилось ломать голову. Только это теперь меня не пугало. Я поставил себе за правило не двигаться дальше, пока не решу задачи. Конечно, я в один день не решил все задачи, а сидел над ними недели две или три. На коньках я ходил кататься только по вечерам, когда становилось совсем темно. Зато когда я перерешал все задачи для третьего класса, то я очень поумнел и уже мог без посторонней помощи решать задачи для четвёртого класса, которые задавала нам Ольга

Николаевна. В задачнике для четвёртого класса было много задач, которые были похожи на задачи для третьего класса, только они были сложнее, но теперь я уже умел распутывать сложные задачи. Мне даже интереснее было решать те задачи, которые посложней. Я уже не боялся арифметики, как раньше. С меня как будто свалилась какая-то тяжесть, и жить мне стало легко.

Ольга Николаевна была довольна моими успехами и ставила мне хорошие отметки. Ребята больше не упрекали меня. И мама и папа были рады, что я стал хорошо учиться. Меня приняли в баскетбольную команду, и я через день тренировался с ребятами по два часа. А когда тренировки не было, я катался на коньках, ходил на лыжах, играл с ребятами в хоккей — было что делать.

А Шишкин, вместо того чтобы взяться как следует за учёбу, накупил разных морских свинок, белых крыс, черепах. Одних ежей у него было три штуки! И он с ними по целым дням возился, кормил их, ухаживал за ними, а они у него часто болели и дохли. И ещё он достал где-то Лобзика. Этот Лобзик был обыкновенный бездомный щенок, то есть если сказать по правде, то совсем не щенок, а уже довольно большая собака, но ещё, видно, молодая, не совсем ещё взрослая:

мохнатая такая, чёрного цвета, и уши у неё висели, как лопухи. Он её встретил где-то на улице и поманил за собой, и привёл домой, и выдумал ей имя «Лобзик», хотя Лобзик — это совсем неподходящее для собаки имя, потому что лобзик — это такая маленькая пилочка для выпиливания по дереву. Но Шишкин не знал, что такое лобзик, и вообразил, будто это собачье имя.

Понятно, что со всеми этими делами Шишкину вовсе не до занятий было, и он садился делать уроки после того, как мама раз двадцать напомнит. Вот мать придёт с работы и спросит:

— Ты уроки сделал?

— Нет ещё. Сейчас буду делать.

— Садись сейчас же.

— Сейчас, сейчас, мамочка, вот только покормлю черепаху.

Мать займётся своими делами, а он покормит черепаху, потом вспомнит, что хотел смастерить клетку для морской свинки, и начнёт возиться с клеткой. Через некоторое время мать опять скажет:

— Когда же ты будешь делать уроки?

— Сейчас.

— Когда же «сейчас»? Ты всё время говоришь «сейчас», а сам ни с места.

— Ну сейчас! Надо же клетку сделать.

— Клетку? Да тут тебе на три дня работы! Прекрати это и садись делать уроки.

— Ладно, — с сожалением говорит Шишкин. — Завтра клетку доделаю. Сейчас только принесу ежам водички и буду делать уроки.

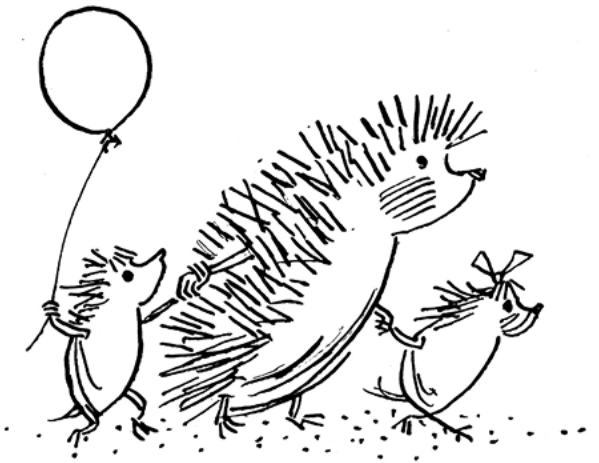
Он берёт кружку и отправляется за водой для ежей. Потом начинает проверять, есть ли вода у других животных. Потом обнаруживается, что один из ежей куда-то исчез, и Шишкин начинает искать его по всему дому. Через полчаса мать опять про уроки спросит.

— Сейчас, — говорит Шишкин. — Вот только найду ежа. Ёж куда-то запропастился.

И так всё время. То одно, то другое, то третье. Если мать уйдёт на занятия, он и не подумает за уроки взяться, а ждёт, когда время придёт уже ложиться спать, тогда он только начинает что-нибудь делать. Конечно, у него всё получалось на скорую руку, кое-как, он ничего не выучивал как следует, но всё-таки умудрялся получать как-то тройки, иногда даже четвёрки. Впрочем, это бывало редко. Больше всего он боялся русского языка и почти всегда выезжал на подсказке. Правда, никакой пользы ему от этой подсказки не было. Когда в классе должны были писать

диктант или сочинение, то Шишкин заранее был уверен, что напишет на двойку, и решил в такие дни совсем не приходить в школу. И вот однажды, когда Ольга Николаевна сказала, что завтра мы будем писать диктант, Шишкин на следующее утро притворился больным и сказал маме, что у него болит голова. Мама разрешила ему не ходить в этот день в школу и сказала, что позовёт врача, как только вернётся с работы. Но, когда она вернулась, Шишкин сказал, что голова у него уже не болит, так что никакого врача не нужно было вызывать. Мама написала в школу записку, что Костя пропустил по болезни, и всё обошлось благополучно. В другой раз, когда мы в классе должны были писать сочинение, Шишкин снова придумал, что у него болит голова, и мама опять разрешила ему не ходить в школу, но, когда она вернулась с работы, ей показалось странным, что Костя и на этот раз быстро выздоровел. Но тогда она ещё ни о чём не догадалась и снова написала в школу записку, что он был болен. Когда же это случилось в третий раз, она стала догадываться, что Костя её обманывает, чтоб не ходить в школу. Костя сначала не признавался, но мама сказала, что сама пойдёт в школу и выяснит, в чём дело. Костя увидел, что мать всё равно своего добьётся,

и во всём ей признался.

Когда мама услышала, что он всё это придумывал для того, чтобы увиливать от занятий, она страшно рассердилась. Это случилось как раз в тот день, когда Шишкин привёл домой Лобзика. Мама всегда сердилась на Костю за то, что он приносит домой разных животных и возится с ними, вместо того чтоб делать уроки. Поэтому Костя заранее спрятал Лобзика в чулане, чтоб мама не заметила его сразу. И вот, как раз когда Костя признался и мама рассердилась, Лобзик

вылез из чулана и пришёл прямо в комнату.

— А это ещё что такое? — закричала мама, увидев Лобзика.

— Это ничего… Это так просто, собака, — пролепетал Шишкин.

— Собака? — закричала мама. — Сейчас же прогони её! Развёл целый зверинец в доме! Только и делаешь, что с разными зверями возишься, заниматься совсем не хочешь! Сейчас же уноси всех зверей отсюда! И крыс, и мышей, и ежей — всех уноси! И собаку эту гони, довольно я с тобой намучилась.

Нечего делать, Костя со слезами на глазах пошёл раздавать своих зверей знакомым ребятам и роздал всех, только одного ежа у него никто не хотел брать. Тогда он пришёл с этим ежом ко мне и рассказал, что у него произошло дома. Я тоже не хотел брать ежа, потому что мыши, которых он нам подарил, расплодились во множестве, и несколько мышей поселилось в комоде, к тому же этот ёж был какой-то вялый, наверно больной. Но Шишкин сказал, что ёж совсем не больной, а находится в оцепенении, так как ежи обычно погружаются на зиму в спячку, и вот этот ёж, значит, тоже уже погружался в спячку. Тогда я согласился взять ежа, а Шишкин сказал, что вес-

ной, когда ёж пробудится от спячки, он заберёт его обратно к себе.

Только Лобзика Костя не хотел никому отдавать и решил спрятать его от мамы на чердаке. Он устроил ему подстилку на дымоходе, а чтоб Лобзик не убежал, привязал его за ошейник верёвкой к стропилу. На чердаке было холодно, но дымоход был тёплый, и Лобзик не очень мёрз, хотя, если сказать по правде, то ему иногда силь-

но доставалось и от жары и от холода в одно и то же время. В сильный мороз дымоход почему-то всегда был очень горячий, поэтому с одной стороны Лобзика пробирал холод, а с другой стороны он поджаривался как будто на сковородке. Костя очень беспокоился, как бы Лобзик не отморозил себе уши или не схватил воспаление лёгких. Он тайком приносил Лобзику на чердак еду и сам пропадал на чердаке всё свободное время, чтобы Лобзику не было скучно. Когда мамы не было дома, он приводил Лобзика домой и играл с ним, а к тому времени, когда мама должна была прийти с работы, уводил его обратно на чердак. Сначала всё шло хорошо, но однажды он забыл увести Лобзика из дому вовремя, или, может быть, мама вернулась с работы раньше обычного, не знаю точно, только Шишкин, как говорится, попался на месте преступления. Мама увидела Лобзика.

— Опять эта собака здесь! — закричала она. — Так вот почему у тебя не хватает времени заниматься! Я ведь тебе велела прогнать её, а ты снова привёл!

Тут Шишкин признался, что не послушался маму и Лобзик всё это время жил у него на чердаке, а он заботился о нём и кормил его, потому что он его очень любит и не может выгнать его на мороз,

так как Лобзик совсем одинокий, бездомный пёс.

— Если бы ты стал делать уроки исправнее, я разрешила бы тебе оставить Лобзика. Но ты ведь ничего слушать не хочешь! — сказала мама.

— Как же я могу делать уроки? — ответил Шишкин. — Я вот сяду заниматься, а сам думаю, как там Лобзик на чердаке сидит. Ему небось одному скучно. Вот мне и не лезут уроки в голову.

Тогда мама сжалилась над ним и сказала:

— Если обещаешь выполнять аккуратно все уроки днём после школы, то, так и быть, разрешу оставить тебе эту собаку.

Костя сказал, что обещает.

— Посмотрим, как ты сдержишь своё обещание, — сказала мама. — Я теперь буду проверять тебя ежедневно после работы.

Обо всём этом мне рассказал Костя, когда мы возвращались на другой день из школы.

— Зайдём ко мне, посмотришь, как я буду дрессировать Лобзика, — предложил Костя. — Увидишь, какой это умный пёс. Он уже умеет палку в зубах держать.

— По-моему, для того чтоб держать палку в зубах, большого ума не надо, — ответил я.

— Смотря для кого, — говорит Шишкин. — Тебе, конечно, для того чтоб держать палку в зубах,

совсем не надо ума, а Лобзику надо.

Пришли мы к нему. Шишкин достал из буфета сахарницу и позвал Лобзика. Лобзик увидел сахарницу, подскочил и весело замахал хвостом. Видно было, что этот предмет ему уже хорошо знаком. Костя сунул ему под нос палку и сказал:

— Вот подержи палку, получишь сахару.

Лобзик отвернулся от палки и покосился на сахарницу.

— Да ты не смотри на сахарницу, держи, говорят тебе, палку! — прикрикнул Костя.

Лобзик всё-таки не хотел брать палку. Тогда Костя насильно раскрыл ему пасть и сунул в неё палку, но, как только он отпустил руки, Лобзик разжал зубы и палка упала на пол.

— Ну вот, уже забыл, чему я его вчера учил! — проворчал Костя. — Придётся теперь повторять всё сначала.

Он снова сунул палку в пасть Лобзику, а мне велел держать Лобзика за нос так, чтоб он не мог раскрыть рот. Таким образом Лобзик подержал во рту некоторое время палку, и мы дали ему за это кусок сахару. Это упражнение мы проделали несколько раз. Лобзик постепенно понял, что после того, как он подержит в зубах палку, ему дадут сахар, и стал держать палку в зубах сам,

без посторонней помощи. Правда, он норовил поскорей бросить палку и получить сахар, но тогда Костя не давал ему сахару и снова заставлял держать палку.

Домой в этот день я вернулся поздно и увидел, что нарушил весь свой режим. Я решил, что летом, когда наступят каникулы, тоже заведу себе собаку и займусь дрессировкой, а сейчас, пока идут занятия, этого делать не стоит, так как дрессировка отнимает очень много времени. Я только начал учиться по арифметике как следует и вдруг опять стану получать двойки. В первую очередь нужно самому учиться, а потом уже можно учить собак.

А Шишкин всё свободное время возился с Лобзиком и выучил его не только держать палку в зубах, но и таскать её за собой. Правда, всё это Лобзик делал не даром, а за сахар, но трудился очень усердно. За какой-нибудь маленький кусочек сахару он мог тащить палку или даже целое полено, как отсюда до Вокзального переулка.

Шишкин говорил, что выучит Лобзика не только этому, но и многому другому, только больше пока ничему не научил, потому что ему надоело, и вообще он долго не любил заниматься одним делом, а перескакивал с одного на другое и ничего

не доводил до конца.

Глава одиннадцатая

Мы давно уже собирались пойти всем классом в цирк. Володя сказал, что купит на всех билеты, и мы с нетерпением ждали этого дня. Мы уже несколько раз ходили всем классом в кино, но в цирке ещё ни разу не были. Я лично давно в цирке не был, а Шишкин был так давно, что совсем почти ничего не помнил. Помнил только, что там были какие-то звери, не то львы, не то тигры, или, может быть, лошади, и больше ничего не помнил. Он тогда был ещё совсем маленьким. Особенно нам хотелось посмотреть мотоциклиста, который ездил внутри шара из металлических прутьев. Мы давно уже видели расклеенные по городу афиши и слышали рассказы от тех, кто видел этого мотоциклиста. В огромный шар, сделанный из крепких металлических прутьев, влезает мотоциклист и начинает ездить внутри этого шара на мотоцикле. И вот нижняя половина шара отделяется от верхней и опускается вниз. Мотоциклист остаётся в верхней половине шара и продолжает ездить. Самое удивительное было то, что мотоциклист не вываливался из этой половины

шара, хотя она и висела вверх дном. Говорили, будто, когда мотоциклист мчится внутри шара с огромной скоростью, получается какая-то центробежная сила, которая прижимает мотоцикл к шару и не позволяет ему упасть вниз. Но, если скорость мотоцикла уменьшится, центробежная сила пропадёт — и мотоцикл упадёт вниз.

Некоторые ребята говорили, что всех не возьмут в цирк, потому что Володя не сможет достать на всех билеты, а возьмут только круглых отличников. Другие говорили, что возьмут всех, только Шишкина не возьмут. Третьи говорили, что совсем никого не возьмут, потому что билеты, наверно, давно уже проданы.

Наконец билеты были куплены, и мы все пошли в цирк, даже Шишкин пошёл. Явились мы задолго до начала представления, но это ничего: лучше прийти немножко раньше, чем опоздать, потому что тебя тогда совсем не пустят. Мы уселись на свои места и принялись рассматривать арену, покрытую огромным ковром. Над нашими головами были протянуты какие-то канаты. Вверху, под куполом цирка, висели трапеции, кольца, верёвочные лестницы и другие разные приспособления. Огромное здание цирка постепенно наполнялось народом, так что наконец мне даже

стало казаться, что весь город собрался здесь. Я решил сосчитать, сколько в цирке народу, досчитал до двухсот тридцати, сбился и начал сначала. В это время зажглись десятки огромных ламп, и в цирке стало светло как днём. Всё как будто ожило, стало нарядным и праздничным. Огромная толпа зрителей запестрела разноцветными красками. Я думал, что до начала представления ещё далеко, и принялся разглядывать публику, но тут торжественно зазвенели литавры, посыпалась звонкая барабанная дробь, запиликали скрипки, закрякали трубы, и… вдруг на арену выбежало множество акробатов. Они принялись прыгать и кувыркаться, подкидывать друг друга руками и ловить за ноги и ходить колесом. И так у них всё ловко получалось, что каждому, кто сидел в цирке, тоже хотелось выскочить на арену и начать кувыркаться вместе с акробатами. Я тоже уже вскочил, чтоб бежать на арену, но меня удержала Ольга Николаевна и сказала, чтоб я сел, потому что мешаю другим смотреть. Я увидел, что никто не бежит на арену, и сел на место. Но всё-таки я не мог усидеть спокойно, глядя на этих прыгунов-акробатов. Я готов был смотреть на них хоть весь вечер, но они скоро убежали, а вместо них стал выступать артист с дрессированными

медведями. И вот какие ловкие оказались мишки! Они ходили по канату, качались на качелях, катались на бочках: бочка катится, мишка стоит на ней и перебирает лапами. А два медведя даже на велосипедах катались.

После медведей выступали эквилибристы. Они легли на землю, ноги подняли кверху и стали подбрасывать ногами какие-то разноцветные деревянные тумбы. Они крутили их, вертели, перебрасывали ногами друг другу. Иной человек руками того не сделает, что они вытворяли ногами.

Потом выступали дрессированные собачки. Они прыгали, кувыркались, ходили на задних лапках, возили друг дружку в колясочках, играли в футбол. А одна собака была такая храбрая! Её подняли вверх, под самый купол цирка, и она прыгнула оттуда с парашютом. Потом дрессировщица сказала, что покажет собаку, которая умеет считать. И вот принесли стул, посадили на него маленькую чёрненькую собачку. Дрессировщица поставила перед ней три деревянные чурки и велела считать. Мы думали, как же собака будет считать — ведь не может же она разговаривать. Но собака стала лаять и пролаяла ровно три раза. Публика обрадовалась и стала хлопать в ладо-

ши. Дрессировщица похвалила собаку, дала ей кусочек сахару, потом поставила перед ней пять чурок и снова сказала:

— Считай!

Собака пролаяла пять раз.

Потом дрессировщица стала показывать ей цифры, написанные на картонных табличках. Собака каждый раз отвечала правильно.

Потом дрессировщица стала спрашивать:

— Сколько будет дважды два?

Собака пролаяла четыре раза.

— Сколько будет три плюс четыре?

Собака пролаяла семь раз.

— Сколько будет десять отнять четыре?

Собака пролаяла шесть раз.

Мы сидели и удивлялись: даже складывать и вычитать собака умела!

Ещё выступали жонглёры. Они жонглировали тарелками и другими разными вещами, то есть подбрасывали их и ловили руками. Один подбрасывал сразу четыре тарелки, и другой — четыре тарелки. Потом стали швырять эти тарелки друг другу. И так это ловко у них получалось! Первый бросает второму, а второй в это же время первому, так что тарелки всё время летят от одного к другому. И ни одной тарелки не разбили!

И ещё там в цирке был клоун в голубых брюках, рыжем пиджаке и зелёной шляпе, и нос у него был красный-прекрасный. Он вовсе не был артистом, но делал то же, что и артисты, только гораздо хуже. После жонглёров он тоже вышел, принёс три полена и стал ими жонглировать. Но кончилось это плохо: он треснул сам себя поленом по голове и ушёл. После медведей, которые катались на велосипедах, он тоже выехал на велосипеде, но тут же наехал на барьер, и весь его велосипед рассыпался на кусочки. А когда выступали наездники на лошадях, он стал просить, чтоб ему дали лошадь. Только он боялся свалиться с неё и попросил, чтоб его привязали канатом. И вот сверху спустили канат и привязали его позади за пояс. Тогда он стал взбираться на лошадь по хвосту, но лошадь брыкалась. Он хотел побежать за лестницей, чтоб взобраться на лошадь по лестнице, но не смог, так как был сзади канатом привязан. Тогда он стал просить наездника, чтоб он подсадил его на лошадь. Наездник стал подсаживать его, но он никак не мог вскарабкаться.

— Ну садись же! Садись на лошадь! — кричал наездник и изо всех сил толкал его снизу, а он, вместо того чтоб сесть на лошадь, как-то умуд-

рился сесть на наездника.

И вот наездник бегает по всему цирку, а этот чудак в рыжем пиджаке на нём верхом сидит. Наездник кричит:

— Я ведь тебе говорил — садись на лошадь, а ты куда сел? Ты мне на шею сел!

Наконец его сняли с наездника и посадили на лошадь. Лошадь поскакала, а он свалился с неё, но не упал на землю, а принялся летать по цирку, расставив руки и ноги, потому что был сверху к канату привязан. Словом, это был такой человек: он всё пытался делать, но ничего у него не выходило. Он только людей даром смешил. Умора!

Самым последним номером был «Шар смелости».

Во время перерыва мы никуда не ходили, а сидели на своих местах и видели все приготовления. Сначала внизу собрали из отдельных частей верхнюю половину шара. Она была такая громадная, что под ней свободно могло бы поместиться человек двадцать и ещё, наверно, место осталось бы. Потом верхнюю половину шара подняли кверху, под купол цирка, а внизу собрали такую же огромную нижнюю половину шара. В неё положили два мотоцикла и два велосипеда и всё это подняли вверх, где нижняя половина

соединилась с верхней. Внизу шара имелся люк, и из люка вниз спускалась верёвочная лестница.

Перерыв кончился. Публика снова уселась на свои места. Снова зажёгся яркий свет, и на арену вышли мотоциклисты. Они были одеты в голубые комбинезоны, на головах у них были надеты круглые шлемы, как у лётчиков. Их было трое: двое мужчин и одна женщина. Они остановились у края арены, и публика приветствовала их громкими аплодисментами. Заиграла музыка, и вот они, гордые и смелые, с высоко поднятыми головами, стали подниматься по лестнице вверх. Один за другим они пролезли в люк и очутились внутри шара. Потом они закрыли люк изнутри крышкой и стали ездить внутри шара на велосипедах.

Пока велосипед ездил с небольшой скоростью, он описывал небольшие круги внизу шара, но как только скорость становилась больше, он взбирался всё выше и выше, и велосипедисты вместе с велосипедом держались наклонно, так что непонятно было, почему они не падают. Они ездили по одному и по двое, и женщина ездила не хуже мужчин.

Потом один мотоциклист завёл мотоцикл. Раздался грохот, будто пулемётная пальба. Мо-

тоциклист понёсся внутри шара с огромной скоростью. Он пролетал со своим мотоциклом то внизу, то вверху, причём мотоцикл становился почти вверх ногами, и мы всё время боялись, что мотоциклист вывалится из своего сиденья, но он не вывалился.

Другой мотоциклист тоже завёл свой мотоцикл и помчался вдогонку за первым мотоциклистом. Шум, грохот, пальба! Второй мотоциклист опустился на дно шара и остановился, а первый мотоциклист продолжал ездить в верхней половине шара.

И вот нижняя половина шара отделилась и стала медленно опускаться вниз, а мотоциклист так и остался ездить вверху. Когда нижняя половина шара опустилась на землю, мотоциклист и девушка вылезли из неё, а первый мотоциклист всё ездил и ездил в верхней половине шара. Если бы он остановился, центробежная сила пропала бы — и он упал бы вниз. Теперь для него единственным спасением было всё мчаться и мчаться с прежней скоростью. Затаив дыхание мы смотрели на него. Вдруг я подумал: «А что, если мотор испортится или остановится хотя бы на минуту? Скорость сейчас же уменьшится, и мотоцикл со страшной силой вылетит из шара и

полетит вниз».

По временам мне казалось, что мотор начинает делать перебои, но всё обошлось благополучно.

Нижнюю половину шара снова подняли вверх. Мотоциклист замедлил скорость и стал кружиться в нижней половине шара. Круги становились всё меньше и меньше. Наконец он остановился, вылез из люка и стал спускаться по лестнице вниз. Тысячи зрителей приветствовали его аплодисментами.

На этом представление кончилось, и было так жалко уходить из цирка, так жалко, что и сказать нельзя. Я решил: когда вырасту, буду каждый день ходить в цирк. Ну если не каждый день, то хотя бы раз в неделю. Мне это никогда не надоест!

Глава двенадцатая

На другой день я зашёл к Шишкину, чтоб узнать, чем кормить ежа, потому что ёж раздумал погружаться в спячку. Ночью он проснулся и принялся бродить по комнате, шуршал какими-то бумажками и никому не давал спать. Когда я пришёл, то увидел, что Шишкин лежит на полу посреди комнаты, ноги задрал кверху, а в руках у него чемодан.

— Ты чего на полу валяешься? — спрашиваю я.

— Это я решил сделаться эквилибристом, — говорит он. — Сейчас буду вертеть чемодан ногами.

Он поднял чемодан руками и старался подхватить его ногами, но это ему никак не удавалось.

— Мне бы, — говорит, — его только ногами подхватить. Ну-ка помоги, возьми чемодан и положи мне на ноги.

Я взял чемодан и положил ему на ноги. Некоторое время он держал его на вытянутых ногах, потом стал потихоньку поворачивать, но тут чемодан соскользнул и полетел на пол.

— Нет, — сказал Шишкин, — так ничего не

выйдет. Надо разуться, а то ботинки слишком скользкие.

Он снял ботинки, снова лёг на спину и поднял ноги кверху. Я опять положил ему чемодан на ноги.

— Вот теперь, — сказал Костя, — совсем другое дело!

Он опять стал пытаться повернуть его ногами, но тут чемодан снова полетел вниз и больно стукнул его по животу. Шишкин схватился за живот и заохал.

— Ох, ох! — говорит. — Так и убиться можно! Этот чемодан слишком тяжёлый. Лучше я что-нибудь другое буду вертеть, полегче.

Стали мы искать что-нибудь другое, полегче. Ничего не нашли. Тогда он снял с дивана подушку, свернул её, как будто трубку, и обвязал потуже верёвкой, словно любительскую колбасу.

— Ну вот, — говорит, — подушка мягкая, если и упадёт, то не ударит больно.

Он снова лёг на пол, и я положил ему эту «колбасу» на ноги. Он опять попробовал её вертеть, но у него всё равно ничего не вышло.

— Нет, — сказал он, — лучше я сначала буду учиться ловить её ногами, как этот эквилибрист в цирке. Ты бросай её издали, а я буду подхваты-

вать на ноги.

Я взял подушку, отошёл в сторону — и как брошу! Подушка полетела, но не попала ему на ноги, а попала по голове.

— Ах ты, растяпа! — закричал Шишкин. — Не видишь, куда бросаешь? На ноги надо бросать!

Тогда я взял подушку и бросил ему на ноги. Костя задрыгал ногами, но всё-таки не смог её удержать. Так я бросал подушку раз двадцать, и ему удалось один раз её подхватить ногами и удержать.

— Видал? — закричал он. — Прямо как у настоящего циркача получилось!

Я тоже решил попробовать, лёг на спину и стал ловить подушку ногами. Только мне ни разу не удалось её поймать. Наконец я выбился из сил. Спина у меня болела, будто на мне кто-нибудь верхом ездил.

— Ну ладно, — говорит Шишкин, — на сегодня упражнений с подушкой довольно. Давай упражняться со стулом.

Он сел на стул и стал постепенно наклонять его назад, чтоб он стоял только на двух задних ножках. Вот он наклонял его, наклонял, наконец стул опрокинулся, Шишкин полетел на пол и больно ушибся. Тогда я стал пробовать, не получится ли

что-нибудь у меня. Но у меня получилось то же самое. Я полетел вместе со стулом на пол и набил на затылке шишку.

— Нам ещё, видно, рано такие упражнения делать, — сказал Костя. — Давай лучше учиться жонглировать.

— Чем же мы будем жонглировать?

— А тарелками, как жонглёры в цирке.

Он полез в шкаф и достал две тарелки.

— Вот, — говорит, — ты бросай мне, а я тебе. Как только я брошу свою тарелку, ты сейчас же бросай свою мне, а мою лови, а я твою буду ловить.

— Постой, — говорю, — мы ведь сразу разобьём тарелки, и ничего не выйдет.

— Это правда, — говорит он. — Давай вот что: будем сначала одной тарелкой жонглировать. Когда научимся как следует одну ловить, начнём двумя, потом тремя, потом четырьмя, и так у нас пойдёт, как у настоящих жонглёров.

Мы стали швырять одну тарелку и сейчас же её разбили. Потом взяли другую и тоже разбили.

— Нет, это не годится, — сказал Шишкин. — Так мы перебьём всю посуду, и ничего не выйдет. Надо достать что-нибудь железное.

Он разыскал на кухне небольшой эмалированный тазик. Мы стали жонглировать этим тазиком, но нечаянно попали в окно. Ещё хорошо, что мы совсем не высадили стекло — на нём только получилась трещина.

— Вот так неприятность! — говорит Костя. — Надо что-нибудь придумать.

— Может быть, заклеить трещину бумагой? — предложил я.

— Нет, так ещё хуже будет. Давай вот что: вынем в коридоре стекло и вставим сюда, а это стекло вставим в коридоре. Там никто не заметит, что оно с трещиной.

Мы отковыряли от окна замазку и стали вытаскивать стекло с трещиной.

Трещина увеличилась, и стекло распалось на две части.

— Ничего, — говорит Шишкин. — В коридоре может быть стекло из двух половинок.

Потом мы пошли и вынули стекло из окна в коридоре, но это стекло оказалось немного больше и не влезало в оконную раму в комнате.

— Надо его подрезать, — сказал Шишкин. — Не знаешь, у кого-нибудь из ребят есть алмаз?

Я говорю:

— У Васи Ерохина есть, кажется.

Пошли мы к Васе Ерохину, взяли у него алмаз, вернулись обратно и стали искать стекло, но его нигде не было.

— Ну вот, — ворчал Шишкин, — теперь стекло потерялось!

Тут он наступил на стекло, которое лежало на полу. Стекло так и затрещало.

— Это какой же дурак стекло положил на пол? — закричал Шишкин.

— Кто же его положил? Ты же и положил, — говорю я.

— А разве не ты?

— Нет, — говорю, — я к нему и не прикасался. Не нужно тебе было его на пол класть, потому что на полу оно не видно и на него легко наступить.

— Чего ж ты мне этого не сказал сразу?

— Я и не сообразил тогда.

— Вот из-за твоей несообразительности мне теперь от мамы нагоняй будет! Что теперь делать? Стекло разбилось на пять кусков. Лучше мы его склеим и вставим обратно в коридор, а сюда вставим то, что было, — всё-таки меньше кусков получится.

Мы начали вставлять стекло из кусков в коридоре, но куски не держались. Мы пробовали их склеивать, но было холодно, и клей не застывал. Тогда мы бросили это и стали вставлять стекло в комнате из двух кусков, но Шишкин уронил один кусок на пол, и он разбился вдребезги. Как раз в это время вернулась с работы мать. Шишкин стал ей рассказывать, что тут у нас случилось.

— Ты прямо хуже маленького! — сказала мать. — Тебя страшно одного оставлять дома! Того и гляди, чего-нибудь натворишь!

— Я вставлю, вот увидишь, — говорит Шишкин. — Я всё из кусочков сделаю.

— Ещё чего не хватало! Из кусочков! Придётся позвать стекольщика. А это ещё что за осколки?

— Я тарелку разбил, — ответил Шишкин.

— О-о-о! — только сказала мама.

Она закрыла глаза и приложила обе руки к вискам, будто у неё заболела вдруг голова.

— Убери это сейчас же — и марш заниматься! Уроки небось и не думал учить! — строго сказала она.

Мы с Костей собрали с полу осколки и отнесли их в мусорный ящик.

— У тебя мама всё-таки добрая, — сказал я Косте. — Если бы я такого натворил дома, то разговору было бы на целый день.

— Не беспокойся, ещё разговор будет. Вот подожди, скоро придёт тётя Зина, она мне намылит голову. Ещё и тебе попадёт.

Я не стал дожидаться прихода тёти Зины и поскорее ушёл домой.

На другой день я встретил Шишкина на улице утром, и он сказал, что не пойдёт в школу, а

пойдёт в амбулаторию, потому что ему кажется, будто он болен. Я пошёл в школу, и, когда Ольга Николаевна спросила, почему нет Шишкина, я сказал, что он сегодня, наверно, не придёт, так как я его встретил на улице и он сказал, что идёт в амбулаторию.

— Проведай его после школы, — сказала Ольга Николаевна.

В этот день у нас был диктант. После школы я сделал сначала уроки, а потом пошёл к Шишкину. Его мама уже вернулась с работы. Шишкин увидел меня и стал делать какие-то знаки: прижимать палец к губам, мотать головой. Я понял, что мне нужно о чём-то молчать, и вышел с ним в коридор.

— Ты не говори маме, что я не был сегодня в школе, — сказал он.

— А почему ты не был? Что тебе в амбулатории сказали?

— Ничего не сказали.

— Почему?

— Да там врач какой-то бездушный. Я ему говорю, что я болен, а он говорит: «Нет, ты здоров». Я говорю: «Я сегодня так чихал, что у меня чуть голова не оторвалась», а он говорит: «Почихаешь и перестанешь».

— А может, ты и на самом деле не был болен?

— Да, ну конечно, не был.

— Зачем же в амбулаторию пошёл?

— Ну, я утром сказал маме, что болен, а она говорит: «Если болен, то иди в амбулаторию, а я больше не буду тебе в школу записок писать, ты и так много пропустил».

— Зачем же ты сказал маме, что болен, если вовсе не болен?

— Ну как ты не понимаешь? Ведь Ольга Николаевна сказала, что сегодня будет диктант. Чего же я пойду? Очень мне интересно опять получить двойку!

— Что же ты теперь будешь делать? Ведь завтра Ольга Николаевна спросит, почему ты не пришёл в школу.

— Не знаю, что и делать! Я, наверно, и завтра не пойду в школу, а если Ольга Николаевна спросит, то скажи, что я заболел.

— Слушай, — говорю я, — это ведь глупо. Лучше ты признайся маме и попроси, чтоб она написала записку.

— Ну уж не знаю... Мама сказала, что больше не будет писать никаких записок, чтоб я не приучался прогуливать.

— Что же, — говорю я, — если такой случай вы-

шел. Ты и завтра не пойдёшь и послезавтра — что же это получится? Скажи маме, она поймёт.

— Ну ладно, я скажу, если смелости хватит.

На следующий день Шишкин снова не пришёл в школу, и я понял, что у него не хватило смелости признаться маме. Ольга Николаевна спросила меня о Шишкине, я сказал, что он болен, а когда она спросила, чем он болен, я придумал, что у него грипп.

Вот как по милости Шишкина я сделался обманщиком. Но не мог же я наябедничать на него, если он просил никому не говорить!

Глава тринадцатая

После занятий я зашёл к Шишкину и рассказал, что мне пришлось из-за него Ольге Николаевне соврать, а он стал рассказывать, как бродил целое утро по городу, вместо того чтоб пойти в школу, потому что побоялся признаться маме, а без записки тоже не мог явиться в школу.

— Что же ты будешь делать? — спрашиваю я. — Ты и сегодня не скажешь маме?

— Не знаю. Я вот что думаю: лучше я в цирк поступлю.

— Как — в цирк? — удивился я.

— Ну, поступлю в цирк и буду артистом.

— Что же ты будешь делать в цирке?

— Ну что... Что и все артисты делают. Выучу Лобзика считать и буду с ним выступать, как та артистка.

— А вдруг тебя не возьмут?

— Возьмут.

— А как же со школой?

— А в школу совсем не буду ходить. Только ты, пожалуйста, не выдавай меня Ольге Николаевне, будь другом!

— Так мама ведь всё равно в конце концов узнает, что ты в школу не ходишь.

— Ну, пока она не узнает, а потом, когда я поступлю в цирк, я сам ей скажу, и всё в порядке будет.

— А вдруг тебе не удастся выучить Лобзика?

— Удастся. Почему не удастся? Вот мы сейчас попробуем. Лобзик! — закричал он.

Лобзик подбежал и принялся юлить вокруг.

Шишкин достал из буфета сахарницу и сказал:

— Сейчас, Лобзик, ты будешь учиться считать. Если будешь считать хорошо, получишь сахар. Будешь плохо считать — ничего не получишь.

Лобзик увидел сахарницу и облизнулся.

— Погоди облизываться. Облизываться будешь потом.

Шишкин вынул из сахарницы десять кусков сахару и сказал:

— Будешь сначала учиться считать до десяти, а потом и дальше пойдём. Вот у меня десять кусков сахару. Смотри, я буду считать, а ты постарайся запомнить.

Он начал выкладывать перед Лобзиком на табурет куски сахару и громко считать: «Один, два, три…» И так до десяти.

— Вот видишь, всего десять кусков. Понял?

Лобзик завилял хвостом и потянулся к сахару.

Костя щёлкнул его по носу и сказал:

— Научись сначала считать, а потом тянись к сахару!

Я говорю:

— Как же он может научиться сразу до десяти? Этому и ребят не сразу учат.

— Тогда, может, научить его сначала до пяти или до трёх?

— Конечно, — говорю, — до трёх ему будет легче.

— Ну, давай тогда сначала до двух, — говорит Костя. — Ему тогда совсем легко будет.

Он убрал со скамейки весь сахар и оставил только два кусочка.

— Смотри, Лобзик, сейчас здесь только два куска — один, два, вот видишь? Если я заберу один, то останется один. Если положу обратно, то опять будет два. Ну, отвечай, сколько здесь сахару?

Лобзик привстал, помахал хвостом, потом сел на задние лапы и облизнулся.

— Как же ты хочешь, чтоб он ответил? — сказал я. — Кажется, он у нас ещё не выучился говорить по-человечески.

— Зачем по-человечески? Пусть говорит по-собачьи, как та собака в цирке. Гау! Гау! Понимаешь,

Лобзик, «гау-гау» — значит «два». Ну, говори «гау-гау»!

Лобзик молча поглядывал то на меня, то на Шишкина.

— Ну, чего же ты молчишь? — сказал Шишкин. — Может быть, не хочешь сахару?

Вместо ответа Лобзик снова потянулся к сахару.

— Нельзя! — закричал Шишкин строго.

Лобзик в испуге попятился и принялся молча облизываться.

— Ну, говори «гау-гау»! Говори «гау-гау»! — приставали мы к нему оба.

— Не понимает! — воскликнул с досадой Шишкин. — Надо его как-нибудь раззадорить. Слушай, сейчас я буду дрессировать тебя, а он пусть смотрит и учится.

— Как это ты будешь дрессировать меня? — удивился я.

— Очень просто. Ты становись на четвереньки и лай по-собачьи. Он посмотрит на тебя и выучится.

Я опустился рядом с Лобзиком на четвереньки.

— Ну-ка отвечай: сколько здесь сахару? — спросил меня Шишкин.

— Гау! Гау! — ответил я громко.

— Молодец! — похвалил меня Шишкин и сунул мне в рот кусок сахару.

Я принялся грызть сахар и нарочно громко хрустел, чтоб Лобзику стало завидно. А Лобзик с завистью смотрел на меня, и у него даже потекли слюнки.

— Ну, смотри, Лобзик, теперь здесь остался один кусок сахару. Гау — один. Понимаешь? Ну, отвечай: сколько здесь сахару?

Лобзик нетерпеливо фыркнул, зажмурился и стал стучать по полу хвостом.

— Ну, отвечай, отвечай! — твердил Шишкин.

Но Лобзик никак не мог догадаться, что ему нужно лаять.

— Эх ты, бестолковый! — сказал ему Шишкин и снова обратился ко мне: — Ну, отвечай ты!

— Гау! — закричал я, и опять кусок сахару очутился у меня во рту.

Лобзик только облизнулся и фыркнул.

— Сейчас мы его раззадорим, — сказал Шишкин.

Он снова положил на табурет кусок сахару и сказал:

— Вот, кто первый ответит, тот и получит сахар. Ну, считайте.

— Гау! — закричал я.

— Вот молодец! — похвалил Шишкин. — А ты остолоп!

Он взял кусок сахару, медленно поднёс к носу Лобзика, пронёс мимо и сунул мне в рот. Я опять громко зачавкал и захрустел сахаром. Лобзик облизнулся, чихнул и смущённо затряс головой.

— Ага, завидно стало! — обрадовался Шишкин. — Кто лает, тот и сахар получает, а кто не лает, тот сидит без сахару.

Он снова положил перед Лобзиком кусок сахару и сказал:

— Считай теперь ты.

Лобзик облизнулся, затряс головой, встал, потом сел, фыркнул.

— Ну, считай, считай, иначе не получишь сахару!

Лобзик как-то напрягся, подался назад и вдруг как залает.

— Понял! — закричал Шишкин и бросил ему кусок сахару.

Лобзик на лету подхватил сахар и проглотил в два счёта.

— Ну-ка считай ещё раз! — закричал Шишкин.

— Гаф! — ответил Лобзик.

И снова кусок сахару полетел ему в рот.

— Ну-ка ещё разочек!

— Гаф!

— Понял! — обрадовался Шишкин. — Теперь у нас пойдёт наука.

В это время вернулась мать Шишкина.

— Почему сахарница на столе? — спросила она.

— Это я взял немного сахару, чтоб выучить считать Лобзика.

— Ещё что выдумал!

— Да ты только послушай, как он умеет считать.

Шишкин положил перед Лобзиком кусок сахару и сказал:

— Ну-ка скажи, Лобзик, маме: сколько здесь кусков сахару?

— Гаф! — ответил Лобзик.

— Слыхала?! — захлопал в ладоши Шишкин.

— И это всё? — удивилась мать.

— Всё, — сказал Шишкин.

— Не многому же он у вас научился!

— А что ты хочешь? Ведь Лобзик — не человек. Сейчас он научился до одного считать, потом мы научим его до двух, потом — до трёх, а там, глядишь, он и все цифры выучит.

— Глядишь, придётся мне от тебя сахарницу прятать, — сказала мама.

— Я ведь не для себя беру, — обиделся Шишкин. — Я для науки.

— «Для науки»! — усмехнулась мама. — А свои уроки ты сделал?

— Нет ещё, сейчас буду делать.

— Ты ведь обещал, что к моему приходу у тебя всегда будут уроки сделаны.

— Будут, будут! Это я только сегодня забыл из-за Лобзика.

— Ну, смотри же! Если не будешь уроки делать вовремя, то не разрешу тебе брать сахар и сахарницу спрячу.

Мы с Костей засели делать уроки вместе, потому что он ведь даже не знал, что задано, а на другой день принялись продолжать обучение Лобзика.

— Надо учить его не только сахар считать, а чтоб он понимал цифры, — сказал Костя.

Мы взяли кусочек картона, написали на нём цифру «один» и показали Лобзику.

— Вот это, Лобзик, цифра «один». Всё равно, что один кусок сахару, — сказал Шишкин. — Ну, говори: какая эта цифра?

— Гаф! — ответил Лобзик.

— Молодец! Это он сразу понял, — обрадовался Шишкин. — Теперь перейдём к цифре «два».

Он положил перед Лобзиком два куска сахару и сказал:

— Считай!

— Гаф! — ответил Лобзик.

— Неправильно! Ты говоришь — один, а тут два. Что нужно ответить?

— Гаф! — снова ответил Лобзик.

— «Гаф»! — передразнил его Костя. — Где же тут «гаф», когда здесь «гаф-гаф»? У тебя на плечах что: голова или кочан капусты?

— Гаф! — ответил Лобзик.

— Затвердила сорока Якова одно про всякого! Где ты тут видишь один? — закричал Шишкин.

Лобзик в испуге даже попятился.

— Ты не кричи, — говорю я. — С собакой надо вежливо обращаться, потому что она будет бояться и ничему не научится.

Шишкин снова принялся объяснять Лобзику, что один — это один, а два — это два.

— Ну, считай! — приказал он ему.

— Гаф! — снова тявкнул Лобзик.

— Ещё раз! Ещё! — подсказал я.

Лобзик покосился на меня. Я закивал головой и заморгал глазами. Тогда он несмело тявкнул ещё.

— Вот теперь — два! — обрадовался Шишкин и

бросил ему кусок сахару. — Ну-ка считай ещё.

Лобзик снова пролаял один раз.

— Ещё раз! Ещё! — зашептал я снова.

— А ты не подсказывай ему! — говорит Шишкин. — Он сам должен знать. Отвечай, Лобзик!

Лобзик пролаял ещё раз.

— Правильно! — сказал Шишкин. — Только ты должен лаять два раза подряд.

Он снова заставил его считать. Лобзик и на этот раз пролаял раз, а потом увидел, что мы от него ещё чего-то ждём, и пролаял второй раз. Постепенно мы добились, что он лаял два раза подряд, и перешли к цифре «три». Занятия пошли так успешно, что в этот день мы выучили все цифры до десяти, но когда стали на другой день повторять, то оказалось, что у Лобзика всё в голове перепуталось. Когда показывали ему цифру «три», он отвечал, что это четыре, или пять, или десять. Когда показывали десять, он утверждал, что это два, короче говоря — молол разную чепуху. Костя злился, кричал на Лобзика и воображал, что это он назло ему отвечает неправильно. Иногда Лобзик отвечал правильно, но, наверно, это получалось случайно, а Костя говорил:

— Вот видишь, ответил правильно — значит, знает, какая это цифра, а спроси его в другой раз,

ни за что не ответит. Такой прохвост!

Он подозревал, что Лобзику просто надоело учиться и он нарочно даёт неправильные ответы, чтоб к нему не приставали. Вот, например, Костя показывает ему цифру «пять», а Лобзик отвечает, что это четыре.

— Да не четыре, Лобзик, посмотри хорошенько, — говорит ласково Костя.

Лобзик снова отвечает, что это четыре.

— Ну, не глупи, Лобзик, ты же сам видишь, что это не четыре, — уговаривает его Костя.

«Четыре», — упрямо твердит Лобзик.

— Дурак! — начинает сердиться Костя. — Считай правильно, тебе говорят!

«Четыре», — отвечает Лобзик.

— Вот я дам тебе четыре раза по шее, тогда узнаешь, как злить человека! Вот скажи ещё раз «четыре», я тебе покажу!

«Четыре», — опять повторяет Лобзик.

— Ты видишь, что он со мной делает? — кипятится Костя.

Он берёт цифру «четыре» и показывает Лобзику:

— Ну а это, по-твоему, какая цифра?

Лобзик отвечает, что это пять.

— Вот видишь! — кричал Костя. — Когда ему

показывали пять, так он всё время твердил, что это четыре, а когда показали четыре, он говорит, что это пять! А ты говоришь, что он это не назло мне делает! Я знаю, почему он на меня злится. Утром я нечаянно наступил ему на лапу, так он запомнил и теперь мстит мне.

Я не знал, хитрил Лобзик или не хитрил, но было ясно, что из нашей дрессировки никакого толку не вышло. Может быть, мы с Шишкиным были плохие учителя, а может быть, сам Лобзик был никудышный ученик, неспособный к арифметике.

— Может быть, лучше признаться маме да идти в школу? — сказал я Косте.

— Нет, нет! Я не могу! Теперь я уже столько прогулял. Мама как узнает, так и не знаю, что с нею будет. Шуточка — дело! Если б я один день прогулял…

— Тогда, может быть, рассказать Ольге Николаевне и посоветоваться с ней? — предложил я.

— Нет, мне стыдно говорить Ольге Николаевне.

— Ну, если тебе стыдно, то, может быть, я расскажу ей?

— Ты? Выдавать меня пойдёшь? Знать тебя не хочу больше!

— Зачем, — говорю, — выдавать? Вовсе я не собираюсь тебя выдавать. Ты сам говоришь, что тебе стыдно, ну я бы и сказал, чтоб тебе стыдно не было.

— «Стыдно не было»! — передразнил меня Шишкин. — Да мне в двадцать раз стыдней будет, если ты скажешь! Молчал бы лучше, если ничего не можешь придумать умней!

— Что же делать? — спрашиваю я. — С Лобзиком ничего не вышло. В цирк тебе всё равно не поступить. Или ты, может быть, ещё надеешься Лобзика выучить?

— Нет, на него я уже не надеюсь. По-моему, Лобзик — это или отчаянный плут, или круглый осёл. Всё равно из него никакого толку не будет. Мне надо другую собаку достать. Или вот что: лучше я акробатом стану.

— Как же ты акробатом станешь?

— Ну, буду кувыркаться и на руках ходить. Я уже пробовал, и у меня немножко получается, только я не могу всё время вверх ногами стоять. Надо, чтоб сначала меня кто-нибудь за ноги держал, а потом я и сам смогу. Вот подержи меня за ноги, я попробую.

Он встал на четвереньки, я поднял его за ноги кверху, и он стал ходить на руках по комнате, но

скоро руки у него устали и подогнулись.

Он упал и ударился головой об пол.

— Это ничего, — сказал Шишкин, поднявшись и потирая ушибленную голову. — Постепенно руки у меня окрепнут, и тогда я смогу ходить без посторонней помощи.

— Но ведь на акробата долго учиться надо, — говорю я.

— Ничего, скоро зимние каникулы. Я как-нибудь дотяну до каникул.

— А после каникул что будешь делать? Ведь зимние каникулы скоро кончатся.

— Ну а там как-нибудь дотяну до летних каникул.

— Это долго тянуть придётся.

— Ничего.

Странный это был человек. На всё у него был один ответ: «Ничего». Стоило ему придумать какое-нибудь дело, и он уже воображал, что дело сделано. Но я-то видел, что всё это пустая затея и все его мечты через несколько дней разлетятся как дым.

Глава четырнадцатая

Костины мама и тётя вовсе не догадывались, что он в школу не ходит. Когда его мама приходила с работы, она первым долгом проверяла его уроки, а у него всё оказывалось сделано, потому что каждый раз я приходил к нему и говорил, что задано. Шишкин так боялся, чтоб мама не догадалась о его проделках, что стал делать уроки даже исправнее, чем когда ходил в школу. Утром он брал сумку с книжками и вместо школы отправлялся бродить по городу. Дома он не мог оставаться, так как тётя Зина занималась во второй смене и уходила в училище поздно. Но шататься без толку по улицам тоже было опасно. Однажды он чуть не встретился с нашей учительницей английского языка и поскорей свернул в переулок, чтоб она не увидела его. В другой раз он увидел на улице соседку и спрятался от неё в чужое парадное. Он стал бояться ходить по улицам и забирался куда-нибудь в самые отдалённые кварталы города, чтоб не встретить кого-нибудь из знакомых. Ему всё время казалось, что все прохожие на улице смотрят на него и

подозревают, что он нарочно не пошёл в школу. Дни в это время были морозные, и шататься по улицам было холодно, поэтому он иногда заходил в какой-нибудь магазин, согревался немножко, а потом шёл дальше.

Я чувствовал, что всё это получилось как-то нехорошо, и мне было не по себе. Шишкин ни на минуту не выходил у меня из головы. В классе пустое место за нашей партой всё время напоминало мне о нём. Я представлял себе, как, пока мы сидим в тёплом классе, он крадётся по городу совсем один, точно вор, как он прячется от людей в чужие подъезды, как заходит в какой-нибудь магазин, чтоб погреться. От этих мыслей я стал рассеянным в классе и плохо слушал уроки. Дома я тоже всё время думал о нём. Ночью никак не мог уснуть, потому что мне в голову лезли разные мысли, и я старался найти для Шишкина какой-нибудь выход. Если б я рассказал об этом Ольге Николаевне, то Ольга Николаевна сразу вернула бы Шишкина в школу, но я боялся, что тогда все считали бы меня ябедой. Мне очень хотелось поговорить об этом с кем-нибудь, и я решил поговорить с Ликой.

— Слушай, Лика, — спросил я её. — У вас в классе девчонки выдают друг дружку?

— Как это — выдают?

— Ну, если какая-нибудь ученица чего-нибудь натворит, то другая ученица скажет учительнице? Был у вас в классе такой случай?

— Был, — говорит Лика. — Недавно Петрова сломала на окне гортензию, а Антонина Ивановна подумала на Сидорову и хотела наказать её, сказала, чтоб родители пришли в школу. Но я видела, что это Петрова сломала гортензию, и сказала об этом Антонине Ивановне.

— Зачем же ты сказала? Значит, ты у нас ябеда!

— Почему — ябеда? Я ведь правду сказала. Если б не я, Антонина Ивановна наказала бы Сидорову. А она виновата?

— Всё равно ябеда, — говорю я. — У нас ребята не выдают друг друга.

— Значит, ваши ребята сваливают один на другого.

— Почему сваливают?

— Ну, если б ты в классе сломал гортензию, а учительница подумала на другого…

— У нас, — говорю, — гортензии не растут. У нас в классе кактусы.

— Всё равно. Если бы ты сломал кактус, а учительница подумала на Шишкина, и все бы

молчали, и ты бы молчал, значит, ты свалил бы на Шишкина.

— А у Шишкина разве языка нету? Он бы сказал, что это не он, — говорю я.

— Он мог сказать, а его всё-таки подозревали бы.

— Ну и пусть подозревали бы. Никто же не может доказать, что это он, раз это не он.

— У нас в классе не такой порядок, — говорит Лика. — Зачем нам, чтоб кого-нибудь напрасно подозревали? Если кто виноват, сам должен признаться, а если не признаётся, каждый имеет право сказать.

— Значит, у вас там все ябеды.

— Совсем не ябеды. Разве Петрова поступила честно? Антонина Ивановна хочет вместо неё другую наказать, а она сидит и молчит, рада, что на другую подумали. Если б я тоже молчала, значит, я с ней заодно. Разве это честно?

— Ну ладно, — говорю я. — Этот случай совсем особенный. А не было у вас такого случая, чтоб какая-нибудь девочка не явилась в школу, а дома говорила, что в школе была?

— Нет, у нас такого случая не было.

— Конечно, — говорю я. — Разве у вас такое может случиться! У вас там все примерные уче-

ницы.

— Да, — говорит Лика, — у нас класс хороший. А разве у вас был такой случай?

— Нет. У нас, — говорю, — нет. Такого случая ещё не было.

— А почему ты спрашиваешь?

— Так просто. Интересно узнать.

Я перестал разговаривать с Ликой, а сам всё время думал о Шишкине. Мне очень хотелось посоветоваться с мамой, но я боялся, что мама сейчас же сообщит об этом в школу, и тогда всё пропало. А мама и сама заметила, что со мной что-то неладное творится. Она так внимательно поглядывала на меня иногда, будто знала, что я о чём-то хочу поговорить с ней. Мама всегда знает, когда мне нужно что-то сказать ей. Но она никогда не требует, чтоб я говорил, а ждёт, чтоб я сам сказал. Она говорит: если что-нибудь случилось, то гораздо лучше, если я сам признаюсь, чем если меня заставят это сделать. Не знаю, как это мама догадывается. Наверно, у меня просто лицо такое, что на нём всё как будто написано, что у меня в голове. И вот я так сидел и всё поглядывал на маму и думал, сказать ей или не сказать, а мама тоже нет-нет да и взглянет на меня, словно ждёт, чтоб я сказал. И мы долго так переглядывались с

ней, и оба только делали вид: я — будто книжку читаю, а она — будто рубашку шьёт. Это, наверно, было бы смешно, если бы мне в голову не лезли грустные мысли о Шишкине.

Наконец-таки мама не вытерпела и, усмехнувшись, сказала:

— Ну, докладывай, что у тебя там?

— Как это — докладывай? — притворился я, будто не понимаю.

— Ну, говори, о чём хочешь сказать.

— О чём же я хочу сказать? Ни о чём я не хочу сказать, — стал я выкручиваться, а сам уже чувствую, что сейчас же обо всём расскажу, и рад, что мама сама об этом заговорила, так как легче сказать, когда тебя спрашивают, чем когда не спрашивают вовсе.

— Будто я не вижу, что ты о чём-то хочешь сказать! Ты уже три дня ходишь как в воду опущенный и воображаешь, что никто этого не замечает. Ну, говори, говори! Всё равно ведь скажешь. Что-нибудь в школе случилось?

— Нет, не в школе, — говорю. — Да нет, — говорю, — в школе.

— Что, опять небось получил двойку?

— Ничего я не получил.

— Что же с тобой случилось?

— Да это не со мной вовсе. Со мной ничего не случилось.

— С кем же?

— Ну, с Шишкиным.

— А с ним что же?

— Да не хочет учиться.

— Как — не хочет?

— Ну, не хочет, и всё!

Тут я увидел, что проговорился, и подумал: «Батюшки, что же я делаю? А вдруг мама завтра же пойдёт в школу и скажет учительнице!»

— Что же, Шишкин уроков не делает? — спросила мама. — Двойки получает?

Я увидел, что не совсем ещё проговорился, и сказал:

— Не делает. По русскому у него двойка. Совсем не хочет по русскому учиться. У него с третьего класса запущено.

— Как же он в четвёртый-то класс перешёл?

— Ну, не знаю, — говорю. — Он к нам из другой школы перевёлся. В третьем классе у нас не учился.

— Почему же учительница не обратит на него внимания? Его подтянуть надо.

— Так он, — говорю, — хитрый, как лисица! Что на дом задано, спишет, а когда в классе диктант

или сочинение, не придёт вовсе.

— А ты бы занялся с ним. Ведь думаешь о товарище, огорчаешься из-за него, а помочь не хочешь.

— Поможешь, — говорю, — ему, когда он сам не хочет зани-маться!

— Ну, ты растолкуй ему, что учиться надо, подействуй на него. Ты вот сумел взяться за дело сам, а ему помощь нужна. Попадётся ему хороший товарищ, и он выправится, и из него настоящий человек выйдет.

— Разве я ему плохой товарищ? — говорю я.

— Значит, не плохой, если думаешь о нём.

Мне стало очень стыдно, что я не сказал маме всей правды, поэтому я поскорей оделся и пошёл к Шишкину, чтоб поговорить с ним как следует.

Странное дело! Почему-то именно в эти дни я по-настоящему подружился с Шишкиным и по целым дням думал о нём. Шишкин тоже изо всех сил привязался ко мне. Он скучал по школьным товарищам и говорил, что теперь, кроме меня, у него никого не осталось.

Когда я пришёл, Костя, его мама и тётя Зина сидели за столом и пили чай. Над столом горела электрическая лампочка под большим голубым абажуром, и от этого абажура вокруг было как-то

сумрачно, как бывает летним вечером, когда солнышко уже зашло, но на дворе ещё не совсем стемнело. Все очень обрадовались моему приходу. Меня тоже усадили за стол и стали угощать чаем с баранками. Костина мама и тётя Зина принялись расспрашивать меня о моей маме, о папе, о том, где он работает и что делает. Костя молча слушал наш разговор. Он опустил в стакан с чаем половину баранки. Баранка постепенно разбухала в стакане и становилась всё толще и толще. Наконец она раздулась почти во весь стакан, а Костя о чём-то задумался и как будто совсем позабыл о ней.

— О чём это ты там задумался? — спросила его мама.

— Так просто. Я думаю о моём папе. Расскажи о нём что-нибудь.

— Что же рассказывать? Я тебе уже всё рассказала.

— Ну, ты ещё расскажи.

— Вот любит, чтоб ему об отце рассказывали, а сам ведь и не помнит его, — сказала тётя Зина.

— Нет, я помню.

— Что же ты можешь помнить? Ты был грудным младенцем, когда началась война и твой папа ушёл на фронт.

— Вот помню, — упрямо повторил Шишкин. — Я помню: я лежал в своей кроватке, а папа подошёл, взял меня на руки, поднял и поцеловал.

— Не можешь ты этого помнить, — ответила тётя Зина. — Тебе тогда три недели от роду было.

— Нет. Папа ведь приходил с войны, когда мне уже год был.

— Ну, тогда он забежал на минутку домой, когда его часть проходила через наш город. Тебе про это мама рассказывала.

— Нет, я сам помню, — обиженно сказал Костя. — Я спал, потом проснулся, а папа взял меня на руки и поцеловал, а шинель у него была такая шершавая и колючая. Потом он ушёл, и я больше ничего не помню.

— Ребёнок не может помнить, что с ним в год было, — сказала тётя Зина.

— А я помню, — чуть ли не со слезами на глазах сказал Костя. — Правда, мама, я помню? Вот пусть мама скажет!

— Помнишь, помнишь, — успокоила его мама. — Уж если ты запомнил, что шинель была колючая, значит, всё хорошо помнишь.

— Конечно, — сказал Шишкин. — Шинель была колючая, и я помню и никогда не забуду, потому что это был мой папа, который на войне погиб.

Шишкин весь вечер был какой-то задумчивый. Я так и не поговорил с ним, о чём хотел, и скоро ушёл домой.

В эту ночь я долго не мог заснуть, всё думал о Шишкине. Как было бы хорошо, если бы он учился исправно, ничего бы такого с ним не произошло! Вот я, например: я ведь тоже неважно учился, а потом взял себя в руки и добился, чего хотел. Всё-таки мне было, конечно, легче, чем Шишкину: у меня есть отец. Я всегда люблю брать с него пример. Я вижу, как он добивается чего-нибудь по своей работе, и тоже хочу быть таким, как он. А у Шишкина отца нет. Он погиб на войне, когда Костя был совсем маленьким. Мне очень хотелось помочь Косте, и я стал думать, что если бы начать с ним как следует заниматься, то он может выправиться по русскому языку, и тогда

учёба у него пойдёт успешно.

Я размечтался об этом и решил, что буду заниматься с ним каждый день, но тут же вспомнил, что о занятиях нечего и мечтать, пока он не вернётся в школу. Я принялся думать, как бы уговорить его, но мне стало понятно, что уговоры тут не помогут, так как Костя слабохарактерный и теперь уже не решится признаться матери. Мне стало ясно, что с Костей надо действовать твёрдо. Поэтому я решил зайти к нему завтра после школы и поговорить серьёзно. Если он не захочет признаться матери и не вернётся в школу по своей воле, то я пригрожу, что не буду больше врать Ольге Николаевне и не стану его выгораживать, потому что от этого для него получается только вред. Если он не поймёт, что это для его же пользы, то пусть обижается на меня. Ничего! Я перетерплю, а потом он сам увидит, что я не мог поступить иначе, и мы снова подружимся с ним.

Как только я это решил, у меня на душе стало легче, и мне сделалось стыдно, что я до сих пор ничего не сказал маме. Я тут же хотел встать и рассказать обо всём, но было поздно, и все давно уже спали.

Глава пятнадцатая

На другой день всё вышло не так, как я ожидал. Я хотел после уроков зайти к Шишкину и в последний раз серьёзно поговорить с ним. Но так как я всем говорил в школе, что Шишкин болен, то всё наше звено решило навестить больного товарища. Я испугался и сейчас же после уроков помчался к Шишкину, чтоб предупредить его. Прибегаю к нему. Он увидел меня и говорит:

— Знаешь, я могу уже вверх ногами стоять! Нужно стать у стенки, перевернуться и держаться ногами за стенку.

— Некогда, — говорю, — сейчас вверх ногами стоять. Ложись скорее в постель.

— Зачем?

— Ну, ты ведь болен.

— Как — болен?

— Да я ведь всем говорил в школе, что ты болен. Сам ведь просил!

— Ну, просил!

— А теперь вот сейчас к тебе ребята придут.

— Да что ты!

Тут он моментально нырнул в постель, как был,

в одежде, в ботинках, и накрылся одеялом.

— Что же мне говорить ребятам? — спрашивает.

— Что ж говорить? Говори, что болен. Больше говорить нечего.

Скоро пришли ребята. Они разделись в коридоре и вошли в комнату.

Шишкин натянул одеяло до самого подбородка и с беспокойством поглядывал на ребят.

Ребята говорят:

— Здравствуй, Шишкин!

— Здравствуйте, ребята! — говорит он.

А голос у него такой слабый-слабый! Ну прямо настоящий больной!

— Вот зашли тебя навестить, — сказал Юра.

— Спасибо, ребята, садитесь.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил Ваня.

— Да так...

— Лежишь?

— Лежу вот.

— Скучно небось лежать всё время? — спрашивает Лёня.

— Скучно.

— Ты один весь день?

— Один. Мама на работе. Тётя в училище.

— Мы теперь будем ходить к тебе чаще. Ты извини, что мы не приходили: думали — скоро выздоровеешь и сам придёшь.

— Ничего, ребята, ко мне Витя каждый день приходит.

— Мы к тебе тоже будем каждый день приходить, хочешь? — предложил Слава.

— Хочу, — говорит Шишкин.

Не мог же он сказать — не хочу!

— А что у тебя болит? — спросил Юра.

— Всё болит: и руки и ноги…

— Что ты? И даже ноги?

— Да. И голова.

— И что? Всё время болит?

— Нет, не всё. То пройдёт, пройдёт, а потом как заболит, заболит!

— У нас в квартире у одного мальчика тоже вот так всё болело. У него ревматизм был, — сказал Вася Ерохин. — Может быть, и у тебя ревматизм?

— Может быть, — говорит Шишкин.

— А доктор что говорит? — спросил Ваня.

— Ну, что он говорит!.. Что ему говорить? Ну, высунь язык, говорит. Скажи «а», говорит.

— А какая болезнь, не говорит?

— Болезнь эта вот… как её?.. Апендикокс.

— Что же это за болезнь такая — апендикокс?

— Сам не знаю, — пожал Шишкин плечами.

— А чем тебя лечат?

— Лекарством.

— Каким?

— Не знаю, как называется. Микстура.

— Горькая или сладкая?

— Горькая! — сказал Шишкин и скорчил такую физиономию, будто на самом деле микстуры попробовал.

— Когда я был больной, мне тоже микстуру давали. Ох и горькую! Я не хотел пить, — сказал Дима Балакирев.

— Я тоже не хочу.

— Нет, ты лучше пей, скорей поправишься.

— Я и то пью.

— Это ничего, что горькая, — сказал Лёня. — Ты выпей микстуры, а потом ложку сахару в рот.

— Хорошо.

— А об уроках не беспокойся. Вот начнёшь поправляться, мы тебе будем уроки носить и помогать учиться. Ты нагонишь.

— Ничего, нагоню! — говорит Шишкин.

Тут я заметил, что из-под одеяла высовывается нога Шишкина в ботинке. Я испугался. Думаю: вдруг кто-нибудь из ребят заметит! Но ребята разговаривали с ним и не замечали ботинка. Я

подошёл потихоньку и накрыл одеялом ботинок.

— Ну, ребята, — говорю, — он пока ещё слабый, так что вы не утомляйте его. Идите себе домой.

Ребята стали прощаться:

— Ну, до свиданья. Выздоравливай, поправляйся. Мы к тебе завтра зайдём.

Ребята ушли. Шишкин вскочил с постели и запрыгал по комнате.

— Вот как всё хорошо вышло! — закричал он. — Никто не догадался. Всё в порядке!

— Ну, нечего радоваться! — сказал я. — Мне с тобой нужно серьёзно поговорить.

— О чём?

— О том, что тебе надо в школу вернуться.

— Я и сам знаю, что надо, а как я теперь могу? Ты же сам видишь, что не могу.

— Ничего я не вижу! Я решил сегодня с тобой в последний раз поговорить: если ты завтра же не придёшь в школу, то я сам скажу Ольге Николаевне, что ты не больной вовсе.

— Зачем? — удивился Костя.

— Затем, что тебе надо учиться, а не гулять. Всё равно из тебя никакого акробата не выйдет.

— Почему не выйдет? Посмотри, как я уже научился вверх ногами стоять!

Он подошёл к стенке и стал вверх ногами.

Тут отворилась дверь и вошёл Лёня.

— Послушай, — говорит, — я перчатки забыл... А это что? Послушай, ты чего вверх ногами стоишь?

Шишкин вскочил на ноги и растерянно остановился.

— Так вот ты какой больной! — воскликнул Лёня.

— Честное слово, больной! — сказал Шишкин и покраснел, как варёный рак.

Он заохал и заковылял к постели.

— Брось притворяться! Говорил, руки-ноги болят, а сам тут вверх ногами ходишь!

— Честное слово, болят!

— Ну, не ври, не ври! И когда ты успел одеться? Ты, значит, одетый в постели лежал?

— Ну ладно, я тебе открою секрет, только ты поклянись, что никому не скажешь.

— Зачем я буду клясться?

— Ну, тогда я ничего не скажу.

В это время в коридоре послышались чьи-то шаги. Дверь приоткрылась, в комнату заглянул Ваня и сказал:

— Ты скоро, Лёня? Мы тут тебя все ждём.

— Ну-ка иди сюда, Ваня! Он, оказывается, вовсе не болен!

— Не болен? — удивился Ваня и вошёл в комнату.

— Кто не болен? — послышался из коридора голос Юры.

Юра тоже вошёл в комнату, а за ним остальные ребята.

— Да вот он, Шишкин, не болен, — ответил Лёня.

— Как так?

— Да вот так: вхожу, а он тут вверх ногами стоит!

— Что же это такое? — заговорили ребята. — Зачем ты нас обманывал?

— Это я так просто, ребята... — стал оправдываться Шишкин. — Я просто пошутил.

— Что это ещё за шутки такие?

— Вот такие вот шутки! — развёл Костя руками.

— Мы о нём беспокоились, — говорит Ваня, — всем звеном пришли навестить, а он тут, оказывается, шутки шутит: больным притворяться вздумал!

— Я больше не буду, ребята, вот увидите... — пролепетал Шишкин.

— А почему ты в школу не ходишь? — спросил Юра. — Ты решил притворяться больным, чтоб

не ходить в школу!

— Я вам всё расскажу, ребята, только вы не сердитесь. Я не хотел обмануть вас. Просто я решил циркачом стать.

— Как это циркачом? — удивились все.

— Ну, поступлю в цирк и буду цирковым акробатом.

— Ты что, рехнулся?

— И ничуть не рехнулся.

— Кто же тебя возьмёт в цирк? — спросил Ваня.

— А откуда, ты думаешь, цирковые артисты берутся?

— А почему же ты всё-таки в школу не ходишь?

— Не хочу больше учиться. Я и так уже всё знаю.

— Как — всё?

— Ну, всё, что нужно цирковому артисту.

— Что же ты думаешь, цирковой артист может неучем быть?

— Почему — неучем? Кое-чему я уже выучился.

— «Выучился»! А пишешь с ошибками! Надо сначала окончить школу, а потом идти в цирковое училище. Цирковой артист тоже должен быть

образованным. Ты бы сначала посоветовался с Ольгой Николаевной, — сказал Юра.

— Будто я не знаю, что Ольга Николаевна скажет! — ответил Шишкин.

— По-моему, ребята, он не дело затеял, — сказал Игорь. — Пусть перестанет выдумывать и является завтра в школу.

— А если завтра же не явится, мы скажем Ольге Николаевне, — заявил Юра.

— Ну и будете ябеды! — ответил Шишкин.

— Не будем, — сказал Юра. — Раз мы предупредили тебя, значит, не ябеды.

— Вот попробуй не приди завтра в школу, тогда узнаешь! — сказал Игорь. — Нечего тебе гулять. Надо учиться.

Тут снова послышались шаги в коридоре, и кто-то постучал в дверь. Шишкин, вместо того чтобы отворить, юркнул, как мышь, в постель и накрылся одеялом. Я отворил дверь и увидел Ольгу Николаевну.

— О, да тут всё звено! — сказала Ольга Николаевна, входя в комнату. — Решили навестить больного товарища?

Все ребята молчали, и никто не знал, что сказать.

Костя смотрел на Ольгу Николаевну во все глаза и изо всех сил натягивал на себя одеяло, будто решил закутаться в него с головой. Ольга Николаевна подошла к нему:

— Что ж это ты, Костя, расхворался у нас? Что у тебя болит?

— Ничего у него не болит! — сказал Юра. — Он вовсе не болен.

— Как — не болен?

— Ну, не болен, и всё!

Шишкин увидел, что теперь уже всё равно всё пропало. Он вылез из-под одеяла, уселся на кровати и, свесив голову вниз, стал смотреть на пол. Ольга Николаевна обвела взглядом ребят, увидела меня и сказала:

— Почему же ты, Витя, говорил мне, что Костя болен?

От стыда я не знал, куда деваться.

— Почему же ты молчишь? Ты мне неправду сказал?

— Это не я сказал. Это он сказал, чтоб я сказал. Я и сказал.

— Значит, Костя просил тебя обмануть меня?

— Да, — пролепетал я.

— И ты обманул?

— Обманул.

— И ты думаешь, хорошо сделал?

— Но он ведь просил меня!

— Ты думаешь, что оказал ему хорошую услугу, обманывая меня?

— Нет.

— Почему же ты это сделал?

— Ну, я думал, что нельзя же товарища выдавать!

— Как — выдавать? Это врагу нельзя выдавать, а я разве ваш враг?

Я не знал, что сказать, и молча смотрел на пол.

— Не думала я, что мои ученики считают меня врагом! — сказала Ольга Николаевна.

— Мы не считаем, Ольга Николаевна, — сказал Ваня. — Разве мы считаем?

— Почему же никто не сказал мне?

— Да ведь никто и не знал. Мы только сегодня пришли, и вот всё выяснилось.

— Ну хорошо, об этом поговорим после... Почему же ты, Костя, не ходил в школу?

— Я боялся, — пробормотал Костя.

— Чего ты боялся?

— Что вы записку от мамы спросите.

— Какую записку?

— Ну, записку, что я пропустил, когда был диктант.

— Почему же ты пропустил, когда диктант был?

— Боялся.

— Чего?

— Двойку получить боялся.

— Значит, ты нарочно пропустил, когда писали диктант, а потом не приходил, потому что у тебя не было записки от матери?

— Да.

— Что же ты думал делать, когда решил не ходить в школу? — спросила Ольга Николаевна.

— Не знаю.

— Но ведь какие-то планы у тебя были?

— Какие у меня планы!

— Он решил сделаться цирковым акробатом, — сказал Юра.

— В цирковую школу без семилетнего образования не берут. Да ещё там надо лет пять учиться. Не мог же ты сразу стать цирковым артистом! — сказала Ольга Николаевна.

— Не мог, — согласился Шишкин.

— Вот видишь. Не обдумав ничего, так сразу и решил не ходить в школу. Разве так можно?

Шишкин молчал.

— Что же ты теперь думаешь делать?

— Не знаю.

— А ты подумай.

Шишкин помолчал, потом взглянул на Ольгу Николаевну исподлобья и сказал:

— Я хочу вернуться в школу!

— Что ж, это самое лучшее, что ты мог придумать. Только условие: ты должен дать обещание, что исправишься и будешь хорошо учиться.

— Я теперь буду хорошо, — сказал Шишкин.

— Ну, смотри. Завтра с утра приходи в школу, а я попрошу директора, чтоб он разрешил тебе продолжать учиться.

— Я приду.

Ольга Николаевна сказала нам всем, чтобы мы шли домой делать уроки.

Костя увидел, что она не собирается уходить, и сказал:

— Ольга Николаевна, я хочу вас попросить: не говорите маме!

— Почему? — спросила Ольга Николаевна.

— Я теперь буду хорошо учиться, только не говорите!

— Значит, ты хочешь продолжать обманывать маму? И ещё хочешь, чтобы я тебе помогала в этом?

— Я не буду больше обманывать маму. Мне так не хочется огорчать её!

— А если мама узнает, что мы с тобой вместе обманывали её? Ведь она будет огорчена ещё больше. Правда?

— Правда.

— Вот видишь, надо маме сказать. Но так как ты обещаешь взяться за учёбу как следует, то я попрошу маму, чтобы она не очень сердилась на тебя.

— Я обещаю.

— Вот и договорились, — сказала Ольга Николаевна. — А сейчас бери книги, и будем заниматься.

Я ушёл домой вместе с ребятами и не знаю, что было дальше.

Глава шестнадцатая

И вот на другой день Шишкин явился в класс. Он растерянно улыбался и смущённо поглядывал на ребят, но, видя, что его никто не стыдит, он успокоился и сел рядом со мной. Пустое место за нашей партой заполнилось, и я почувствовал облегчение, будто у меня в груди тоже что-то заполнилось и стало на своё место.

Ольга Николаевна ничего не сказала Шишкину, и уроки шли как обычно, своим порядком. На перемене к нам пришёл Володя, ребята стали рассказывать ему про этот случай. Я думал, что Володя станет стыдить Шишкина, а Володя вместо этого стал стыдить меня.

— Ты ведь знал, что твой товарищ поступает неправильно, и не помог ему исправить ошибку, — сказал Володя. — Надо было поговорить с ним серьёзно, а если бы он тебя не послушался, надо было сказать учительнице, или мне, или ребятам. А ты от всех скрывал.

— Будто я с ним не говорил! Я сколько раз ему твердил об этом! Что я мог сделать? Он ведь сам решил не ходить в школу.

— А почему решил? Потому, что плохо учился. А ты помог ему учиться лучше? Ты ведь знал, что он плохо учится?

— Знал, — говорю. — Это всё у него из-за русского языка. Он всегда у меня русский списывал.

— Вот видишь, если б ты по-настоящему заботился о своём друге, то не давал бы ему списывать. Настоящий друг должен быть требовательным. Какой же ты товарищ, если миришься с тем, что твой друг поступает нехорошо? Такая дружба ненастоящая — это ложная дружба.

Все ребята начали говорить, что я ложный друг, а Володя сказал:

— Давайте после уроков соберёмся, ребята, и поговорим обо всём.

Мы решили собраться после уроков, но, как только занятия кончились, Ольга Николаевна подозвала меня и Шишкина и сказала:

— Костя и Витя, зайдите сейчас к директору. Он хочет поговорить с вами.

— А о чём? — испугался я.

— Вот он вам и расскажет о чём. Да вы идите, не бойтесь! — усмехнулась она.

Мы пришли в кабинет директора, остановились на пороге и сказали:

— Здравствуйте, Игорь Александрович!

Игорь Александрович сидел за столом и что-то писал.

— Здравствуйте, ребята! Заходите и садитесь вот на диван, — сказал он, а сам продолжал писать.

Но мы сесть боялись, потому что диван был очень близко возле директора. Стоять возле дверей нам казалось безопаснее. Игорь Александрович кончил писать, снял очки и сказал:

— Садитесь. Чего же вы стоите?

Мы подошли и сели. Диван был кожаный, блестящий. Кожа была скользкая, и я всё время съезжал с дивана, потому что сел с краю, а усесться на нём как следует я не решался. И так я мучился в продолжение всего разговора — а разговор получился длинный! — и от такого сидения устал больше, чем если бы всё это время стоял на одной ноге.

— Ну, расскажи, Шишкин, как это тебе пришло в голову стать прогульщиком? — спросил Игорь Александрович, когда мы сели.

— Не знаю, — замялся Шишкин.

— Гм! — сказал Игорь Александрович. — Кто же об этом может знать, как ты думаешь?

— Н-не знаю, — снова пролепетал Шишкин.

— Может быть, по-твоему, я знаю?

Шишкин исподлобья взглянул на Игоря Александровича, чтоб узнать, не шутит ли он, но лицо у директора было серьёзное. Поэтому он снова ответил:

— Не знаю.

— Что это, братец, у тебя на всё один ответ: «Не знаю»? Уж если разговаривать, то давай разговаривать серьёзно. Ведь я не просто из любопытства спрашиваю, почему ты не ходил в школу.

— Так просто. Я боялся, — ответил Шишкин.

— Чего же ты боялся?

— Я боялся диктанта и пропустил, а потом боялся, что Ольга Николаевна спросит записку от матери, вот и не приходил.

— Почему же ты боялся диктанта? Что он, такой страшный?

— Я боялся получить двойку.

— Значит, ты плохо готовился по русскому языку?

— Плохо.

— Почему же ты плохо готовился?

— Мне трудно.

— А по другим предметам тебе тоже трудно учиться?

— По другим легче.

— Почему же по русскому трудно?

— Я отстал. Не знаю, как слова писать.

— Так тебе подогнать надо, а ты, наверно, мало по русскому занимаешься?

— Мало.

— Почему же?

— Ну, он у меня не идёт. Историю я прочитаю или географию — и уже знаю, а тут как напишу, так обязательно ошибки будут.

— Вот тебе и нужно побольше по русскому заниматься. Надо делать не только то, что легко, но и то, что трудно. Если хочешь научиться, то должен и потрудиться. Вот скажи, Малеев, — спросил Игорь Александрович меня, — ты ведь не успевал раньше по арифметике?

— Не успевал.

— А теперь стал лучше учиться?

— Лучше.

— Как же это у тебя вышло?

— А я сам захотел. Мне Ольга Николаевна сказала, чтоб я захотел, и я захотел и принялся добиваться.

— И добился-таки?

— Добился.

— Но тебе ведь сначала было, наверно, трудно?

— Сначала было трудно, а теперь совсем легко.

— Вот видишь, Шишкин! Возьми пример с Малеева. Сначала будет трудно, а потом, когда одолеешь трудность, будет легко. Так что берись за дело, и у тебя всё выйдет.

— Хорошо, — сказал Шишкин, — я попробую.

— Да тут и пробовать нечего. Надо сразу браться, и дело с концом.

— Ну, я попытаюсь, — ответил Шишкин.

— Это всё равно что попробовать, — сказал Игорь Александрович. — Вот и видно, что у тебя нет силы воли. Чего ты боишься? У тебя есть товарищи. Разве они не помогут тебе? Ты, Малеев, ведь друг Шишкина?

— Да, — говорю я.

— Ну, так помоги ему подтянуться по русскому языку. Он очень запустил этот предмет, и ему одному не справиться.

— Это я могу, — говорю, — потому что сам был отстающим и теперь знаю, с какого конца нужно браться за это дело.

— Вот-вот! Значит, попробуешь? — улыбнулся Игорь Александрович.

— Нет, — говорю, — и пробовать не буду. Сразу начну заниматься с ним.

— Хорошо. Это мне нравится, — сказал Игорь Александрович. — У тебя общественная работа есть?

— Нету, — говорю.

— Вот это и будет твоя общественная работа на первое время. Я советовался с Ольгой Нико-

лаевной, и она сказала, что ты сумеешь помочь Шишкину. Уж если ты сам себе сумел помочь, то и другому поможешь. Только отнесись к этому делу серьёзно.

— Я буду серьёзно, — ответил я.

— Следи, чтоб он все задания выполнял самостоятельно, вовремя, чтобы всё доводил до конца. За него ничего делать не надо. Это будет плохая помощь с твоей стороны. Когда он научится работать сам, у него появится и сила воли, и твоя помощь ему уже будет не нужна. Понятно это тебе?

— Понятно, — сказал я.

— А ты, Шишкин, запомни, что все люди должны честно трудиться.

— Но я ведь ещё не трудюсь... не тружусь, — пролепетал Шишкин.

— Как так не трудишься? А учёба разве не труд? Учёба для тебя и есть самый настоящий труд. Взрослые работают на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, строят электростанции, соединяют каналами реки и моря, орошают пустыни, насаждают леса. Видишь, как много дел!.. А дети учатся в школах, чтобы в будущем стать образованными и в свою очередь принести нашей родине как можно больше пользы. Разве ты

не хочешь приносить родине пользу?

— Хочу.

— Вот видишь! Но, может быть, ты думаешь, достаточно просто сказать «хочу»? Надо быть стойким, упорным, без упорства ты ничего не достигнешь.

— Я буду теперь упорным.

— Вот хорошо, — сказал Игорь Александрович. — Надо быть честным. А разве ты честен? Ты обманывал мать, обманывал учительницу, обманывал своих товарищей.

— Я буду честным теперь.

— Постарайся, — сказал Игорь Александрович. — Но это ещё не всё. Надо любить своих товарищей.

— Разве я не люблю их? — удивился Шишкин.

— Где же любишь! Бросил их всех и решил без них обойтись. Разве это любовь?

— Но я ведь скучал по ним! — чуть ли не со слезами на глазах воскликнул Шишкин.

— Ну хорошо, что хоть скучал, но будет ещё лучше, если ты будешь чувствовать, что без товарищей тебе не прожить, чтоб даже в голову не приходило бросать их.

— Я буду больше любить, — сказал Шишкин.

— Что же ты делал, голубчик, пока не ходил в

школу? — спросил его Игорь Александрович.

Мы рассказали, как учили Лобзика считать. Игорь Александрович очень заинтересовался этим и подробно расспрашивал, как мы это делали.

— Да разве же можно научить собаку считать, как человека? — сказал наконец он.

— А как же считала та собака в цирке?

Игорь Александрович засмеялся:

— Та собака вовсе не умела считать. Её выучили только лаять и останавливаться по сигналу. Когда собака пролает столько раз, сколько нужно, дрессировщик даёт ей незаметный для публики сигнал, и собака перестаёт лаять, а публике кажется, что собака сама лает, сколько нужно.

— Какой же сигнал даёт дрессировщик? — спросил Костя.

— Ну, он незаметно кивает головой, или машет рукой, или потихоньку щёлкает пальцами.

— Но наш Лобзик иногда считает правильно и без сигнала, — сказал Костя.

— Собаки очень наблюдательны, — сказал Игорь Александрович. — Ты сам незаметно для себя можешь кивать головой или делать какое-нибудь телодвижение как раз в то время, когда Лобзик пролает столько раз, сколько нужно, вот

он подмечает это и старается угадать. Но так как твои телодвижения очень неуловимы, то он и ошибается часто. Для того чтобы он лаял правильно, приучите его к какому-нибудь определённому сигналу, например щёлкайте пальцами.

— Я возьмусь за это, — сказал Костя. — Только я сначала подтянусь по русскому языку, а потом буду учить Лобзика.

— Вот правильно! А когда у нас будет вечер в школе, можете выступить со своей дрессированной собакой.

Мы так боялись, что Игорь Александрович придумает для нас какое-нибудь наказание, но он, видно, и не собирался наказывать нас, а хотел только объяснить нам, что надо учиться лучше.

Глава семнадцатая

Когда мы вышли из кабинета директора, то увидели, что Володя и все ребята дожидались нас в коридоре. Они моментально окружили нас и стали спрашивать:

— Ну что? Что вам Игорь Александрович сказал? Что вам будет?

— Простил. Теперь уже ничего не будет, — ответил я.

— Ну вот и хорошо! — обрадовался Толя. — Пойдёмте в пионерскую комнату, поговорим. Надо поговорить.

Мы все гурьбой пошли в пионерскую комнату. Шишкин вошёл последним.

— Иди, иди, Шишкин, не бойся! — говорил Юра. — Никто тебя ругать не будет.

Мы сели вокруг стола, и Володя сказал:

— Теперь посоветуемся, ребята, как помочь Шишкину. Он плохо учился и в конце концов дошёл до того, что совсем перестал ходить в школу. Но мы все тоже виноваты в этом. Мы не обращали внимания на то, как он учится, и не помогли ему вовремя.

— Мы, конечно, тоже виноваты, — ответил Ваня. — Но и Шишкин должен понять, что надо учиться лучше. Если он не возьмётся теперь, то это опять может плохо кончиться.

— Правда, Шишкин, только ты не обижайся, это опять может плохо кончиться, — сказал Юра. — А мы поможем тебе, честное слово! Всё, что надо, сделаем.

— А как помогать? — сказал Лёня Астафьев.

— Мы ведь ему помощника выделили. Видно, Алик Сорокин плохо занимался с ним, раз такие результаты.

— Может быть, вы и не занимались совсем? — спросил Володя Алика.

— Почему «не занимались»? Мы занимались! — ответил Алик.

— Сколько же раз вы занимались?

— Ну, я не помню. Раза два или три.

— Раза два или три? — удивился Юра. — Да ты должен был каждый день заниматься с ним, а не раза два или три. Сам обещал на собрании. Мы тебе это дело доверили, а ты не оправдал доверия!

— Как же я мог оправдать доверие? — сказал Алик. — К нему придёшь, а его дома нет. Или придёшь, а он говорит: «Я сегодня не в настроении заниматься». Ну, я и бросил.

— Ишь ты, «бросил»! — сказал Юра. — Ты должен был на звене поставить вопрос, чтоб звено помогло. Шишкин у нас неорганизованный. Ты вот хорошо учишься, о себе позаботился, а о товарище позаботиться не захотел… Ну ладно, я тоже виноват, что не проверил тебя.

— Я теперь буду хорошо заниматься с Шишкиным, — сказал Алик. — Я шахматами увлёкся, поэтому так и вышло.

— Нет уж, — ответил Володя, — больше мы тебе этого дела не доверим.

— Теперь я буду с Шишкиным заниматься, — сказал я. — Мне Игорь Александрович велел.

— Что ж, — сказал Володя, — раз тебя Игорь Александрович назначил, то и мы тебя на это дело выделим. Правда, ребята?

— Конечно, — согласились ребята. — Пусть занимается, раз Игорь Александрович сказал.

Сбор кончился, и мы вышли на улицу. Шишкин по дороге долго молчал, всё думал о чём-то, потом сказал:

— Вот, оказывается, какой я скверный! Никакой у меня силы воли нет! Ни к чему я не способный. Ничего из меня путного не выйдет!

— Нет, почему же? Ты не такой уж скверный, — попробовал я утешить его.

— Нет, не говори, я знаю. Только я сам не хочу быть таким. Я исправлюсь. Вот ты увидишь. Честное слово, исправлюсь! Только ты уж, пожалуйста, помоги мне! Тебе ведь Игорь Александрович велел. Ты не имеешь права отказываться!

— Да я и не отказываюсь, — говорю я. — Только ты меня слушайся. Давай начнём заниматься с сегодняшнего же дня. После обеда я приду к тебе, и начнём заниматься.

После обеда я сейчас же отправился к Шишкину и ещё на лестнице услышал собачий лай. Захожу в комнату, смотрю — Лобзик уже сидит на стуле и лает, а Костя щёлкает пальцами у него перед самым носом.

— Это, — говорит, — я его приучаю к сигналу, как Игорь Александрович учил. Давай немножко позанимаемся с Лобзиком, а потом начнём делать уроки. Всё равно ведь Лобзика учить надо.

— Э, брат, — говорю я, — сам сказал, что с Лобзиком начнёшь заниматься после того, как исправишься по русскому языку, и уже передумал.

— Кончено! — закричал Шишкин. — Пошёл вон, Лобзик! Вот, даже смотреть на него не стану, пока не исправлюсь по русскому. Скажи, что я тряпка, если увидишь, что я занимаюсь с Лобзиком. Ну, с чего мы начнём?

— Начнём, — говорю, — с русского.

— А нельзя ли с географии или хотя бы с арифметики?

— Нет, нет, — говорю. — Я уж на собственном опыте знаю, кому с чего начинать надо. Что нам по русскому задано?

— Да вот, — говорит, — суффиксы «очк» и «ечк», и ещё мне Ольга Николаевна задала повторить правило на безударные гласные и сделать упраж-

нение.

— Вот с этого ты и начнёшь, — сказал я.

— Ну ладно, давай начнём.

— Вот и начинай. Или, может быть, ты думаешь, что я с тобой буду это упражнение делать? Ты всё будешь делать сам. Я только проверять тебя буду. Надо приучаться всё самому делать.

— Что ж, хорошо, буду приучаться, — вздохнул Шишкин и взялся за книгу.

Он быстро повторил правило и принялся делать упражнение. Это упражнение было очень простое. Нужно было списать примеры и вставить в словах пропущенные буквы. Вот Шишкин писал, писал, а я в это время учил географию и делал вид, что не обращаю на него внимания. Наконец он говорит:

— Готово!

Я посмотрел… Батюшки! У него там ошибок целая куча! Вместо «гора» написал «гара», вместо «весёлый» — «висёлый», вместо «тяжёлый» — «тижёлый».

— Ну-ну! — говорю. — Наработал же ты тут!

— Что, очень много ошибок сделал?

— Да не так чтоб уж очень много, а если сказать по правде, порядочно.

— Ну вот! Я так и знал! Мне никогда удачи не

будет! — расстроился Костя.

— Здесь не в удаче дело, — говорю я. — Надо знать, как писать. Ты ведь учил правило?

— Учил.

— Ну, скажи: что в правиле говорится?

— В правиле? Да я уж и не помню.

— Как же ты учил, если не помнишь?

Я заставил его снова прочитать правило, в котором говорится о том, что безударные гласные проверяются ударением, и сказал:

— Вот ты написал «тижёлый». Почему ты так написал?

— Наверно, «тежёлый» надо писать?

— А ты не гадай. Знаешь правило — пользуйся правилом. Измени слово так, чтоб на первом слоге было ударение.

Шишкин стал изменять слово «тяжёлый» и нашёл слово «тяжесть».

— А! — обрадовался он. — Значит, надо писать не «тижёлый» и не «тежёлый», а «тяжёлый».

— Верно, — говорю я. — Вот возьми и сделай упражнение снова, потому что ты делал его и совсем не пользовался правилом, а от этого никакой пользы не может быть. Всегда надо думать, какую букву писать.

— Ну ладно, в другой раз я буду думать, а сейчас

пусть так останется.

— Э, братец, — говорю, — так не годится! Уж если ты обещал слушаться меня, слушайся.

Шишкин со вздохом принялся делать упражнение снова. На этот раз он очень спешил. Буквы у него лепились в тетрадке и вкривь и вкось, валились набок, подскакивали кверху и заезжали вниз. Видно было, что ему уже надоело заниматься.

Тут к нам пришёл Юра. Он увидел, что мы занимаемся, и сказал:

— А, занимаетесь! Вот это хорошо! Что вы тут делаете?

— Упражнение, — говорю. — Ему Ольга Николаевна задала.

Юра заглянул в тетрадь:

— Что же ты тут пишешь? Надо писать «зуб», а ты написал «зуп».

— А какое тут правило? — спрашивает Шишкин. — У меня правило на безударные гласные, а это разве безударная гласная?

— Тут, — говорю, — такое правило, что надо внимательно списывать. Смотри, что в книжке написано? «Зуб»!

— Тут тоже есть правило, — сказал Юра. — Надо изменить слово так, чтобы после согласной,

которая слышится неясно, стояла гласная буква. Вот измени слово.

— Как же его изменить? «Зуб» так и будет «зуб».

— А ты подумай. Что у тебя во рту?

— У меня во рту зубы, и язык ещё есть.

— Про язык тебя никто не спрашивает. Вот ты изменил слово: было «зуб», стало «зубы». Что слышится: «б» или «п»?

— Конечно, «б»!

— Значит, и писать надо «зуб».

В это время пришёл Ваня. Он увидел, что мы занимаемся, и тоже сказал:

— А, занимаетесь!

— Занимаемся, — говорим.

— Молодцы! За это вам весь класс скажет спасибо.

— Ещё чего не хватало! — ответил Шишкин. — Каждый ученик обязан хорошо учиться. За что тут ещё спасибо говорить?

— Ну, это я так просто сказал. Весь класс хочет, чтоб все хорошо учились, а раз вы учитесь, значит, всё будет хорошо.

Тут опять отворилась дверь, и вошёл Вася Ерохин.

— А, занимаетесь! — говорит.

— Что это такое? — говорю я. — Каждый приходит и говорит: «А, занимаетесь!», будто мы первый раз в жизни занимаемся, а до этого и не учились вовсе!

— Да я не про тебя говорю, я про Шишкина, — ответил Вася.

— А Шишкин что? Будто он совсем не учился? У него по всем предметам не такие уж плохие отметки, только по русскому…

— Ну, не сердись, я так просто сказал. Я думал, что он не занимается, а он занимается, вот я и сказал.

— Мог бы хоть что-нибудь другое сказать. Будто других слов нет на свете!

— Откуда же я знал, что это вас так обидит? По-моему, ничего тут обидного нет.

Тут снова отворилась дверь, и на пороге появился Алик Сорокин.

— Сейчас тоже, наверно, скажет: «А, занимаетесь!» — прошептал Шишкин.

— А, занимаетесь! — сказал Алик Сорокин, и рот у него разъехался чуть ли не до ушей.

Мы все чуть от смеха не лопнули.

— Чего вы смеётесь? Что я такого смешного сказал? — смутился Алик.

— Да ничего. Мы не над тобой смеёмся, — отве-

тил я. — А ты чего пришёл?

— Так просто. Думал, может, моя помощь понадобится.

— Может быть, и шахматы с собой захватил? — спросил я.

— Ах я, растяпа! Забыл шахматы захватить! Вот бы мы и сыграли тут!

— Нет, ты уж с шахматами лучше катись отсюда, — сказал Юра. — Пойдёмте домой, ребята, не будем мешать им.

Ребята ушли.

— Это они приходили проверить, учимся мы или нет, — сказал Костя.

— Ну и что же? — говорю я. — Ничего тут обидного нет.

— Что же тут обидного? Я и не говорю. Ребята хорошие, заботливые.

— А Ольга Николаевна сказала маме, что ты не ходил в школу? — спросил я Костю.

— Сказала. И маме сказала, и тёте Зине сказала! Знаешь, какая мне за это была головомойка! Ох и стыдили меня — век помнить буду! Но ничего! Я и то рад, что всё теперь кончилось. Я так мучился, пока не ходил в школу. Чего я только не передумал за эти дни! Все ребята как ребята: утром встанут — в школу идут, а я, как бездом-

ный щенок, таскаюсь по всему городу, а в голове мысли разные. И маму жалко! Разве мне хочется её обманывать? А вот обманываю и обманываю и остановиться уже не могу. Другие матери гордятся своими детьми, а я такой, что и гордиться мною нельзя. И не видно было конца моим мученьям: чем дальше, тем хуже!

— Что-то я не заметил, чтоб ты так мучился, — говорю я.

— Да что ты! Конечно, мучился! Это я только так делал вид, будто мне всё нипочём, а у самого на душе кошки скребут!

— Зачем же ты делал вид?

— Да так. Ты придёшь, начнёшь укорять меня, а мне, понимаешь, стыдно, вот я и делаю вид, что всё хорошо, будто всё так, как надо. Ну, теперь конец этому, больше уже не повторится. Как будто буря надо мной пронеслась, а теперь всё тихо, спокойно. Мне только надо стараться учиться получше.

— Вот и старайся, — сказал я.

— Я и то уже начал стараться.

Глава восемнадцатая

На следующий день Ольга Николаевна проверила упражнение, которое задала Косте на дом, и нашла у него ошибки, каких даже я не заметил. Пропущенные буквы в словах он написал в конце концов правильно, потому что я за этим следил, а ошибок наделал просто при списывании. То букву пропустит, то не допишет слово, то вместо одной буквы другую напишет. Вместо «кастрюля» у него получилась «карюля», вместо «опилки» — «окилки».

— Это у тебя от невнимательности, — сказала Ольга Николаевна. — А невнимательность оттого, что ещё нет, наверно, охоты заниматься как следует. Сразу видно, что ты очень торопишься. Спешишь, как бы поскорей отделаться от уроков.

— Да нет, я не очень спешу, — сказал Костя.

— Как же не спешишь? А почему у тебя буквы такие некрасивые? Посмотри: и косые и кривые, так и валятся на стороны. Если б ты старался, то и писал бы лучше. Если ученик делает урок прилежно, с усердием, то обращает внимание не только на ошибки, но и на то, чтобы было

аккуратно, красиво написано. Вот и сознайся, что охоты у тебя ещё нет.

— У меня есть охота, только вот не хватает силы воли, чтоб заставить себя усидчиво заниматься. Мне всё хочется сделать поскорей почему-то. Сам не знаю почему!

— А потому, что ты ещё не понял, что всё достигается лишь упорным трудом. Без упорного труда не будет у тебя и силы воли и недостатков своих не исправишь, — сказала Ольга Николаевна.

С тех пор по Костиной тетрадке можно было наблюдать, как он боролся со своей слабой волей. Иногда упражнение у него начиналось красивыми, ровными буквами, на которые просто приятно было смотреть. Это значило, что вначале воля у него была сильная и он садился за уроки с большим желанием начать учиться как следует, но понемногу воля его слабела, буквы начинали приплясывать, налезать друг на дружку, валиться из стороны в сторону и постепенно превращались в какие-то непонятные кривульки, даже трудно было разобрать, что написано. Иногда получалось наоборот: упражнение начиналось кривульками. Сразу было видно, что Косте хотелось как можно скорее покончить с этим неинтересным делом, но, по мере того как

он писал, воля его крепла, буквы становились стройнее, и кончалось упражнение с такой сильной волей, что казалось, будто начал писать один человек, а кончил совсем другой.

Но всё это было полбеды. Главная беда была — это ошибки. Он по-прежнему делал много ошибок, и, когда был диктант в классе, он опять получил двойку. Все ребята надеялись, что Костя на этот раз получит хоть тройку, так как все знали, что он взялся за учёбу серьёзно, и поэтому все были очень огорчены.

— Ну-ка расскажи, Витя, как вы занимаетесь с Костей, — сказал Юра на перемене.

— Как занимаемся? Мы хорошо занимаемся.

— Где же хорошо? Почему он до сих пор не исправился?

— Я же не виноват, что так получается! Я с ним каждый день занимаюсь.

— Почему же до сих пор нет никаких сдвигов?

— Я же не виноват, что нет сдвигов! Просто ещё мало времени прошло.

— Как — мало времени? Уже две недели прошло. Просто ты не умеешь заставить Шишкина работать по-настоящему. Придётся тебя сменить. Вот мы попросим Ольгу Николаевну, чтоб она выделила вместо тебя Ваню Пахомова. Он сумеет

заставить Шишкина работать побольше.

— Ну уж это извините! — говорю я. — Меня сам Игорь Александрович назначил. Вы не имеете права меня сменять.

— Ничего. Завтра мы поговорим с Ольгой Николаевной. Думаешь, если тебя Игорь Александрович назначил, так на тебя и управы нет?

— Уступи, Малеев, — сказал Лёня Астафьев. — Всё равно Ольга Николаевна сменит тебя. Ты не справился. Ваня лучше тебя будет заниматься.

— Конечно, лучше, — сказал Юра.

— Это ещё неизвестно, — говорю я.

— Ну что ты споришь? Сам видишь, какие результаты.

Тут и другие ребята стали говорить, чтоб я уступил, но я заупрямился как козёл:

— Нет, пусть меня Ольга Николаевна сменяет, а сам я не уступлю.

— Ну и сменит тебя Ольга Николаевна. Тебе же хуже будет, — сказали ребята.

Не знаю, почему меня такое упрямство одолело. Я и сам чувствовал, что не надо настаивать, раз вышло такое дело и Шишкин получил двойку. Если б на моём месте был кто-нибудь другой, может быть, всё было бы совсем не так, а иначе. Ну что ж, ничего не поделаешь!

В этот день мы с Шишкиным были очень огорчены.

— Мы занимаемся с тобой сегодня в последний раз. Завтра Ольга Николаевна, наверно, сменит меня, — сказал я, когда пришёл к нему после школы.

— А может быть, Ольга Николаевна и не сменит, — сказал Костя.

— Да нет, — говорю. — Всё равно от меня, видно, мало толку. Наверно, я не умею учить. Мне только обидно, что Игорь Александрович будет недоволен. Я обещал ему подтянуть тебя, а тут видишь, что вышло. И ещё он сказал, что это мне как общественная работа. Значит, я с общественной работой не справился и не будет у меня никакого авторитета.

— А может быть, это вовсе и не ты виноват? Может быть, это я сам виноват? — сказал Костя. — Надо мне было лучше учиться. Ты знаешь, я тебе открою секрет: это я сам виноват. Я всегда спешил, торопился, вот и писал плохо и делал много ошибок. Если бы я не торопился, то учился бы лучше.

— Почему же ты торопился?

— Ну, я тебе открою секрет: мне хотелось каждый раз поскорей отделаться от уроков и начать

учить Лобзика.

— И ты его учил?

— Учил.

— А, — говорю, — то-то у тебя буквы то такие, то этакие. Значит, ты писал, а сам думал не о том, что пишешь, а о своём Лобзике.

— Ну, вроде этого. Я и о том думал и о другом. Поэтому, наверно, такие результаты.

— Результаты, — говорю я, — никаких результатов нет. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Надо было одного зайца ловить.

— Ну, одного зайца-то я поймал.

— Какого?

— Ну, Лобзика-то я выучил. Сейчас увидишь. Лобзик, иди сюда!

Лобзик подбежал к нему. Костя показал ему табличку с цифрой «три».

— Ну-ка скажи, Лобзик, какая это цифра?

Лобзик пролаял три раза.

— А это?

Костя показал ему цифру «пять». Лобзик пролаял пять раз.

— Видишь, я потихоньку щёлкаю пальцами, и он знает, когда нужно останавливаться.

— Как же ты этого добился? — спросил я.

— Сначала он никак не хотел понимать сиг-

нала. Тогда я стал делать так: как только он пролает столько раз, сколько нужно, я бросаю ему сахар, или кусочек колбасы, или хлеба и в это же время щёлкаю пальцами. Лобзик бросается ловить подачку и перестаёт лаять. Так я приучал его несколько дней, а потом попробовал только щёлкать пальцами и ничего не давал. Лобзик всё равно останавливался, так как привык в это время получать что-нибудь вкусное. Как услышит щелчок, так сейчас же перестаёт лаять и ждёт, чтоб я чего-нибудь дал. Сначала я щёлкал громко, но постепенно приучил к тихим щелчкам.

— Ну вот, — говорю, — значит, ты, вместо того чтоб самому выучиться, собаку выучил!

— Да, — говорит, — у меня всё как-то шиворот-навыворот получается. Безвольный я человек! Ну теперь уже всё равно я его выучил и буду сам как следует заниматься. Больше ничто мне мешать не будет, вот увидишь!

— Увижу, — говорю. — Только теперь уже не я это увижу, а Ваня.

На другой день Костя собрал все упражнения, которые ему задавала на дом Ольга Николаевна, и понёс в школу. Он показал всё это Ольге Николаевне и сказал:

— Ольга Николаевна, вот это все упражнения,

которые вы мне задавали. Вот тут вот, смотрите, хорошие, а вот тут плохие. Это, если я делал упражнение плохо, Витя заставлял меня переделывать снова. Скажите, разве он плохо со мной занимался?

— Я знаю, что Витя хорошо с тобой занимается, — сказала Ольга Николаевна. — Но ты и сам должен быть старательнее. Нужно отнестись к делу ещё серьёзнее. Витя тебе помогает, но учиться за тебя ведь он не может. Ты сам должен учиться.

— Я сам буду учиться, Ольга Николаевна, только разрешите, чтоб Витя помогал мне. Он уже столько времени потратил со мной.

— Хорошо, пусть помогает. Я вижу, что Витя добросовестно занимается с тобой. Скоро каникулы, вот вы вместе зайдите ко мне в первый же день. Я тебе дам задание на каникулы, а Вите расскажу, как заниматься с тобой, чтоб были лучшие результаты.

Мы обрадовались, когда услышали, что Ольга Николаевна согласна, чтоб я продолжал заниматься с Костей. А Костя сказал:

— Ольга Николаевна, у нас ещё есть дрессированная собака Лобзик. Разрешите нам выступить с этой собакой на новогоднем вечере.

— А что ваша собака умеет делать?

— Она арифметику знает. Умеет считать, как та собака, которую мы видели в цирке.

— Кто же её выучил?

— Мы сами.

— Ну хорошо. Приводите её на новогодний вечер. Я думаю, всем ребятам будет интересно посмотреть на учёную собаку.

Глава девятнадцатая

Мне было очень досадно, что Костя без меня выучил Лобзика, так как мне тоже было интересно его учить, но теперь уже всё равно ничего не поделаешь.

— Ты не горюй, — сказал Костя. — Когда-нибудь я встречу на улице ещё какую-нибудь бездомную собаку и подарю тебе, тогда ты сам сможешь её выучить.

— Самому мне неинтересно, — ответил я. — Я люблю всё в компании делать, а один я возиться не стану.

— Ну, я ведь буду помогать тебе учить её. Мы вместе будем дрессировать, и у тебя тоже будет учёная собака.

— Нет, — говорю, — это не годится. Как только появится новая собака, ты начнёшь с ней заниматься, вместо того чтобы делать уроки. Лучше отложим это дело до лета.

— Ну ладно, если не хочешь, отложим. А ребятам скажем, что Лобзик — это наш с тобой ученик. Мы ведь начали учить его вместе. И будем вместе выступать с ним на новогоднем вечере.

— А вдруг он испугается, когда попадёт на сцену? — говорю я. — Надо заранее приучить его, чтоб он не пугался людей.

— Как же его приучить?

— Надо повести его куда-нибудь, где побольше людей. Вот окончим уроки и поведём его к нам, покажем нашим, как он умеет считать.

Когда мы кончили делать уроки, Костя надел на Лобзика ошейник, привязал к ошейнику поводок, и мы отправились ко мне. Как раз в это время к нам пришли тётя Надя и дядя Серёжа.

— Сейчас мы покажем вам учёную собаку, — сказал я. — Садитесь все на места, как в театре, и смотрите внимательно.

Мы посадили Лобзика на табурет. Костя достал из кармана таблички с цифрами и стал приказывать Лобзику считать. Лобзик лаял исправно. Тут мне в голову пришла замечательная мысль. Я не стал показывать Лобзику никакой цифры, а просто спросил:

— Ну-ка, Лобзик, скажи, сколько будет дважды два?

Лобзик пролаял четыре раза. Конечно, я вовремя щёлкнул пальцами.

Лика обрадовалась:

— Ого! Он даже таблицу умножения знает!

Все хвалили нас за то, что мы так хорошо выучили собаку, а мы сказали, что будем выступать с Лобзиком на новогоднем вечере в школе.

— А у вас костюмы для выступления есть? — спросила Лика.

— Ну, уж будто нельзя без костюмов, — говорю я.

— Без костюмов неинтересно, — сказала Лика. — Лучше я вам разноцветные колпаки сделаю. Вы будете в этих колпаках, как два клоуна в цирке.

— Из чего же ты сделаешь колпаки?

— У меня разноцветная бумага есть. Я купила для ёлочных украшений.

— Ну, — говорю, — делай. С колпаками даже ещё лучше будет.

— А нельзя ли Лобзику тоже сделать колпак? — спросил Костя.

— Нет, Лобзик будет очень смешной в колпаке. Лучше я ему сделаю воротничок из золотой бумаги.

— Ладно, делай что хочешь, — говорю я.

— Теперь пойдём к Глебу Скамейкину, покажем ему, как наш Лобзик умеет считать, — предложил Костя.

Мы пошли к Глебу, от Глеба — к Юре, от Юры — к Толе. Везде мы показывали искусство Лоб-

зика, и за это Лобзик получал разные вкусные вещи. Наконец мы отправились к Ване Пахомову, а у Ваниных родителей как раз были гости. Мы обрадовались и решили, что у нас получится настоящая репетиция. Но напрасно мы радовались. Мы осрамились так, что не знали, куда от стыда деваться. Лобзик, вместо того чтоб отвечать правильно, начал путать и врать. Ни одной цифры не назвал правильно! Наконец совсем перестал отвечать. А мы-то расхвастались, что привели учёную собаку-математика! Пришлось нам уйти с позором.

— Что же это случилось с ним? — сказал Костя, когда мы вышли на улицу.

Он дал Лобзику кусочек сахару, но Лобзик только разгрыз его и тут же выплюнул.

— Теперь понятно, — сказал я. — Мы просто обкормили его. Он объелся, поэтому и не старается отвечать правильно.

Костя сказал:

— А вдруг во время представления в школе такая штука случится? Вот будет позор на всю школу! Может быть, нам лучше не выступать?

— Нет, — говорю, — теперь уже поздно отказываться. Раз взялись, так надо до конца довести.

Целый день накануне Нового года Костя волно-

вался и всё пытался дрессировать Лобзика.

— Оставь его в покое, — сказал я. — Опять ты ему надоешь за день, а когда будет нужно, он не захочет отвечать.

— Ладно, не буду его больше трогать. Иди отдыхай, Лобзик!

Мы оставили Лобзика в покое, а сами стали готовиться к представлению. Лика приготовила нам два колпака: мне — синий с серебряными звёздочками, а Косте — зелёный с золотыми звёздами. Кроме того, она сделала нам серебряные воротники и золотые манжеты на рукава. Мы всё это примерили и остались очень довольны. Получилось прямо как два настоящих клоуна в цирке. Лобзику тоже был сделан золотой воротник.

Наконец время пришло, и мы отправились с Лобзиком в школу.

Пока шло первое отделение концерта, мы сидели с Лобзиком в зале, чтоб он привыкал к публике, а потом пошли за кулисы и стали ждать своей очереди. Так мы посмотрели выступления всех ребят и ничего не пропустили. Мы заранее нарядились в свои колпаки, надели Лобзику на шею воротничок. И вот занавес открылся, и все увидели, как мы с Костей вышли на сцену в своих разноцветных колпаках. Костя шёл впереди, за

ним бежал на поводке Лобзик, а я шёл сзади, и в руках у меня был чемоданчик, где лежали все вещи, которые мы приготовили для представления. Костя посадил Лобзика на табурет посреди сцены и сказал:

— Дорогие ребята, сейчас перед вами выступит учёная собака-математик, по имени Лобзик. Пока она выучилась считать до десяти, но она будет учиться дальше, и тогда мы вам её снова покажем. Мы просим, чтоб вы вели себя тихо, потому что наш Лобзик выступает на сцене впервые и может испугаться шума.

Костя, видно, очень волновался, и голос у него дрожал. Я тоже волновался, и если бы мне пришлось говорить, то я, наверно, не смог бы сказать ни одного слова.

— Ну, начинаем представление, — закончил Костя.

Я достал из чемодана три деревянные чурки и поставил их рядышком на столе так, чтоб было всем видно.

— Сейчас Лобзик сосчитает, сколько на столе чурок, — объявил Костя. — Ну, считай, Лобзик!

Лобзик пролаял три раза.

Ребята громко захлопали в ладоши и закричали от радости. Лобзик испугался, соскочил с табурета

и бросился бежать. Костя догнал его, сунул в рот ему кусок сахару и посадил обратно на табурет. Лобзик принялся грызть сахар. Ребята постепенно утихли. Я достал из чемодана ещё одну чурку и поставил рядом с остальными.

— Ну а теперь сколько чурок? — спросил Костя.

Лобзик пролаял четыре раза.

Ребята снова дружно захлопали. Лобзик опять хотел соскочить с табурета, но Костя вовремя подхватил его и сунул ему в рот кусок сахару.

Я поставил на стол ещё три чурки.

— А теперь сколько стало чурок? — спросил Костя.

Лобзик пролаял семь раз.

Я достал из чемодана табличку с цифрой «2» и показал публике.

— Какая это цифра? — спросил Костя.

Лобзик пролаял два раза.

Мы стали показывать Лобзику разные цифры; потом Костя спрашивал:

— Сколько будет дважды два? Сколько будет дважды три? Сколько будет три плюс четыре?

Лобзик отвечал правильно. Ребята всё время хлопали в ладоши, но Лобзик постепенно привык к аплодисментам и уже не пугался.

Я тоже перестал волноваться и сказал:

— Ребята, наш Лобзик умеет даже задачи решать. Кто хочет, может задать какую-нибудь задачку, чтоб были небольшие числа, и Лобзик решит.

Тут встал один мальчик и задал такую задачу: «Бутылка и пробка стоят 10 копеек. Бутылка на 8 копеек дороже пробки. Сколько стоит бутылка и сколько пробка?»

— Ну, Лобзик, — говорю, — подумай и реши задачу.

Конечно, Лобзику нечего было думать. Это я говорил так, чтобы самому подумать. Я быстро решил задачу: пробка стоила 2 копейки, бутылка 8 копеек, а вместе 10 копеек.

— Ну, Лобзик, говори: сколько стоит пробка? — спросил я.

Лобзик пролаял два раза.

— А бутылка?

Лобзик пролаял восемь раз.

Ну и крик тут поднялся!

— Неправильно! — кричали ребята. — Собака ошиблась!

— Почему неправильно? — говорю я. — Вместе ведь стоят 10 копеек. Значит, бутылка 8 копеек, а пробка 2.

— Как же? Ведь в задаче сказано, что бутылка на 8 копеек дороже пробки. Если пробка стоит 2 копейки, то бутылка должна стоить 10 копеек, а они вместе стоят 10 копеек, — объяснили ребята.

Тут я сообразил, что ошибся, и говорю:

— Слушай, Лобзик, ты ошибся. Подумай хорошенько и реши задачу правильно.

Конечно, это мне самому надо было подумать, а не Лобзику, но я сказал:

— Подождите, ребята, сейчас он подумает и решит правильно.

— Пусть думает, — закричали ребята. — Не надо его торопить. Для собаки эта задача, конечно, трудная.

Я стал думать: «Если бутылка на 8 копеек дороже пробки, то пробка, значит, стоит 2 копейки, а бутылка 10. Но в таком случае они вместе будут стоить 12 копеек, а в задаче сказано, что вместе они стоят 10 копеек. Если же пробка стоит 2 копейки, а бутылка 8 копеек, то выходит, что бутылка всего на 6 копеек дороже». Прямо затмение на меня нашло! Что это за задача такая? Не задача, а какой-то заколдованный круг!

— Подождите ещё, ребята, — говорю я. — Ему ещё немного надо подумать. Сейчас он пораскинет умом и решит.

— Ничего, пусть думает! — закричали ребята. — Собака — не человек. Не может же она сразу.

«Да, — думаю, — тут и человек не может сразу решить, не то что собака!»

Стал снова думать.

— Эх ты, чудак! — прошептал Костя. — Пробка ведь стоит копейку!

Тут я сообразил, в чём дело: пробка стоит копейку, а бутылка на 8 копеек дороже, значит, 9, а вместе — 10.

— Есть! — закричал я. — Внимание! Сейчас Лобзик ответит правильно.

Ребята затихли.

— Ну, отвечай, Лобзик, сколько стоит пробка?

Лобзик пролаял один раз.

— Ура! — закричали ребята.

— Тише, — говорю я. — Ещё не вся задача. Пусть теперь скажет, сколько стоит бутылка.

Лобзик пролаял девять раз. Ну и шум тут поднялся! Ребята хлопали в ладоши и громко кричали.

— Вот так собака! — говорили они. — Хоть ошиблась, но в конце концов решила задачу правильно.

На этом представление окончилось.

Глава двадцатая

И вот наступил Новый год, и начались зимние каникулы. Во всех домах красовались нарядные ёлки. Настроение у всех было весёлое, праздничное. У нас с Костей тоже было праздничное настроение, но мы решили не только гулять во время каникул, а и заниматься. В первый же день мы пошли к Ольге Николаевне и получили у неё задание на каникулы.

У Кости появилась такая охота к ученью, что он согласен был учиться по целым дням, но я решил, что мы будем работать по два часа в день, остальное время гулять, отдыхать или книжки читать. Так мы занимались с ним каждый день, и Костя начал понемногу выправляться. Когда каникулы кончились, у нас вскоре был диктант, и Костя получил за него тройку. Он был так рад, будто это была не тройка, а самая настоящая пятёрка.

— Чего ты так радуешься? — сказал я ему. — Тройка не такая уж замечательная отметка.

— Ничего, сейчас для меня хороша и тройка. Я уже давно тройки по письму не получал. Но я на этом не успокоюсь. Вот увидишь, в следующий раз получу четвёрку, а там и до пятёрки доберусь.

— Конечно, доберёшься, — сказал ему Юра. — Но ты сейчас ещё о пятёрке не думай, а скорей получай четвёрку, тогда у нас в классе ни одного троечника не будет.

— Не беспокойся, — ответил Костя, — всё будет в порядке. Теперь уже класс не будет за меня

краснеть. Я теперь понял, что каждый должен бороться за честь своего класса. Я и то уже поборолся как следует, а теперь уже совсем немножко осталось.

Ольга Николаевна тоже была рада, что Шишкин стал лучше учиться.

— Пора вам, ребята, включаться в общественную работу, — сказала она нам. — Все что-нибудь делают на общую пользу, только вы ничем не заняты.

— Теперь мы тоже возьмём какую-нибудь работу, — говорю я.

— Возьмём, — говорит Костя. — Я уже давно хочу работать в стенгазете, да меня всё не выбирают в редколлегию.

— Правда, — говорю я. — Пусть нас выберут в редколлегию стенгазеты.

— В редколлегию вам ещё рано. Там должны работать самые авторитетные ребята, — сказала Ольга Николаевна.

— Ну, всё равно, мы и на какую-нибудь другую работу согласны, — говорит Костя. — Если хотите, пусть нас выберут в санкомиссию. Я уже был в санкомиссии, когда учился во втором классе. Мне очень нравилось ходить и всем приказывать, чтоб мыли руки и чтоб у всех были чистые уши.

— Санкомиссия у нас уже выбрана. Если хотите, я вам дам очень интересную работу. Нужно организовать классную библиотечку. Будете выдавать ребятам книги.

— А где взять книги? — спрашиваю я.

— Книги получите в школьной библиотеке. А шкаф я вам дос-тану.

— Я возьмусь, — говорит Костя. — Я люблю книги читать.

— Я тоже, — говорю, — возьмусь.

— Значит, договорились. Постарайтесь быть хорошими библиотекарями. Берегите книги, следите, чтоб ребята тоже бережно обращались с книгами.

Мы пошли к нашей библиотекарше Софье Ивановне, сказали, что мы теперь тоже будем библиотекарями в четвёртом классе и нам нужны книги.

— Вот и хорошо, — сказала Софья Ивановна. — Книги для четвёртого класса у меня есть. Вы сейчас их возьмёте?

Она дала нам целую стопку книг для четвёртого класса, и мы перетащили их в наш класс. Книг было много, штук сто, но когда мы поставили их в шкаф на полки, то нам показалось мало, потому что они заняли всего три полки, а три полки

остались пустые.

— Может быть, нам из дому принести ещё книжек, чтоб было побольше? — сказал Костя. — Я могу штук пять принести или шесть.

— Я тоже, — говорю, — могу принести штук пять, но этого мало. На три полки не хватит.

— А что, если у ребят попросить? Может быть, у кого-нибудь есть старые книжки, которые уже прочитаны. Пусть принесут для библиотечки.

Мы поговорили об этом с Ольгой Николаевной.

— Что же, скажите ребятам, может быть, ребята откликнутся на вашу просьбу, — сказала Ольга Николаевна.

На другой день мы объявили ребятам, что теперь у нас будет своя классная библиотечка, только книг у нас ещё не очень много, и кто хочет, пусть принесёт для библиотечки хоть по одной книжке.

На эту просьбу откликнулись все ребята, и каждый принёс кто книгу, кто две, а многие принесли и больше.

Книг получилось так много, что весь шкаф целиком заполнился. Мы хотели тут же начать выдавать книги ребятам, но Ольга Николаевна сказала, что нужно сначала сделать журнал.

Мы взяли толстую тетрадь и в эту тетрадь за-

писали каждую книгу под номером. Теперь если нужно было отыскать какую-нибудь книгу, то можно было не рыться на полках, а посмотреть по журналу.

Костя радовался, что теперь в нашей библиотечке такой порядок. Особенно ему нравилось, что все полки заняты книгами.

— Теперь как раз хорошо! — говорил он. — Ни прибавить ничего нельзя, ни убавить.

Он то и дело отворял шкаф и любовался на книги.

Некоторые книжки были уже старенькие. У некоторых еле держались переплёты или оторвались страницы. Мы решили взять такие книжки домой, чтоб починить. И вот, сделав все уроки, мы пошли с Костей ко мне, потому что у меня дома был клей, и взялись за дело.

Лика увидела, что мы починяем книжки, и тоже захотела нам помогать.

Особенно много возни у нас было с переплётами. Костя всё время ворчал.

— Ну вот! — говорил он. — Не знаю, что ребята делают с книжками. Бьют друг друга по голове, что ли?

— Кто же это дерётся книжками? — сказала Лика. — Вот ещё выдумал! Книги вовсе не для того.

— Почему же переплёты отрываются? Ведь если я буду сидеть спокойно и читать, разве переплёт оторвётся?

— Конечно, не оторвётся.

— Вот об этом я и говорю. Или вот, смотрите: страница оторвалась! Почему она оторвалась? Наверно, кто-то сидел да дёргал за листик, вместо того чтоб читать. А зачем дёргал, скажите, пожалуйста? Вот дёрнуть бы его за волосы, чтоб не портил книг! Теперь страничка выпадет и потеряется, кто-нибудь станет читать и ничего не поймёт. Куда это годится, спрашиваю я вас?

— Верно, — говорим, — никуда не годится.

— А вот это куда годится? — продолжал кричать он. — Смотрите, собака на шести ногах нарисована! Разве это правильно?

— Конечно, неправильно, — говорит Лика. — Собака должна быть на четырёх ногах.

— Эх ты! Да разве я о том говорю?

— А о чём?

— Я говорю о том, что разве правильно в книжках собак рисовать?

— Неправильно, — согласилась Лика.

— Конечно, неправильно! А на четырёх она ногах или шести, в этом разницы нет, то есть для книжки, конечно, нет, а для собаки есть. Вообще

в книжках ничего не надо рисовать — ни собак, ни кошек, ни лошадей, а то один нарисует собаку, другой кошку, третий ещё что-нибудь придумает, и получится в конце концов такая чепуха, что и книжку невозможно будет читать.

Он взял резинку и принялся стирать собаку. Потом вдруг как закричит:

— А это что? Рожу какую-то нарисовали, да ещё чернилами!

Он принялся стирать рожу, но чернила въелись в бумагу, и кончилось тем, что он протёр в книге дырку.

— Ну, если б знал, кто это нарисовал, — кипятился Шишкин, — я бы ему показал! Я бы его этой книжкой — да по голове!

— Ты ведь сам говорил, что книжками нельзя бить по голове, — сказала Лика. — От этого переплёты отскакивают.

Костя осмотрел книгу со всех сторон.

— Нет, — говорит, — эта книжка выдержит, у неё переплёт хороший.

— Ну, — говорю я, — если все библиотекари будут бить читателей по голове книжками, то переплётов не напасёшься!

— Надо же учить как-нибудь, — сказал Костя. — Если у нас будут такие читатели, то я и не знаю,

что будет. Я не согласен, чтоб они государственное имущество портили.

— Надо будет объяснить ребятам, чтоб они бережно обращались с книжками, — говорю я.

— А вы напишите плакат, — предложила Лика.

— Вот это дельное предложение! — обрадовался Костя. — Только что написать?

Лика говорит:

— Можно написать такой плакат: «Осторожней обращайся с книгой. Книга не железная».

— Где же это ты видела такой плакат? — спрашиваю я.

— Нигде, — говорит, — это я сама выдумала.

— Ну, и не очень умно, — ответил я. — Каждый без плаката знает, что книга железная не бывает.

— Может быть, написать просто: «Береги книгу, как глаз». Коротко и ясно, — сказал Костя.

— Нет, — говорю, — мне это не нравится. При чём тут глаз? И потом, не сказано, почему нужно беречь книгу.

— Тогда нужно написать: «Береги книгу, она дорого стоит», — предложил Костя.

— Тоже не годится, — ответил я, — есть книжки дешёвые, так их рвать нужно, что ли?

— Давайте напишем так: «Книга — твой друг.

Береги книгу», — сказала Лика.

Я подумал и согласился:

— По-моему, это подойдёт. Книга — друг человека, потому что книга учит человека хорошему. Значит, её нужно беречь, как друга.

Мы взяли бумагу, краски и написали плакат.

На другой день мы повесили этот плакат на стене, рядом с книжным шкафом, и начали выдавать ребятам книжки.

Выдавая кому-нибудь из учеников книгу, Костя говорил:

— Смотри, чтоб никаких собак, ни рож, ни чертей в книге не было.

— Как это?

— Ну, возьмёшь да нарисуешь в книге какую-нибудь загогулину.

— Зачем же я стану рисовать?

— Будто я знаю! Моё дело предупредить, чтоб ни рож, ни собак. Это книжка общественная. Если б это была твоя собственная книга, тогда, пожалуйста, рисуй, но даже в собственной книжке не надо ничего рисовать, потому что после тебя она достанется твоему младшему брату или сестре или товарищу дашь почитать. Так что моё дело предупредить, а если ты не будешь слушаться, то потом я не так с тобой буду разговаривать.

— Ну ладно, сказал — и хватит.

Но Костя не унимался, и каждому, кто брал книжки, он растолковывал в отдельности, почему надо бережно обращаться с книгами.

После уроков он, пригорюнившись, сидел возле шкафа и с грустью смотрел на поредевшие ряды книг на полках.

— Эх, — горевал он. — Снова книг мало стало! Так хорошо было! Шкаф был полнёхонек, а теперь хоть бери и опять где-нибудь доставай книг.

— Что ж тут такого? — утешал его я. — Ведь ребята прочитают и принесут книги обратно.

— «Принесут»! Принести-то они принесут, да что толку! — ответил Костя. — Они одни книжки принесут, а другие взамен их возьмут. Вот никогда и не соберёшь всех книг обратно.

— Зачем же их собирать? Ведь книги для того, чтоб читать, а не для того вовсе, чтоб на полках стоять.

Я взял и себе книжку, чтоб почитать дома.

— Как? — говорит Костя. — И ты берёшь? И так книжек мало осталось.

— Да я, — говорю, — быстренько прочитаю и принесу.

Тогда и он взял себе книжку.

— Ну ничего, — утешал он сам себя. — Будет на

одну книжку меньше. Всё равно их мало осталось.

С тех пор мы с Костей имели свободный доступ к книгам и стали много читать. Костя так увлёкся, что читал даже на улице. Возьмёт из библиотечки книжку, идёт по улице и читает. Кончилось это тем, что он налетел на фонарный столб и набил на лбу шишку. После этого он перестал читать на улице и читал только дома.

К библиотечной работе он относился серьёзно, и постепенно у него даже характер переменился. Он стал аккуратным, более организованным и не таким рассеянным, как раньше. К ребятам он относился требовательно. Если кто-нибудь приходил за книжкой с грязными руками, он начинал «пилить» его:

— Как тебе не стыдно? Почему у тебя такие грязные руки?

— Ну, испачкались. Тебе-то какое дело?

— Как — какое дело? Ты ведь за книжкой пришёл?

— За книжкой.

— И ты такими руками, значит, будешь брать книжку?

— Какими же мне её ещё брать руками?

— Чистыми надо брать руками. Ты ведь своими

руками книжку испачкаешь!

— Ну, я приду домой — вымою.

— Нет, голубчик, иди-ка ты лучше под кран и вымой руки, а потом я тебе дам книжку.

Если кто-нибудь брал книжку и долго не приносил, Костя делал ему выговор:

— И тебе не стыдно так долго книжку держать? Другим ребятам тоже хочется почитать, а ты держишь и держишь! Если неохота читать, отдай книжку обратно, а потом снова возьмёшь.

— Я ведь не прочитал. Прочитаю и принесу.

— Так ты, может, до скончания веков будешь читать!

— Зачем до скончания веков? Книжка ведь выдаётся на десять дней.

— Ну, на десять дней. А ты когда взял?

— А я взял неделю назад. Ещё не прошло десяти дней.

— А тебе обязательно надо, чтобы все десять дней прошли? Десять дней — крайний срок. А ты прочитал раньше и приноси раньше, никто тебе не велит все десять дней держать.

— Так говорят же тебе, что ещё не прочитал!

— Ну, так читай быстрей!

Если кто-нибудь слишком быстро приносил книгу, ему это тоже не нравилось:

— Послушай, когда же ты успел прочитать? Вчера только взял книжку, а сегодня уже обратно принёс! Может быть, ты и не читал её?

— Зачем же я тогда брал?

— Откуда же я знаю, зачем ты берёшь! Может быть, ты только картинки рассматриваешь.

— Что я, маленький?

— Ну ладно, рассказывай, о чём здесь написано.

— Что это ещё за экзамен?

— Ну, мне нужно проверить, читал ты или не читал.

— Не твоё это дело! Твоё дело выдавать книжки, а не проверять.

— Нет, уж если меня назначили библиотекарем, то я должен проверить. Если ты не читаешь, то тебе, может быть, не нужно и давать книг. Пусть лучше кто-нибудь другой берёт, кто читает.

Приходилось ученику рассказывать содержание книжки.

Глава двадцать первая

С тех пор как Костя исправил свою двойку по русскому и мы с ним стали вести общественную работу, наш авторитет среди ребят очень повысился. Косте разрешили играть в баскетбольной команде, и он оказался очень способным игроком. Мы выбрали его капитаном нашей команды. Костя очень хорошо натренировал свою команду, и мы выиграли первенство в школьном соревновании. От этого наш авторитет ещё больше увеличился, и о нашей команде написали в школьной стенгазете.

Но ещё не всё было у нас благополучно. Мы с Костей упорно продолжали заниматься по русскому языку, но он как застрял на тройке, так и не мог сдвинуться с места. Ему казалось, что после тройки он тут же сразу получит четвёрку, а потом и пятёрку, но не тут-то было! Ольга Николаевна упорно продолжала ставить ему тройки, так что в конце концов Костя даже начал приходить в отчаяние.

— Вы понимаете, — говорил он Володе, — мне теперь уже нельзя учиться на тройку. Я библио-

текарь в классе и капитан команды. Про меня в школьной стенгазете написано. А я учусь на тройку! Куда это годится?

— Потерпи ещё немного, — сказал Володя. — Надо продолжать заниматься.

— А я разве к тому говорю, чтоб не заниматься? Я всё равно буду заниматься, только мне Ольга Николаевна никогда не поставит отметки лучше, чем тройка. Она уже привыкла, что я плохо учусь. Так я и буду ехать всё время на тройке.

— Нет, — ответил Володя. — Ольга Николаевна справедливая. Когда ты будешь знать на четвёрку, она поставит тебе четвёрку.

— Ах, скорей бы она поставила! — говорил Костя. — Во всём классе один я троечник. Если бы не я, весь класс учился бы только на «хорошо» и «отлично». Я всему классу дело порчу!

Мы снова решительно брались за дело.

Ольга Николаевна тоже занималась с Костей отдельно после уроков, и он хотя медленно, но зато верно продвигался вперёд.

Прошло полтора месяца с тех пор, как Костя получил тройку, и вот у него наконец появилась четвёрка. Это было радостное событие для всего класса.

В тот же день у нас было собрание, и Ольга Ни-

колаевна сделала сообщение об успеваемости.

— Теперь у нас в классе нет плохих отметок, — сказала она. — Мы изжили не только двойки, но даже и тройки.

Она сказала, что мы с Костей очень хорошо поработали и Костя подтянулся так, что в дальнейшем сможет хорошо учиться.

— В нашей школе есть очень хорошие классы, где много отличников и хороших учеников, но такого дружного класса, как наш, где все учатся только хорошо и отлично, пока больше нет, — сказала Ольга Николаевна. — Думаю, что и другие классы последуют хорошему примеру наших учеников и добьются хорошей успеваемости. А вам, ребята, не нужно успокаиваться на достигнутом. Если вы успокоитесь и станете меньше работать, то опять можете снизить отметки.

После Ольги Николаевны выступил вожатый Володя и сказал:

— Ребята, я напишу о вашем классе статью в школьную стенгазету, чтоб вся школа знала, как вы работаете, и чтоб другие классы могли брать с вас пример. А вы расскажите, что вам помогло добиться хороших результатов в учёбе.

— Я думаю, это оттого, что Ольга Николаевна нас хорошо учила, — сказал Ваня Пахомов.

— Ольга Николаевна у нас очень хорошая, вот это и потому, — сказал Вася Ерохин.

— В классе не всё зависит от учительницы, — сказала Ольга Николаевна. — И у хороших учителей бывают такие классы, где не все ученики учатся хорошо.

— Мы добились успехов потому, что Ольга Николаевна нас хорошо учила, и ещё потому, что все захотели хорошо учиться, — сказал Толя Дёжкин.

— Вот и скажите, почему все захотели? — спросил Володя.

— Можно мне сказать? — попросил Костя. — Мне кажется, это потому, что у нас в классе между ребятами настоящая дружба. Каждый думает не только о себе, но и о своих товарищах. Это я на себе испытал. Когда я плохо учился, все ребята думали обо мне. Только я тогда был ещё очень глупый и даже обижался. А теперь я вижу, что ребята хотели мне помочь и боролись за честь всего класса.

— Ты правильно сказал, Костя: дружба помогла вашему классу добиться успехов, — сказал Володя. — В вашем классе ребята поняли, что настоящая дружба состоит не в том, чтобы прощать слабости своих товарищей, а в том, чтобы быть

требовательным к своим друзьям.

— Позвольте мне сказать, — попросил я. — Вот я теперь понял, как нужно относиться к своему другу. От него надо требовать, чтоб он был хорошим. Если он ошибается, то надо ему сказать, а если не скажешь, значит, ты сам плохой товарищ. Это я тоже на себе испытал. Костя сначала поступал неправильно, а я помогал ему в этом, и от этого получился один только вред. А потом я стал требовательным к нему, и теперь я ему настоящий друг.

— Ты рассудил правильно, — ответил мне Володя.

Так мы разговаривали долго и задавали разные вопросы, а потом Костя сказал:

— Ольга Николаевна, я хочу попросить вас: поставьте мне мою четвёрку в дневник.

— В конце недели я буду проставлять всем отметки, тогда и тебе поставлю, — ответила Ольга Николаевна.

— Ну поставьте сегодня, Ольга Николаевна, мне очень хочется!

— Зачем же тебе так спешно? Твоя четвёрка от тебя не уйдёт.

— Я знаю, что не уйдёт. Я хотел показать маме. Я давно уже обещал маме, что у меня будет чет-

вёрка по русскому языку.

— Разве мама тебе без дневника не поверит? — спросила Ольга Николаевна.

— Поверит! — ответил Костя. — Только, знаете, на словах это так… А когда в дневнике — это совсем иначе.

— Правда, Ольга Николаевна, поставьте! Ему очень хочется! — стали просить ребята.

Володя тоже сказал:

— Мы все просим, Ольга Николаевна! Только ему, а остальным в конце недели.

Ольга Николаевна улыбнулась.

— Ну, если все просят… — сказала она и взяла у Кости дневник.

Костя с волнением смотрел, как Ольга Николаевна поставила в его дневнике четвёрку. И все ребята тоже с волнением смотрели.

Мы с Костей вышли из школы, и я заметил, что, пока мы сидели в классе, на дворе стало теплей. Мороз отпустил. С утра ещё было холодно, а теперь под крышами заплакали сосульки. Они сверкали на солнышке, как блестящие украшения на новогодней ёлке. В лицо нам дул ветер. Он был какой-то мягкий, тёплый и ласковый. От него пахло вот как пахнет водой у реки в жаркий день. Казалось, что этот ветер примчался к нам прямо

с юга, из широких степей Казахстана, где уже наступила весна и начался сев. На душе у меня стало так хорошо, так радостно! Сердце громко стучало в груди и рвалось на простор. Хотелось куда-то мчаться или лететь. В голове теснились какие-то чудесные мысли, от которых захватывало дух, хотелось быть добрым, хорошим; хотелось сделать что-то необыкновенное, чтобы все удивились и чтобы всем стало так хорошо, как было мне.

Вот какие мысли были у меня в голове. А Костя шёл и ничего не замечал.

Потом он остановился, вынул из сумки дневник и полюбовался на свою четвёрку.

— Вот она, четвёрочка! — улыбнулся он. — Сколько я мечтал о ней! Сколько раз думал: вот получу четвёрку и покажу маме, и мама будет довольна мной. Я знаю, что не для мамы учусь, мама всегда говорит об этом, но всё-таки я хоть немножечко, а и для мамы учусь. Ведь ей хочется, чтоб её сын был хорошим. Я буду хорошим, вот увидишь. И мама будет гордиться мной. Ещё поднажму, и у меня будет пятёрка. Пусть тогда мама гордится. И тётя Зина пусть тоже гордится. Пусть, мне не жалко. Ведь тётя Зина тоже хорошая, хотя и пробирает меня иногда.

Он спрятал в сумку дневник и огляделся по

сторонам. Потом вздохнул полной грудью.

— Ты чувствуешь? — сказал он. — Это весенний ветер! Скоро весна. Ведь сейчас уже конец февраля, а февраль — последний месяц зимы. Скоро наступит март, и придёт весна, и поте-кут ручейки, и зазеленеет трава, в лесах проснутся ежи и ужи и другие разные звери, и запоют птички, и зацветут цветы…

И он начал ещё что-то рассказывать про весну и про птичек, но я не запомнил, потому что как раз в это время мне в голову пришла мысль написать про всё, что с нами случилось. С тех пор я начал писать и писал чуть ли не каждый день понемногу, и, хотя я писал не обо всём, а только самое главное, я подошёл к концу, уже когда занятия в школе кончились и мы с Костей перешли в следующий класс с одними пятёрками.

Вот и всё, о чём мне хотелось сказать.

